This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

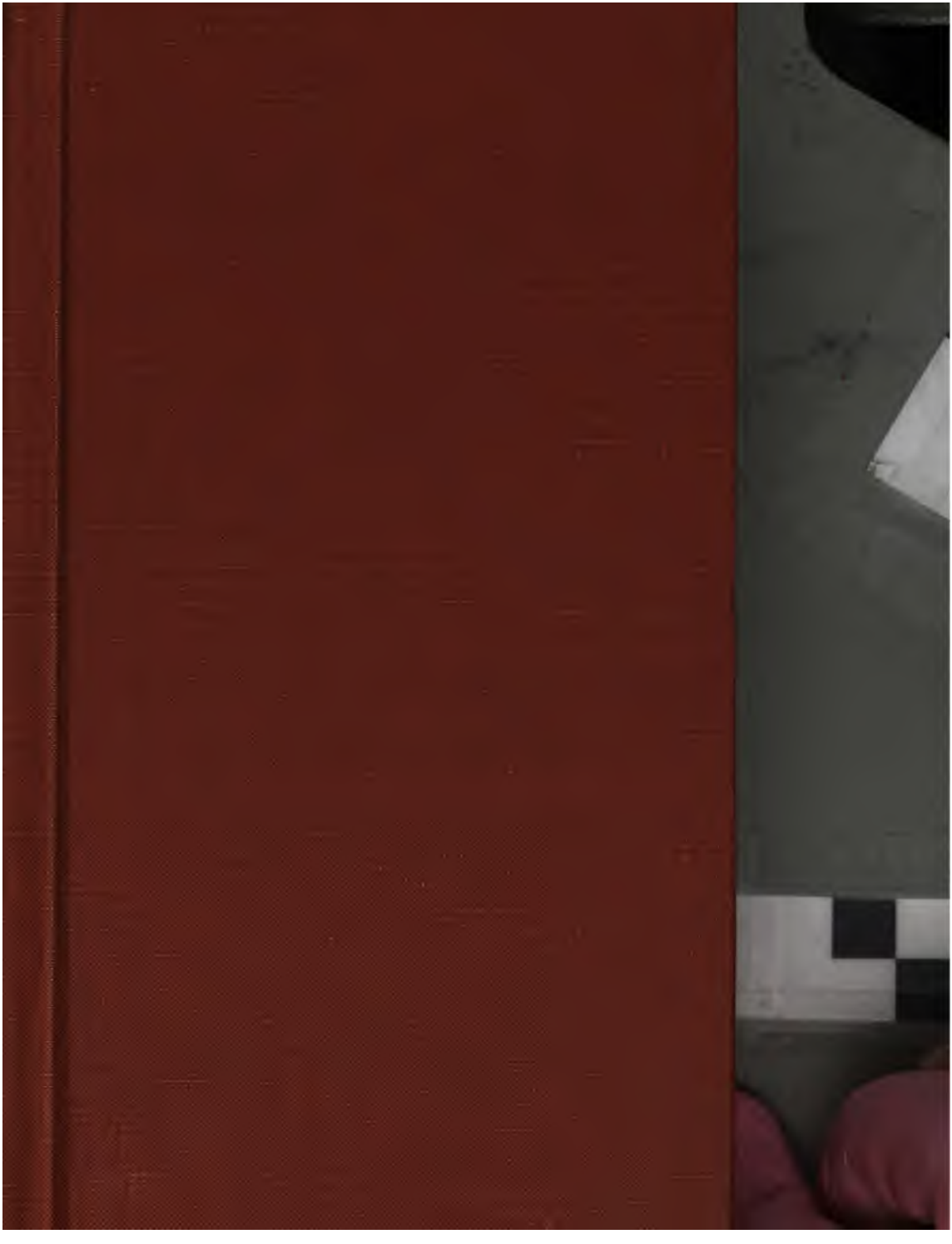
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

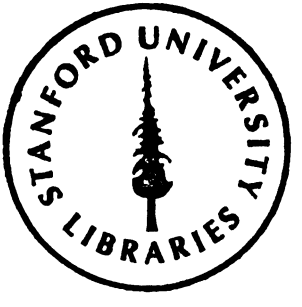
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

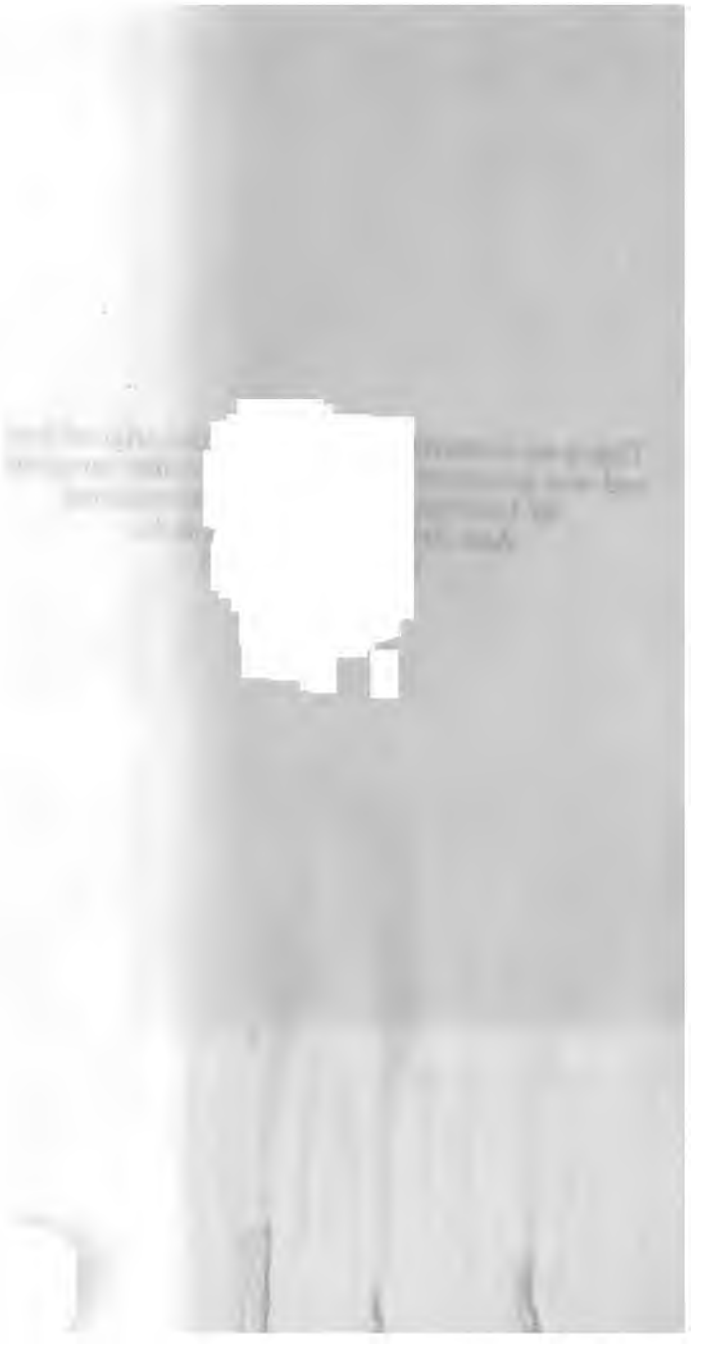
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`




STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

This is an authorized facsimile of the original book
and was produced in 1978 by microfilm-xerograph
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

This is an authorized facsimile of the original book
and was produced in 1978 by microfilm-xerograph
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England



ПЕРЕСМѢШНИКЪ

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ I.

Изданїе третїе съ поправленїемъ.

МОСКВА.
Въ типографїи Пономарева
1789.

Chulkov, M.D. U 541 J

ПЕРЕСМѢШНИКЪ

или

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ЧАСТЬ I.

Изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Пономарева
1789.

PG 3311
C5P4
1789
v.1/2

M.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Господинъ читатель! кто ты такоѣ ни есть, для меня все равно, лишь только будь человѣкъ добродѣтельной, это больше всего: ты не можешь отгадать, съ какимъ намѣреніемъ выдаю я сіе собраніе словъ и рѣчей, ежели я не скажу тебѣ самъ; только не подумай, что я намѣренъ солгать, и вскорѣ свидѣвшись съ тобою, тебя обманушь. При первомъ свиданіи, съ кѣмъ бы то ни было, я никогда не лгу; а разнѣ уже довольно познавшись, то дѣло сбышное.

Ежели можно мнѣ повѣрить, какъ человѣку умѣющему хорошо лгать и въ случаѣ иногды говорить по неволѣ правду (*); то я скажу, что выпускаю сію книгу на волю не съ тѣмъ, чтобъ ею прославиться или тому что нечѣмъ, ибо бездѣлицею дѣла му свѣту показаться не возможно; а единственно для того, чтобъ научишься. Я прежде представляю,

(*) *А это можно почти счесть обыкновеніемъ нынѣшняго свѣта.*

сколько будутъ объ ней переговаривать, пересуждать и исчислять всѣ погрѣшности; тогда я, какъ человѣкъ посторонній буду слушать ихъ разговоры и впредъ воздерживаться отъ моихъ слабостей. Другое, что ежели бы я не выдалъ ее и покусился бы сочинить что нибудь важное, то не зная моихъ ошибокъ, положилъ бы ихъ равно и въ хорошемъ сочиненіи.

Въ сей книгѣ важности и нравоученія очень мало, или совсѣмъ нѣтъ. Она и удобна, какъ мнѣ кажется, исправить грубые нравы; опять же нѣтъ въ ней и того, чѣмъ оные умножить; и такъ оставивъ сіе обое, будетъ она полезнымъ препровожденіемъ скучнаго времени, ежели примутъ трудъ ее прочитать.

Мнѣніе древнихъ писателей: Естьли кто презираетъ малыя вещи, тотъ никогда много разумѣть не можетъ. Я стараюсь быть писателемъ, естьли только когда нибудь мнѣ сіе удастся; и все мое желаніе основано на этомъ; и какъ сіе еще первой мой трудъ, то не осмѣлился я приняться за важную матерію, потому что вдругъ не можно мнѣ быть обо всемъ свѣдущу, а со временемъ можетъ быть и получу сіе счастіе, что назовутъ меня сочинителемъ; и когда я сыщу сіе имя, то надобно, чтобъ разумъ мой уже просвѣтился и сдѣлался я побольше свѣдущъ: чего желаю сердечно и прошу моихъ знакомцовъ, чтобъ и они также мнѣ онаго пожелали, ежели не позавидуютъ; а въ доказательство своей дружбы, прочитавъ сію книгу, открывали бы пріятель-

ски мои въ ней погрѣшности, что будетъ служить къ моему поправленію.

Долженъ я извиниться въ томъ, что въ такомъ простомъ слогѣ моего сочиненія есть нѣсколько чужестранныхъ словъ. Оныя клалъ я иногда для лучшаго приятства слуху, иногда для того, чтобъ надъ другими посмѣяться, или для той причины, чтобы посмѣялися нѣмъ надо мною Человѣкъ, какъ сказываютъ, живопное смѣшное и смѣющееся, переемѣхающее и переемѣхающееся: ибо всѣ мы подвержены смѣху и всѣ смѣемся надъ другими.

Сверхъ же всего есть такіе у насъ сочинители, которые Рускими буквами изображаютъ Французскія слова, а малознающіе люди, которые учатся только одной грамотѣ, да и то на мѣдныя деньги, увидѣвъ ихъ напечатанными, думаютъ что по красотѣ нашему языку; и такъ вписываютъ ихъ въ записныя книжки, и послѣ затверживаютъ; и я слыхалъ часто самъ, какъ они говорятъ: вмѣсто, пора мнѣ ишти домой, время мнѣ интересоваться (*) на квартиру; вмѣсто, онъ будучи такъ молодъ упражняется въ волокитствѣ, онъ будучи такъ малъ, упражняется въ амурныхъ куриозіяхъ; и весь почитай гостиной дворъ говоритъ устами не давно проявившагося

(*) *Вмѣсто ретируется; однако и это не хорошо, да нужда не въ томъ, чтобы былъ смыслъ, а нужда только во Французомъ.*

сочинителя Я желалъбы, чтобъ господа малознающіе языкъ, не слѣдовали такому наставнику; для того что чужестранныя слова совсѣмъ имъ не годятся, и не всякой Руской человѣкъ пойметъ ихъ знаменованіе, да и за чѣмъ безъ нужды употреблять не нужное, и ежели сказать правду, то они служатъ больше намъ вредомъ, нежели щеголеватымъ нарѣчіемъ.

Господинъ читатель! прошу, чтобы вы не старалися узнать меня, по тому что я не изъ тѣхъ людей, которые стучатъ по городу четырьмя колесами и подымаютъ лѣтомъ большую пыль на улицахъ; слѣдовательно тебѣ во мнѣ нужды нѣтъ. Сколько мало я имѣю понятія, столько низко мое достоинство, и почти совсѣмъ не видать меня между великолѣпными гражданами; а естьли ты меня узнаешь, то непремѣнно долженъ будешь по прозьбѣ моей помогать моему состоянію, что будетъ для тебя можетъ быть лишній трудъ; а есть много такихъ людей, которые совсѣмъ не охотники дѣлать вся моществованія: такъ естьли ты изъ сего числа, то не старайся пожалуй и тогда смотрѣть на меня, когда будешь находить во мнѣ нѣкоторые признаки. Я бываю одѣтъ такъ, какъ всѣ люди, и ношу кафтанъ съ французскими борами, а что еще больше служитъ къ примѣчанію, то отъ роду мнѣ двадцать одинъ годъ, и я человѣкъ совсѣмъ безъ всякаго недостатка, что касается до человѣчества, то есть во всемъ его образѣ; только крайне бѣденъ, что всѣмъ почти мѣл-

котравчатымъ, такимъ, какъ я, сочинителямъ общая участь.

Мое мнѣнїе такое, но не знаю, какъ приметъ его общество; лучше писать худо, нежели совсѣмъ ничего не дѣлать. Когда кто можетъ что нибудь, хотя не важное, расположить порядочно, то тотъ мнѣ кажется легче приняться можетъ и за хорошее; а когда же кто не располагалъ бездѣлицъ, тотъ важнаго никогда расположить не можетъ. Кто плавалъ по рѣкѣ, тотъ смѣлѣе пускается въ море. Привычка и частое упражненіе въ дѣлахъ, слыхалъ я, приводятъ въ совершенство. Когда желаемъ мы чему нибудь научиться, то приступаемъ къ нему весьма тупо, и отъ того-то произошла пословица: первую пѣсенку зардѣвшись спѣть.

И такъ великодушной и добродѣтельной человѣкъ извинитъ меня и пожелаетъ, чтобы я научился; а естьли вооружатся на меня насмѣшники, которые изъ зависти больше стараются испортить человѣка нежели исправить, по тому что они не умѣютъ и вмѣсто разума имѣютъ етотъ даръ отъ природы, чтобъ и худое и доброе пересмѣхать, не зная въ обоихъ толку, то я скажу имъ сонъ, которой я въ прошедшую ночь видѣлъ.

Снилося мнѣ, будто бы я гулялъ на Венериной горѣ и поймавъ двухъ ея Нимфъ цаловалъ столько, сколько мнѣ заблагоразсудилось, по тому что цаловаться съ дѣвушками преве-

такой я охотникъ. Вдругъ услышалъ голосъ умирающаго ребенка: я и на яву жалостливъ, а не только во снѣ; и такъ бросился на избавленіе оному. Прибѣжавши на голосъ, увидѣлъ я сидящую злобную Ату, которая давила въ своихъ колѣняхъ молодаго Сапира. Онъ уже почитай умиралъ, я вырвалъ его съ превеликимъ трудомъ изъ ея рукъ, и стараніемъ моимъ спасъ его жизнь, которую уже было онъ готовился попрать. Вдругъ предсталъ передъ меня Меркурій, и объявилъ, что присланъ онъ отъ собранія боговъ, которые требуютъ меня къ себѣ. Потомъ въ одинъ мигъ перенесъ меня на Олимпъ. Тутъ увидѣлъ я премногое заѣдающихъ боговъ. Палъ, подошедъ къ Юпитеру, просилъ его, чтобы онъ за избавленіе мною его сына, которого хотѣла умертвить Ата, сдѣлалъ мнѣ награжденіе. Юпитеръ приказалъ подавать всѣмъ свои совѣты, чѣмъ бы наградить такого смертнаго, которой возвратилъ жизни Панову сыну. Моему мнѣнію принято было лучше всѣхъ; онъ съ позволенія Зевесова подарилъ мнѣ перо, и сказалъ, что до скончанія моей жизни могу я имъ писать никогда не очиняя, и чѣмъ больше стану его употреблять тѣмъ больше будетъ оно искуснѣе чертить. И такъ писалъ я имъ сію книгу, и какъ въ первой разъ его употребилъ, то можно видѣть что оно еще не описалось, а по обѣщанію Моему можетъ быть оно придетъ со временемъ въ совершенство и будетъ порядочнѣе чертить по бумагѣ.

И такъ, выдавая сію книгу, примолвилъ слова нѣкотораго говоруна: кто желалъ

отдаться морю, тотъ не долженъ на рѣкѣ страшиться слабаго волненія.

Подъ именемъ рѣки разумѣю я насмѣшниковъ, противъ которыхъ и мой ротъ также свободно растворится можетъ, только думаю, что имъ мало будетъ выигрыша шутить съ такимъ маловажнымъ человѣкомъ, которой бываетъ иногда легче бездушнаго пуху и которой въ случаѣ нужды также отшучиваться умѣетъ.

Русакъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ
ИЛИ
СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

Начало пустословія.

Господинъ Адударонъ, котораго называли моимъ отцомъ, (а правильно или нѣтъ, о томъ сомнѣваться всякому позволено: ибо достовѣрной сему свидѣтель была бы мать моя родная, которая въ то самое время умерла, въ которое меня родила. Она была тому причиною, что въ нашемъ домѣ родины и похороны были вмѣстѣ; что людямъ, желающимъ часто ходить по гостямъ, подало великую надежду подолѣ попировать:) воспиталъ меня какъ родного своего сына; а можетъ быть и подли-

но я былъ ему не чужой, хотя на постоянство покойной матери моей и не совсѣмъ должно было полагаться. Она была женщина нынѣшняго вѣка, въ которомъ многія изъ нихъ возвышаются любовниками, и у которой ихъ больше числомъ, на прочихъ и чиномъ поважнѣе, для того что въ полкахъ онъ не служатъ, слѣдственно и достоинства у нихъ по своему назначаются.

Я произшелъ отъ знатнаго и проворнаго поколѣнія: знатно оно по тому, что всѣ сосѣди знали моего отца, покойную матъ мою и меня; проворнымъ же назвалъ я его по причинѣ, что отецъ мой былъ Жидъ, а матъ была Цыганка: такіе люди всегда бываютъ искуснѣе прочихъ въ проводахъ и обманахъ. Читатель безъ сомнѣнія дожидается сбытія сей пословицы: „Отъ добраго дерева добрыя и отрасли.„ Вы не обманываетесь(*), и будете свидѣтель, что я истинной ихъ сынъ, и достоинъ сего имени, что произошелъ на свѣтъ изъ Цыганскія утробы.

Благодаря больше природѣ за рожденіе мое, нежели жалуясь на судьбину, за похищеніе жены, родитель мой меня окрестилъ на шестой недѣлѣ послѣ явленія моего на

*) Это я говорю одному, а не многимъ. Читатель самъ догадаться можетъ, для чего тутъ стоитъ не то число, а далѣе отъ разума и отъ природы.

свѣтъ. Какъ въ ту пору я былъ ни малъ, однако имѣлъ столько смысла, какъ сказываютъ, чтобъ ударить бабку въ щоку, которая, готовясь пѣсни меня въ церковь, напилась до пьяна; и когда священникъ разсердясь за сіе кричалъ на нее, то я, какъ будто бы смысля его слова, въ самое то время ударилъ ее правою рукою въ лѣвую щоку, отъ чего всѣ люди пришли въ удивленіе, и смѣялись столько, сколько можно въ церквѣ (*). Съ того времени всѣ наши прихожане ожидали изъ меня по возрастѣ моемъ чего-нибудь важнаго; и самъ родитель мой былъ такого же мнѣнія, для того, что рѣдко случается съ ребенкомъ, которой бы, будучи такъ малъ, наказывалъ свою повинную за проступки.

О пѣснинедѣльномъ моемъ рыцарствѣ слава мол возрастала вмѣстѣ съ моими лѣтами; и какъ такія дѣла обыкновенно съ прибавкою ходятъ въ свѣтѣ, то нѣкоторые сказывали, будто бы я говорилъ у матери моей во чревѣ, и выпедши изъ онаго въ тужъ минуту просилъ ѣсть, и много

(*) Въ церквѣ смѣяться нисколько не можно, однако есть такіе у насъ разумники, которые не только попихоньку, да и вслухъ хохочутъ забывъ благопристойность, или важнѣе страхъ Божій.

подобныхъ сему невозможностей набрѣдили. А ежели кто и теперь этому повѣрить захочетъ, препятствовать ему не могу: всякаго понятїе всякому толкуетъ розно.

Во время моего возраста дѣлалъ я такїя дѣла, которыхъ не можно никому ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать и ни въ скаскахъ сказать. Объ нихъ въ то время довольно говорили: а нынѣ, думаю, у многихъ вышли уже они изъ памяти. Однако я извиняю тѣхъ, которые объ нихъ забыли; причиною можетъ быть тому природная здѣшнему свѣту тлѣнность. Когда уже забываются славныя дѣла великихъ Государей, то какъ можно уцѣлѣть памяти о такомъ маловажномъ человѣкѣ, каковъ есмь азъ многогрѣшный.

На осьмнатцатомъ году моего возраста какъ будтобы я вознамѣрился подтвердить носящуюся о мнѣ славу; а естьли кто хочетъ узнать, какимъ побытомъ, тотъ пускай подалѣе прочесть изволитъ. Въ сосѣдствѣ съ нами жилъ отставной Полковникъ, котораго домъ подверженъ былъ великой опасности: всѣ жители въ ономъ трепетали отъ страха; хозяинъ не зналъ что дѣлать, и какъ избавиться, потому что всякую ночь посѣщалъ его домъ мертвецъ. Домаш-

ще его, вмѣсто того, чтобъ стараться его выгнать, прятались всѣ въ домѣ какъ возможно далѣе, запирались въ горницахъ крѣпче, и находились полумертвыми и неподвижными. Вкоренное въ нихъ о мертвецахъ отъ прадѣдовъ мнѣніе не позволяло приняться имъ ни за какое оружіе; ибо думали, что вреднить ему ничто не можетъ: а страхъ не позволялъ имъ и помыслить о дракѣ съ покойникомъ.

Въ одно время Полковница, которой имени я здѣсь не выговорю изъ почтенія къ женскому полу, (по тому что не очень пріятно смотрѣть на свой образъ написанной худыми красками, а особливо женщинѣ, которая чрезчуръ влюблена въ свою красоту) оставила меня ночевать у себя въ домѣ. Я отъ природы былъ велерѣчивъ; часто разсказывалъ имъ исторіи о древнихъ чернухъ, сказки о вымышленныхъ корольхъ, повѣсти о богатыряхъ Усыняхъ, Горыняхъ, Дубыняхъ и словомъ, всякія веселости, какія только выдумать могъ. Юпитеръ употреблялъ Меркурія, чтобъ веселую для него ночь продолжить; а она меня, чтобъ скучную для нее укоротковать. До одиннадцатаго часу сидѣлъ я подлѣ ея кровати, и разсказывалъ сказку о двенадцати дняхъ, которую не дослушавъ она, уснула. Уже приходило то время, въ которое дол-

жно было появиться мертвецу; ибо онъ обыкновенно жаловалъ къ нимъ въ полночь. Всѣ въ домѣ спали, и грѣзились имъ страшные сны; а которые пробужались, тѣ прикрывали головы свои подушками. Я никогда не видалъ еще мертвецовъ, какъ они ходятъ, загасилъ свѣчу, которая шутъ горѣла; любопытство мое вывело меня изъ покоевъ въ сѣни и отперло мнѣ въ оныхъ двери: а что то есть страхъ, я о томъ и не думалъ; можетъ быть и природное во мнѣ было безстрашіе, объ этомъ осмѣливаюсь я разсуждать испытателямъ естества. Я ничего не боялся, и сошелъ съ крыльца на дворъ: ночь была такъ темна, что ежелибы спрятать гдѣ-нибудь въ углу слона, то бы не увидѣлъ его и самъ сатана, хотя бы онъ смотрѣлъ сквозь самой лучшій Французской лорнетъ. Сталъ я къ стѣнкѣ подлѣ погреба, и не много подождавъ услышалъ стукъ, такъ какъ бы удобно лѣзть человѣку чрезъ заборъ. Сперва подумалъ было я, что это лѣзетъ воръ, и такъ непосредственно испугался. Эти неудобные художники не только робятамъ, да и старикамъ кажутся страшны. Однако скоро одумался, и разсуждалъ, какой человѣкъ можетъ осмѣлиться притти вмѣстѣ съ мертвецомъ, и въ одно время; когда его Полковникъ прусскій, то уже простой

солдатъ умретъ отъ страха. Желаніе мое увидѣть мертвеца тотчасъ прогнало такое возображеніе: слышалъ я, что онъ пошелъ къ крыльцу, и послѣ начали подходить ко мнѣ двое, такъ что могъ я понять изъ рѣчей: тише, одинъ говорилъ; а другой отвѣтствовалъ, слышу. Стали потомъ отпирать двери, и вошли въ погребъ. Дверь была растворена по входъ ихъ; и такъ прокравшись по тихоньку вошелъ и я туда же. Что-жъ я тамъ услышалъ? началось услованіе, и стали говорить любовное изъясненіе. Легко отгадать можно, сколько я удивился. Потомъ застучали стаканы, и начало переливаться, какъ думаю, вино: пито довольно, и послѣ сдѣлалось молчаніе, и продолжалось съ четверть часа; а какъ стали говорить, то примѣтилъ я, что они нѣсколько запыхались. По учиненіи съ обѣихъ сторонъ учтивостей стали они прощаться; а я выскочилъ тотчасъ изъ погреба, боясь, чтобъ меня не заперли, и сталъ подлѣ самыхъ дверей. Мертвецъ шелъ отсюда напередъ. Сколько ни было темно, однако разсмотрѣлъ я, что онъ былъ въ долгомъ бѣломъ саванѣ, росту высокаго, съ окладистою черною бородою и съ орлинымъ носомъ. Онъ полѣзъ также чрезъ заборъ, а другая пошла обратно на крыльцо. Я принужденъ былъ бѣжать попрежнѣе, чтобъ

не остаться до утра на дворѣ. Поужинавши въ сѣни, спалъ за дверьми; женщина также вошла, заперла двери и пошла въ горницу, гдѣ жила набожная и цѣломудренная ключница. Я отправился опять въ спальню, гдѣ приготовлена была для меня постеля, легъ на нее, однако заснуть не могъ. Думалъ я самъ въ себѣ, надобно ли мнѣ сказать завтре объ этомъ приключеніи Полковницѣ, или нѣтъ: сомнѣвался я, чтобъ мнѣ въ этомъ повѣрили, и тотъ положилъ развѣдать сіе хорошенько, чтобъ достовѣрнѣе показались мои слова. На ключницу не имѣлъ я никакого подозрѣнія; и такъ опасался ее обидѣть.

Я бы и долѣе еще разсуждалъ, однако свѣтъ прекратилъ мои мысли. Не разсужденія мои разбудили солнце, а можетъ быть уже дѣйствительно была пора ему всходить. Сонъ оставивъ другихъ, пришелъ ко мнѣ и успокоилъ меня; ибо онъ не принимаетъ никакихъ опговорокъ (*).

Не дожидаясь, чтобы я пробудился, домашніе всѣ встали. Мы съ Полковни-

(*) Многіе говорятъ, что отъ дьявола отговориться можно молитвою, отъ обидчика судомъ, отъ подьячего деньгами, отъ буяна дубиною, а о снѣ ничего не упоминаютъ.

цею опочивали до двенадцати часовъ, по обыкновенію знатныхъ господъ тѣхъ, которые не имѣютъ никакого дѣла, въ числѣ коихъ и мы съ нею находились. Весь городъ столько довольно дѣлъ не надѣлалъ, сколько довольно мы двое съ нею гуляли. Въ то время, какъ и мы разсѣялись съ посѣщеніями, нашло въ сильну къ намъ премножество народу обоего пола, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, выключая женщинъ, которыхъ я не могъ разобрать, которая изъ нихъ молодая, и которая старая; лицо у всякой покрыто было бѣлою, а губы и щоки красною мазью. Онѣ мнѣ всѣ казались шестнадцатилѣтними дѣвушками, хотя послѣ провѣдалъ я, что самая молодая изъ нихъ была на сорокъ пятомъ году, или близко того. Надобно было время два часа Полковницѣ одѣться; она была хотя обвешалая, однако щеголиха. Лицо ея было самой древней печати и худаго писменія; носъ ея предешавлялъ кривую ижицу; борода и губы казались какъ будтобы спаржиной юсъ въ драгунской шляпѣ; на лбу и на щекахъ разставлены были кавыки и запятыя весьма безпорядочно. Такую примамчивую красоту прикрывала она масленими красками бѣлою и красною, а брови сурмила ипо-

графскими чернилами; и такъ лицо ея весьма было гладко, и казалось, какъ будтобы лощеное свинымъ зубомъ, или Цыганскимъ камнемъ, которымъ они на тартавой лошади наводятъ глянецъ. Когда она совсѣмъ одѣлась, тогда начали разговоръ о несчастіи и безпокойствѣ, которое причиняетъ всему ихъ дому мертвецъ. А какъ извѣстно, что начало рѣчи выводитъ за собою и конецъ, которой проводилъ всѣхъ, кто тутъ ни былъ, въ столовую горницу.

Господинъ читатель! намъ лучше будетъ слушать ихъ за столомъ; когда они понаберутся довольно винца, тогда языкъ ихъ будетъ проворнѣе и мысль посвободнѣе. Они ужъ сѣли: какъ вы думаете, кто изъ нихъ больше съѣстъ? Вы конечно скажете, что тотъ толстой и одутловатой дворянинъ, которой очень много походитъ на квадратную черепаху. Въ етомъ вы обманулись: по лѣвую руку госпожи Полковницы, видите вы, сидитъ Офицеръ; онъ по прямой линіи происходитъ отъ Голіафа, а по мнѣнію другихъ отъ Визина, сына Нептунова, которой такую великую смѣлость и дерзость имѣлъ въ рѣчахъ, что сдѣлали изъ него пословицу, и говорили про смѣлаго болтуна, что онъ дерз-

новенкѣе на словахъ и самаго Визина. Сколь родъ его тянется далеко, столько онъ великъ ростомъ, тонокъ и нескладенъ: голова у него очень малой руки, и притомъ деревяшка; съ вискомъ, и что назади виситъ коса, походитъ на подьячего, и въ самомъ дѣлѣ крючкотворецъ пре-великой. Онъ для того родился на свѣтъ, чтобъ пить, ѣсть и заводить ссоры, а больше ни къ чему не способенъ. Видите, онъ уже разстегнулъ камзолъ, и хочетъ перемѣнить девятую тарелку; онъ ни одного не оставитъ цѣлаго кушанья и всѣхъ отвѣдаетъ до половины. Эта ржаная тварь вездѣ такъ ѣстъ, какъ будтобы предчувствуетъ дѣйствительный голодъ. А тотъ, котораго вы хотѣли почесть прожорою, потерялъ совсѣмъ вкусъ, и ѣстъ очень мало, по тому что Французской желудокъ не варитъ ржанаго хлѣба. Здѣшнее кушанье ему не нравится, ибо готовилъ его не Французъ. Онъ теперь въ глубокихъ мысляхъ; думаетъ сдѣлать новую Географію и перепечатать по своему ландкарты, на которыхъ въ срединѣ у него будетъ стоять городъ Москва. Сіе мѣсто казалось бы ему негоднымъ, такъ какъ и тѣмъ, которые ненавидятъ свое отечество; да въ немъ живетъ его любовница: она сидитъ противъ его. И такъ по одной

сторонѣ сего города хочетъ поставить онъ Пекинъ, по другой Константинополь, по третьей Парижъ, а на четвертой Римъ, и такъ близко, чтобъ вставши съ постели, ходить ему по утру пить чай въ Пекинъ, послѣ обѣда въ Константинополь пить кофе, въ полдень въ Римъ пожирать тамошніе плоды, а къ ночи въ Парижъ пить шеколадъ, и кстати уже тамъ прохлаждаться съ податными Французскими щеголихами. Роскошнѣе его вы не сыщете во всей вселенной. Мы еще не слышимъ ихъ разговоровъ; конечно не довольно они еще накушались. Оставимъ все, что ни есть на столѣ, ихъ голоду на жертву; пускай они будутъ довольны. Пока они станутъ кушать, а я тѣмъ временемъ подумаю о расположеніи второй главы.

новеннѣе на словахъ и самаго Визина. Сколь родъ его тянется далеко, столько онъ великъ ростомъ, тонокъ и нескладенъ: голова у него очень малой руки, и притомъ деревянная; съ висковъ, и что назади виситъ коса, походитъ на подьячего, и въ самомъ дѣлѣ крючкотворецъ превеликой. Онъ для того родился на свѣтъ, чтобъ цить, ѣсть и заводить ссоры, а больше ни къ чему не способенъ. Видите, онъ уже разстегнулъ камзолъ, и хочетъ перемѣнить девятую тарелку; онъ ни одного не оставитъ цѣлаго кушанья и всѣхъ отвѣдаетъ до половины. Эта ржаная тварь вездѣ такъ ѣстъ, какъ будто-бы предчувствуетъ десятилѣтній голодъ. А тотъ, котораго вы хотѣли почесть прожорою, потерялъ совсѣмъ вкусъ, и ѣстъ очень мало, по тому что Французской желудокъ не варитъ ржанаго хлѣба. Здѣшнее кушанье ему не нравится, ибо готовилъ его не Французъ. Онъ теперь въ глубокихъ мысляхъ; думаетъ сдѣлать новую Географію и перепечатать по своему ландкарты, на которыхъ въ срединѣ у него будетъ стоять городъ Москва. Сіе мѣсто казалось бы ему негоднымъ, такъ какъ и тѣмъ, которые ненавидятъ свое отечество; да въ немъ живетъ его любовница: она сидитъ противъ его. И такъ по одной

сторонѣ сего города хочешь поставить онъ Пекинъ, по другой Константинополь, по третьей Парижъ, а на четвертой Римъ, и такъ близко, чтобъ вставши съ постели, ходишь ему поутру пить чай въ Пекинъ, послѣ обѣда въ Константинополь пить кофе, въ полдень въ Римъ пожирать иламонные плоды, а къ ночи въ Парижъ пить шеколадъ, и кончишь уже тамъ прохлаждаться съ подлинными Французскими цеголихами. Роскошнѣе его вы не сыщете во всей вселенной. Мы еще не слышимъ ихъ разговоровъ; конечно не довольно они еще накушались. Оставимъ все, что на столѣ, ихъ голоду на жертву; пускай они будутъ довольны. Пока они спанутъ кушать, а я тѣмъ временемъ подумаю о расположеніи второй главы.

ГЛАВА II.

ЕЖЕЛИ ОНА БУДЕТЪ НЕ СКЛАДНА, ТО ВЪ ТОМЪ Я НЕ ВИНОВАТЪ, ПОТОМУ ЧТО БУДУТЪ ГОВОРИТЬ ВЪ НЕЙ ПЬЯНЫЕ:

Мнѣ удивительно, сказалъ обѣдало, наполнивъ брюхо свое съ излишкомъ, (голосъ его походилъ тогда на разноголосную надутую волынку,) что этотъ мертвецъ отважился обезпокоивать Шпага и не обсервуетъ (*) чести Полковника. Знаетъ ли онъ, что и на томъ свѣтѣ не сыщетъ мѣста; ежели я приведу мою ро-

(*) Обсервуетъ, слово не Руское; оно потерявъ свое подобіе въѣхало въ нашъ языкъ. Латинское observo значитъ по Руски наблюдаю, почитаю: а ето что значитъ, того я не вѣдаю; можетъ быть observo испорчено съ одного конца какимъ-нибудь краснобаемъ и такъ шатается въ Россіи. Естьлибы теперь былъ здѣсь какой нибудь Римлянинъ, то бы онъ подарилъ хорошую пару оплеушинъ одному моему знакомцу за то, что онъ ето слово всегда въ разговорахъ помыкаетъ; а особливо ежели на кого разсердится, то и кричитъ у [illegible] для чего ты не обсервуешь моей чести? И сверхъ того пишетъ и въ приказныхъ дѣлахъ.

ту, и велю выстрелить по немъ залпомъ, то и сквозь дьявольское его тѣло свѣтиться станетъ. Онъ былъ весьма храброй Офицеръ, и на двадцатомъ еще году своего возраста мать свою родную высѣкъ розгами. Ключница въ семъ случаѣ оробѣла: храбрость сего рыцаря произвела въ ней немалую тревогу; она стояла за стуломъ у хозяина, и имѣла позволенїе вмѣшиваться въ разговоры. Въ семъ домѣ почитали ее Сивиллою, и когда она говорила, то слушали ее всѣ и подтверждали съ почтенїемъ ея слова. Смущенїе ея и отвѣтъ сытому гостю возбудили во мнѣ подозрѣнїе, и я уже началъ думать, что погребное свиданїе ей не безъизвѣстно. Послѣ ея словъ началась Татарская музыка; всякъ заговорилъ своею погудкою, и кто былъ довольнѣе, тотъ и кричалъ громче. У всякаго въ бутылкѣ ничего уже не осталось, и такъ ихъ отодвинули, какъ ненадобную и скучную глазамъ посуду. Мнѣ всѣхъ вдругъ слушать было не возможно; я сидѣлъ подлѣ хозяйки. Можетъ быть иной тому не повѣритъ, и скажетъ, что это не возможно, чтобъ такая мѣлкая тварь замѣшалась въ благородную компанїю (*). Я на это

(*) Компанїя по Руски бесѣда, товарищество. Я для того не поставилъ онаго на Рускомъ языкѣ, что были тутъ Нѣмцы и Французы тѣ,

отвѣчаю такимъ образомъ: наперстникъ благополучія бываетъ иногда не меньше Китайскаго Кутухты. Счастіе въ семъ случаѣ оказало надо мною свое могущество; и я былъ за этимъ столомъ не маловажная особа. Сверхъ же того за ученіе меня писать дьячку нашего прихода платилъ я собственныя мои деньги; слѣдственно пишу я по моей волѣ. Однако возвратимся опять къ нашему столу. Я принялся слушать разговоръ между Полковницею и разстрепаннымъ Офицеромъ. Въ моей деревнѣ, судырыня, говорилъ онъ, (которой у него совсѣмъ не бывало; ибо онъ гораздо изъ мѣлкопоместной фамиліи (*), и воспитанъ мамкиною. Я бы расказалъ, для чего онъ и другие ему подобные очень много хвастаютъ, только совѣсть меня отъ того удерживаетъ,

которые не только Руския слова, но и насъ самихъ ненавидятъ, не смотря на то, что питаются нашимъ хлѣбомъ. Къ чему примолвлю пословицу: Неблагодарнаго довольствовать, равно какъ грѣть змѣю за пазухой.

(*) Фамилія по Руски родъ, порода, колѣно, семья. Здѣсь не поставлено для того по Руски, что я говорю не о простомъ гражданинѣ. Я человѣкъ не храброй, слѣдственно до драки неохотникъ. Семья слово не знатное, а фамилія слово благородное, такъ и дóбно его непремѣнно оставлять для такихъ знатныхъ господъ, каковъ есть мои благоизбранной разгильдяй.

по тому что я и самъ не рѣдко хватаюсь за сіе ремесло, и оно, мнѣ кажется, сродно всѣмъ нашимъ волокитамъ; другое же то, что не хочу перебивать его рѣчей.) имѣлся (*) одинъ крестьянинъ, продолжалъ словесной богачъ, которой былъ столько достаточенъ, что всегда превосходилъ имѣніемъ своего господина. Но при всемъ своемъ богатствѣ былъ онъ чрезмѣрно скупъ и копилъ деньги съ великимъ раченіемъ: сверхъ того онъ былъ чернокнижникъ (**). Приведши очень въ глубокую старость умеръ. Жена и дѣти, которые остались послѣ его наслѣдниками, получа его все богатство, не очень ему радовались; ибо онъ умирая сказалъ, что будетъ приходить къ нимъ каждую ночь, что дѣйствительно и сбылось. Въ самую первую полночь доказалъ обѣщаніе свое покойникъ очевиднымъ дѣломъ; купили они гробъ ему съ дырою, потому что въ деревнѣ нашли было другаго не возможно, а былъ у продавца этотъ одинъ. Положа въ него мертвеца, поставили на столъ съ пивомъ по серединѣ избы.

(*) Слово сіе съ крючкотворной фабрики; оно всегда пристегнется между сутягами.

(**) Чего книжники или колдуны прежде сего были люди случайные, а нынѣ совсѣмъ уже потеряли къ нимъ почтеніе; и ежели какъ появится, то и за чернокнижіе потаскаютъ *его также*, какъ и за всякія враки.

Когда пришла глухая полночь, то высунулъ усопшій въ дырочку палецъ, и шевелилъ имъ очень проворно. Собака, которая лежала тогда подъ столомъ, подумала, что покойникъ ее дразнитъ, разсердилась и заворчала. Читатель псалтири и кто тутъ ни сидѣлъ, закричали ей со угрозами, чтобъ она перестала. Собака успокоилась; однако смотрѣла на то мѣсто, откуда высовывался мертвой перстъ. Не много спустя, мертвецъ непосредственно тихо началъ производить языкомъ и голосомъ сіи выраженія рръ, рръ, рръ, такъ какъ обыкновенно собакъ дразнятъ. Выжлица вскочила и приступая къ гробу начала лаять, не смотря на то, что лежитъ въ немъ усопшій; она вознамѣрилась перещупать у него ляшки. Когда началось у пса съ мертвецомъ гортанное сраженіе, то всѣ домашніе обмерли и были неподвижны. Страхъ и отчаяніе подкосили имъ ноги. Псалтирщикъ опамятовался прежде всѣхъ и побѣжалъ домой къ женѣ. Бѣдная крестьянка и дѣти ея вскарабкались кое-какъ на верхъ строенія, что называется подволокою, поднимали руки къ небу, и просили помощи. Луна вытаращивши глаза только на нихъ смотрѣла, и ни мало имъ не помогала; звѣзды только что бѣсились на днѣ бездны, перескакивая съ мѣста на

мѣсто и не хотѣли ихъ слушать. Въ деревнѣ крестьяне всѣ спали, и ни одинъ не пошевельнулся; въ избѣ не знаю кто больше кого разсердилъ, мертвецъ ли собаку, или собака мертвеца, только знаю то, что онъ изъ гроба выскочилъ, и началось у нихъ сраженіе силами и проворствомъ. Борзой песъ съ налету прежде всего бросился къ нему на шею, и откусилъ ему носъ такъ плотно, что онъ началъ походить на колмыка, или на моську. Долго противились другъ другу сіи ратники: однако наконецъ покойникъ преодолѣлъ, къ несчастію жены своей и дѣтей, спасателя ихъ жизни, и полѣзъ по лѣсницѣ къ нимъ на верхъ, и показался имъ уже до половины, въ которой было мѣрою аршина полтора. Представьте себѣ, примолвилъ тогда краснобай, въ какомъ они были страхѣ, и можетъ быть уже себя не помнили. Въ самое то время вспѣлъ у нихъ на дворѣ пѣтухъ: мертвецъ обрушился съ лѣсницы на низъ, и сдѣлалъ превеличайшой стукъ. Тогда меньшой покойникомъ сынъ упалъ безъ памяти, лишился всѣхъ чувствъ, и пересталъ бояться своего родителя, испустилъ духъ, сдѣлался неподвиженъ, а по просту умеръ. Душа его зацѣпилась за косу смертоноснаго духа, по

мнѣнїю нѣкотораго Философа; или хапжи лобазненной дружины.

Вы видите, сударыня, продолжалъ Бахусовъ племянникъ, что я начинаю уже шутить: а чтобъ лучше и веселѣе продолжать мнѣ мою повѣсть; то прикажите пустую мою бутылку перемѣнить на полную; тогда вы увидите, что покойной Цицеронъ грона передо мною не стоилъ. Прозьба его тотчасъ была исполнена; и онъ полную бутылку довольно учтиво встрѣтилъ, такъ что за одинъ разъ появилось у нее и дно открыто. Опорожнивъ флягу, началъ говорить опять такимъ образомъ: Когда уже, сударыня, довольно разсвѣло, и такъ сдѣлалося видно, что можно было разобрать, пустая ли бутылка стоитъ передо мною, или съ виномъ, тогда устрашенная крестьянка и съ дѣтьми своими спустилась въ окошко, и пришедъ къ попу, разсказала ему сїе приключенїе. Попъ заклялся всѣмъ на свѣтѣ, что никогда не похоронитъ его у церкви, и не пойдетъ къ ней въ домъ опитъ такого еретика, которой имѣетъ въ себѣ дьявола. Многїе сказываютъ, что етотъ попъ говорилъ ето по приличїю своего чина; а другїе на него клеплютъ, что будто онъ струсилъ, и не хотѣлъ отъ робости повидаться съ

такимъ безпокойнымъ мертвецомъ, которой, какъ онъ думалъ, за бездѣлицу не оставивъ выщипать у него бороду. Однако, какъ бы то ни было, когда вмѣшались въ разговоръ ихъ деньги, то священникъ согласился похоронить его и въ церквѣ. На правой сторонѣ въ трапезѣ изготовили покойнику спальню, или по просту могилу, въ которой его нещадительно и съ великимъ попеченіемъ закопорили. Но онъ опочивалъ въ ней только днемъ, а ночью всегда прохаживался по деревнѣ. Съ полгода крестьяне сносили етотъ страхъ терпѣливо; наконецъ выбрались всѣ и оставили домы свои пустыми, ибо усопшій весьма ихъ не любилъ, и всѣхъ безъ выбору здѣвалъ иногда по запылку, выбрасывалъ въ окошко, и шаскалъ по улицѣ за бороды весьма неосторожно. Деревня вся была пуста и церква разорена, домы перепорчены, и все въ великомъ безпорядкѣ, чему причиною былъ мертвецъ.

Въ нѣкоторое время, не вдалекѣ отъ етой деревни, заблудился въ лѣсу охотникъ: онъ ѣздилъ по немъ часовъ шесть, и не могъ сыскать дороги, которую онъ потерялъ; а искавъ оную потерялъ съ нею и день. Настала ночь, которая наградила его немалымъ страхомъ. Ло-

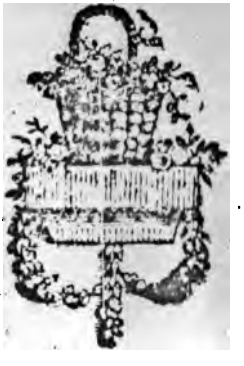
вецъ, принявъ сей подарокъ, положилъ къ себѣ за пазуху и началъ дрожать. И когдабъ не надѣлъ отъ холоду епанчи, то бы сердце у него отъ страху конечно выскочило; а въ такой темнотѣ гораздо было бы трудно его найти. Онъ отъ роду своего не имѣлъ никакова знакомства съ лѣтними, и [illegible]сался ихъ довольно по моло[illegible] конецъ выѣхалъ онъ изъ етой [illegible] страхомъ пустыни, и забрелъ [illegible] препаиную деревню. Вошелъ в[illegible] домъ, и скоро разглядѣлъ, чт[illegible] въ немъ хозяина, равномѣрно какъ [illegible] всей деревнѣ; и когда увидѣлъ, чт[illegible] полномочный въ ней повелитель, [illegible]ыбралъ себѣ самое лучшее строенїе для препровожденїя ночи. Ето былъ домъ того священника, которой счистилъ съ крестьянки десять рублей, чтобъ похоронить мужа ея въ церквѣ. Расположившись въ немъ, рыцарь легъ опочивать въ переднемъ углу, запершись кругомъ крѣпко: хотя онъ и не ужиналъ, однако уснулъ довольно сладко. Шутливой покойникъ, или лучше ненавистникъ сонныхъ людей, подошедъ подъ окно, открылъ его очень искусно, и протянувъ руку ущипнулъ моего богатыря, которой спалъ на лавкѣ подлѣ окошка, легонько за носъ. Пугало зайцовъ вско-

чилъ благимъ матомъ, ухватилъ себя за носъ, у котораго по собственному его щету не доставало правой ноздри, и кровь текла весьма обильно; потомъ высунулся въ окошко, желая знать, кнобъ такъ пріятельски съ нимъ подшутилъ. Какъ скоро онъ высунулъ голову, то стоящій у окна мертвецъ погладилъ его въ самое тѣмя такъ искусно, что онъ перевалился опять въ избу безъ памяти, отдыхалъ съ полчаса на полу, и лежа на спинѣ имѣлъ довольно времени позабыть страхъ и разсердиться непосредственно геройски. Потомъ опамятовавшись, выскочилъ на улицу, и первая была ему встрѣча его пріятель, которой такъ искусно его погладилъ. Вцѣпились они другъ въ друга; охотникъ началъ щекотать мертвеца своимъ тесакомъ, которой весьма не подъ пару былъ мертвому тѣлу. Воецъ мой выдергивалъ имъ изъ него довольно полновѣсные куски, и въ первой разъ лишилъ полуночнаго бродягу лѣвой руки. Покойникъ разсердившись хотѣлъ лизнуть тесакъ, и лишился половины головы, и наконецъ раздробленной повалился на землю.

Въ семъ мѣстѣ восхищенная Полковница возгласила: счастливъ эвонъ охотникъ, что былъ столько силенъ! Чтожъ

пересталь ли мертвець по деревнѣ ходить, примолвилъ онъ? Всеконечно, сударыня, отвѣчалъ правнукъ Голіафовъ. Крестьяне увѣдомившися о семъ, заплатили довольно торовацо звѣроловителю, и перебрались опять въ деревню, и жили уже покойно.

Выслушавши повѣсть Полковница велѣлъ подносить всѣмъ гостямъ по превеликому кубку вина, а особливо раскащику, радуясь побѣдѣ надъ деревенскимъ мертвецомъ: такъ какъ будто бы и онъ своего побѣдилъ.



ГЛАВА III

ОБЪЯВЛЯЕТЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПРОГЛОТИЛЪ Я КУПИДОНА.

Насандаливъ довольно носы, встали мы изъ за стола по обыкновенїю пьяницъ, только благородныхъ, а не подлыхъ. Всякъ, желая показать свою бодрость, поднималъ голову къ верху, какъ будто бы хотѣлъ учиться Астрономїи, только ноги рѣдкому изъ насъ служили и принуждали скорѣе опять садиться на стулья. Госпожа Аленона, которая не имѣла съ нами сообщенїя опоражнивать рюмки и стаканы, какъ я примѣтилъ, довольно смѣялась, когда матушка ея храбровалась наподобїе стараго Индѣйскаго пѣтуха; и послѣ въ придерживанїи двухъ дѣвокъ за оба крыла отправилась въ свою спальню, гдѣ при разсвѣтанїи другаго дня съ похмѣлья скончалась. Горячее вино со старостїю во время ея сна поссорились, и наконецъ дошло у нихъ до драки: раздавая другъ другу плотные тузы и оплеушины, проломили Полкосницѣ голову; а по мнѣнїю другихъ, упала она съ кровати и раскроила себѣ лобъ такъ исправно, что стиснувши зубы

отправилась на тотъ свѣтъ, не заплатя ни одному лѣкарю за рецепты ни копѣйки, а аптекарю и того меньше.

Потомъ, кто могъ еще имѣть движенїе и встать не шатаясь со стула, тѣ всѣ пошли въ садъ, куда просила насъ Аленона. П[illegible] въ оной, съ общаго согласїя п[illegible]ли подать горячей воды съ сах[illegible] и съ Китайскою травою; а сїи т[illegible] вообще называются чаемъ. К[illegible] начали этотъ чай прихлебывать [illegible]онъ былъ очень горячь, такъ что [illegible] его не возможно; тогда господинъ разсказщикъ заговорившись позабылъ, что эта горячая вода, и думая, что вино, которое онъ тянулъ за столомъ, хлебнулъ такъ неосторожно, что высунулъ языкъ, вытаращилъ глаза и повалился на землю. Сперва не попалось намъ сожалѣнїе, а превеличайшій смѣхъ, отъ котораго и я было выронилъ мою чашку, и разбилъ бы ее также какъ и онъ. Посмѣявшись довольно, принялись мы помогать сбожженному богатырю, подняли и стали разсматривать языкъ его и губы. Сколько ни старались мы удержать стремленїе опухоли, однако она намъ противилась; вскорѣ потеряли мы образъ наше-

го витязя, и увидѣли въ немъ раздутую волынку, которая иногда поднималась, а иногда опускалась, и представляла намъ точно, какъ будто бы находились на ней написаны шесть диперъ, мечущія въ глаза слово дуракъ. Сколько тутъ ни было людей, всѣ понесли его изъ саду въ покои. Госпожа Аленона не хотѣла имъ послѣдовать, и просила меня, чтобы я ей сдѣлалъ товарищество, на что я охотно согласился; и такъ остались мы съ нею двое.

Читатель можетъ быть приревнуетъ ко мнѣ въ семъ случаѣ, и скажетъ, что не надобно бы дѣвушкѣ оставаться одной съ мужчиною. Однако добродѣтель моя въ томъ порукою, что я не прежде исполнилъ --- на примѣръ, вотъ что ---, о чемъ иногда и изъяснишься не можно, какъ по позволенiи мнѣ онаго отъ прельстившiя меня особы. Прохаживаясь по саду, вздохнулъ я по примѣру Рускихъ Селадоновъ (*), и началъ шутить по правиламъ Вулкановой супруги, что было не непрiятно моей спутницѣ. Она ушѣшалась, когда я дѣлался нѣжнымъ

(*) Селадонъ, имя нѣкотораго романическаго витязя и прославнаго волокиты.

любовникомъ: острыя выдумки, затѣйливые расказы, и кудрявыя слова упѣшали ее по моему желанїю; и все, что я ни говорилъ, казалось ей приятно. Краснорѣчїя для женщинъ и шушокъ имъ пріятныхъ, могу признаться, что было и есть во мнѣ довольно; кпожъ меня ими наградилъ, того я и самъ не знаю; а хотя и вѣдаю, только про себя, для того что иные пересмѣшницки заворчатъ на меня, ежели и скажу. Разумъ матерїя весьма нажелая, и ежели кто захочетъ говорить объ ономъ, то надобно, чтобы онъ безъ шушокъ изъяснялъ свои мысли; а я не могу утерпѣть, и въ самой важности слога захохочу, а особливо тутъ, гдѣ мнѣ будетъ непонятно.

По етому вижу я, что скоро потеряю имя горячаго любовника, что оставляю одну мою любовницу въ саду и, не опасаюсь соперника, которой легко подкрасться можетъ и подцѣпить то сердце, которое уже начинаетъ мнѣ сдаваться. Подступимъ опять къ нашей приходительной Лукрецїи. Скажи мнѣ Ладонъ (ето мое высокопочтенное названїе); сказала она мнѣ, былъ ли ты въ кого - нибудь влюбленъ? Отъ этого вопроса такъ я спрусилъ, какъ не

искусной на каѳедрѣ проповѣдникъ: краснорѣчіе мое притупилось, языкъ окостенѣлъ, стыдъ меня ударялъ такъ сильно въ лобъ, что я весь покраснѣлъ, и вмѣсто всего велерѣчія отвѣчалъ ей, нѣтъ, сударыня. Что съ тобою сдѣлалось? говорила она мнѣ, примѣтивъ необычайную во мнѣ перемѣну; ты, мнѣ кажется, чего-нибудь стыдишся, и робость твоя довольно доказываетъ, что ты въ великомъ смущеніи. Это и подлинно было чрезвычайно, что изъ такого остряка сдѣлалась самая деревенская тупица. Однако скоро возвратилъ я опять свѣжія мои мысли, и зачалъ смотрѣть на нее пристальнѣе. Глаза ея были наполнены снисходительнымъ пріятствомъ; на щекахъ леталъ стыдъ смѣшанной съ благопристойностію, которой пушался съ румянами; губы ея находились въ превеликомъ движеніи и показывалось на нихъ несокрушимое желаніе; а что еще больше овладѣло ею, то я одинъ только знаю: а ежели и читатель изволитъ о томъ провѣдать, такъ развѣ скажу я ему на ухо. Я тотъ часъ догадался, что надобно мнѣ дѣлать; ибо я довольно читывалъ романовъ, которые глупыхъ людей исправляютъ и дѣлаютъ дураками. Ухвативъ ее за руку, бросился предъ нею на колѣни, и

принявъ на себя видъ отчаяннаго любовника, началъ говорить такимъ образомъ:

Собраніе пріятнѣйшее! источникъ красоты! „ владычица прискорбнаго моего сердца! „ оставь мою вину, что жаркая любовь „ принуждаетъ меня выступить изъ границъ несноси[illegible]ія. Господствующая душею [illegible]могу я описать, „ какою сладо[illegible]лаждаются мои „ чувства, к[illegible]есный образъ „ твой въ гла[illegible]ъ, образъ которой при[illegible]й жизни; тогда я „ самъ себя [illegible] изумленіе овладѣетъ мною и сдѣлаюсь недвижимъ: на „ открытомъ лицѣ моемъ ежеминутно явятся стыдъ, которой борется съ „ моимъ разсудкомъ, и пламенная страсть „ пропитавшися обѣимъ: страсти раздѣлятъ „ мое понятіе, смятутъ мои мысли и сдѣлаютъ безсловеснымъ; горлань моя изсохнетъ и только единые вздохи приводятъ меня въ движеніе. Знаю, что „ безразсудно сіе предпріятіе и безполезныя надежды; судьба не дала мнѣ той „ части, которою ты наслаждаешься въ „ твоей жизни: но могу ли я воздержать „ себя? Могу ли хотя на одинъ часъ „ истребить изъ памяти живущую въ „ разумѣ моемъ обладательницу. Прекрасный образъ твой до самой вѣчности въ

„ мысль мою погрузился. Отъ тебя зя
„ виситъ возвращить потерянной мо
„ покой. Подай надежду мнѣ отчаянном
„ жизни; которая хотъ мало бы поль
„ спила унывающей душѣ моей: Благо
„ расшворенный аромашъ! напой жажду
„ щіе мои члены, уйми смяшеніе; и от
„ врати взнесенную руку къ пріобрѣшенію
„ другаго покоя. Забуду я шебя, когд
„ скончаю жизнь мою; по съ какимъ ж
„ шерзаніемъ разстанусь я съ душею..мо
„ ею? Жалѣй меня прекрасная хотя одн
„ сохраненія добродѣшели неотступно оби
„ тающей въ душѣ твоей. Сколько нѣж
„ но сердіце въ прекрасномъ швоемъ шѣ
„ лѣ, имѣй толико нѣжный духъ! окон
„ чай мою напасшь! смягчись дражайшая!

При семъ словѣ любовница моя сдѣ
лала нрагическое движеніе и подняла ме
ня съ приманчивою улыбкою, которая
приказывала мнѣ надѣяшься всякой отъ
нея благосклонносши. Однако надобно зна
чшо сколько женщина ни была бы безпо
рядочна, шолько великія находишъ шруд
ности открывашь свою страсшь. Потомъ
цѣловались мы сполько, сколько намъ
обоимъ за благо - разсудилось. Въ само
это время я поперхнулся, и шутъ узналъ

что проглотилъ Купидона, которой сидѣлъ у нее на губахъ.

Признаюсь, что любовнымъ моимъ изъясненіемъ, которое присунулъ я ни къ селу, ни къ городу, читателю болѣе наскучилъ, нежели всею моею книгою; я хотѣлъ было въ серединѣ этой проповѣди и самъ вспать, по тому что попался мнѣ подъ колѣно камешекъ, которой щекоталъ меня довольно исправно, и болѣзнь произведенная онъ него подавала мнѣ больше жару; и такъ любовница моя подумала, что я прейѣжнѣйшій любовникъ въ свѣтѣ. Впрочемъ читатель долженъ быть увѣдомленъ, что я впередъ такимъ нѣжнымъ изъясненіемъ скучать ему не буду, а это долженъ онъ мнѣ проспишь, какъ человѣку подверженному мірскимъ слабостямъ; которой для изъясненія своей страсти нахватался нѣсколько разныхъ словъ изъ трагедій и изъ романовъ, и сплелъ сіе нелѣпое изъясненіе, въ которомъ нѣтъ ни складу, ни ладу; а ето онъ того, что любовь и на яву бредитъ.

ГЛАВА IV.

НОВОВЫПЕЧЕННОЙ СКОМОРОХЪ

Изъ саду шелъ я какъ восхищенной Адонидъ и велъ мою Венеру за руку, которая иногда перескакивала съ ноги на ногу, и тѣмъ показывала, что она въ любови торжествуетъ. Не доставало только Купидоновъ, которые бы подтвердили наше совокупленіе. Пришедъ въ горницу, думали мы найти сожалѣніе во всѣхъ домашнихъ о обожженномъ красноглаголателѣ; но онъ уже былъ отвезенъ въ свой домъ. А вмѣсто сожалѣнія нашли мы превеличайшій смѣхъ, только не прежде начали смѣяться, какъ увѣдали о причинѣ онаго. Мы спросили у ключницы, которая сидя на стулѣ, умирала со смѣху что было бы тому причиною? Она принялась охотно намъ расказывать, чтобъ тѣмъ больше насладиться ей желаннымъ хохотомъ. Мнѣ кажется, ето уже многимъ довольно извѣстно, что иныя женщины безъ всякаго смѣшнаго приключенія такія охотницы хохотать, что на утро получаютъ отъ того колотье. Читатель долженъ быть здѣсь предувѣдомленъ, что за недѣлю времени передъ этимъ привезли къ Полковни-

ку племянника, котораго называли Балабаномъ. Онъ обиталь въ мѣстахъ просвѣщенныхъ, гдѣ люди съ великимъ прилѣжаніемъ копятъ деньги и не знаютъ сколько въ рублѣ копѣекъ. Сосѣди его были волки, медвѣди и зайцы; лучшее его товарищество борзыя и гончія собаки, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной Академіи учился лаять, пилъ и ѣлъ и спалъ также съ ними вмѣстѣ. И такъ человѣкъ отъ толикаго сообщенія долженъ быть весьма разуменъ. Разумъ его и знаніе увидимъ мы изъ того описанія, которое ключница изготовилась уже разсказывать.

Балабанъ, говорила она, зашелъ въ спальню къ своему дядѣ, въ которой никого тогда не было; онъ сѣлъ прошивъ кровати на стулъ и размышлялъ о прежнемъ своемъ жилищѣ. Всѣ онаго пріятности вдругъ представились передъ его понятіе; и такъ сидя шутъ восхищался онъ сладкимъ своимъ воображеніемъ. Когда же необычайная радость и восхищеніе овладѣли имъ, тогда представилась ему музыка къ совершенію его восторга. Онъ великой былъ мастеръ играть на волынкѣ; учился у своего пастуха, и до гороподранія охотникъ превеликой. Вдругъ захотѣлось ему возобновить свое искус-

пиво; и такъ началъ онъ озираться всюды, не сыщетъ ли гдѣ какого инструмента. Наконецъ увидѣлъ онъ на окнѣ кожаной мѣшокъ, у котораго сдѣлано было горло на подобіе бутылочнаго, и запыкали его пробкою; въ немъ находился Испанской шабакъ. Глядя на него онъ подумалъ, что это надутая волынка; а что она мала, то представлялось ему, что она городская, и сдѣлана поискуснѣе деревенской. Подхвативъ мѣшокъ съ великою радостію, началъ его надувать; однако волынка голосу не давала. Музыкантъ не порочилъ инструмента, а порочилъ свое неискусство; и такъ онъ часу болѣе силился ее надувать. Чѣмъ больше старался въ него дуть, тѣмъ больше мѣшокъ старался молчать. Наконецъ надувшись разсердился, и швырнулъ его обѣими руками: все, что ни было въ немъ, вскочило ему въ ротъ. Аленона и ключница на семъ мѣстѣ захохотали, и надобно имъ время, чтобъ они пересмѣялись: а мы, господинъ читатель, еще долго не услышимъ ключницыныхъ словъ и окончанія комедіи; и такъ согласимся и мы посмѣяться хотя не для себя, а въ угодность женщинамъ, чтобъ не назвали насъ за это угрюмыми и незнающими обхожденія. Онъ поперхнулся, продолжала ключница; сверхъ

того сухой табакъ проскочилъ ему въ горло и остановилъ дыханіе, отъ чего Балабанъ такъ струсилъ, что ткнулся головою въ зеркало, противъ котораго онъ стоялъ и смотрѣлъ, пристало ли быть ему музыкантомъ, и такъ онымъ изрѣзалъ себѣ лобъ; подъ зеркаломъ стоялъ столикъ, на которомъ лежали письма и полная раковина чернилъ, въ которую онъ врютился носомъ, и послѣ какъ угорѣлой повалился на полъ, и въ прибавокъ къ тому задѣлъ затылкомъ за стулъ. Тогда услышали мы дикой голосъ, которой точно походилъ на крикъ умирающаго человѣка; и такъ никто не смѣлъ войти въ спальню, ибо мы думали, что уже и днемъ мертвецъ ходить началъ. Слово мертвецъ вселило въ лице ея нѣсколько краски; я и сего безъ примѣчанія не оставилъ. Потомъ осмѣлилась я, продолжала она, войти прежде всѣхъ, и признаюсь, что такого смѣшнаго позорища еще отъ роду моего не видывала: человѣкъ катался по полу въ поповскомъ полукафтаньѣ, которое, не знаю, гдѣ онъ подцѣпилъ; лице его замарано было кровью, табакомъ и чернилами наподобіе сѣраго лаку; по правой сторонѣ лежалъ мѣшокъ съ просыпаннымъ табакомъ; по лѣвой раковина съ пролитыми чернилами и пова-

лепной стулъ. Трудно было намъ разобрать, кто это такой; лица его не видно было и голосу мы не слыхали, наконецъ разобрали мы, что это господина нашего племянникъ; и такъ не много трудности спонло рѣшить это дѣло. Послали тотчасъ за лѣкаремъ, которой и теперь въ спальнѣ. Извольте туда войти, такъ вы увидите все сами.

Мы ни мало не мешкая вошли въ спальню и увидѣли пововынеченнаго музыканта, сидящаго на стулѣ; на головѣ его не было уже ни единаго волоса, и были они подчесаны бритвою. Лепбющійся затылокъ, лобъ и щеки представилось мнѣ земнымъ шаромъ, а племянникъ Полковниковъ Анланшомъ, которой небо на плечахъ держитъ; продолговатыя онъ снѣгомъ раны показались мнѣ земными поясами; а глазъ, носа и губъ увидѣть я не могъ, по тому что лѣкарь обмывалъ ихъ водою. Надобно сказать правду, когда Полковникъ сожалѣлъ о Балабанѣ и извинялъ дурачество его робячествомъ (ибо онъ былъ еще робенокъ и имѣлъ отъ роду только двадцать три года), тогда я внутренно смѣялся и дѣйствительно бы вслухъ захохоталъ, ежели бы не вышелъ вонъ.

Солнце уже начинало дремать; кони его гораздо выбились изъ силъ и захотѣли кушать: тогда и у насъ въ домѣ приказали накрывать на столъ. Когда поспѣшили кушанье, то привели также за столъ плѣшиваго скомороха, и чтобъ почтить больнаго, дали ему первое мѣсто. Голова у него была ни чѣмъ не покрыта и не обвязана, по тому что лѣкарь сказалъ, что безъ всякихъ пластырей скорѣе ее заволочетъ. И такъ ѣли мы всѣ по обыкновенію голодныхъ людей, и уполяли въ желудкахъ нашихъ легонькой голодъ. Въ срединѣ нашей ужины не преминуло сдѣлаться маленькое приключеніе. Ученая сорока, которая сидѣла тогда на посшавѣ и лепала всегда по волѣ, смотрѣла на насъ, какъ мы сидѣли; всѣ наши головы не показались ей инаковыми, какъ головами человѣческими, а плѣшивая голова представилась ей кочкою, или такимъ мѣстомъ, на которое она можетъ сѣсть, чтобъ быть ей къ намъ поближе. Ни мало не думая, взлетѣла она къ плѣшивому на голову, и покамѣстъ не успѣли ее согнать, долбнула его раза два при очень неправно въ глупую сполицу плѣшиваго его разума. Страдалецъ закричалъ, и крикъ его сдѣлалъ то, что смѣху моего не слыхали; только было я расхохотался

довольно по деревенски. Потомъ изрядную чучелу поцели на постелю, и мы кончили нашъ ужинъ сожалѣнїемъ объ ономъ.

Послѣ сего пола госпожа Аленона пошла въ свою спальню, и съ позволенїя отца своего просила и меня туда же. Чтобъ согласишься на ея прозьбу, совсѣмъ не было во мнѣ никакого упорства. Пришедъ въ опочивальню, выдумала она неподозрительные способы выслать дѣвокъ вонъ, которыя тотчасъ насъ и оставили. Мы подарили другъ другу нѣсколько поцѣлуевъ, кои уже давно изготовили отъ пламенныхъ нашихъ сердецъ. Потомъ къ неописанному моему удовольствїю и къ превеликой радости, приказала она мнѣ раздѣвать себя. Разшнуровывая верхнее ея платье, коснулся я трепещущею и грѣшною моею рукою до услажденїя нашея жизни, что у женщинъ обѣ вообще называются грудью; и тутъ узналъ дѣйствительно, что женщины для мущины электрическая машина. Я вздрогнулъ и бросился морозъ по всему моему тѣлу; и когдабъ не столько крѣпка была на мнѣ кожа, то кровь бы моя выскочила вся на волю, подобно какъ въ рѣдкое решето. Аленона ударила меня по рукѣ. Ударъ сей не произвелъ во мнѣ никакой боли, а пущее волненїе въ клокочущей моей крови

Признаюсь, что ежели бы завидливой соперникъ засталъ насъ въ такомъ случаѣ, то думаю не преминулъ бы поцекопать меня своею шпагою. Я былъ на верху моего благополучія; будучи на ономъ, не могъ почти вмѣстить въ себя этой радости, млѣлъ, лишался всѣхъ чувствъ, и наконецъ ослабѣли мои члены и сдѣлался я недвижимъ. Тутъ вспомнилъ я слова нововыпеченнаго сочинителя: любовь вкусна и всегда въ ней новые присмаки, которые производятся отъ элекпризаціи и отъ капитулаціи.

Послѣ чего Аленонъ не хотѣлось со мною разспаться до тѣхъ поръ, покамѣстъ она уснетъ; и такъ просила меня, чтобы я сказалъ ей сказку. Она была такая до нихъ охотница, что другой подобной ей я не знаю. Я хотѣлъ ей оною служить съ охотою, только извинялся, что вдругъ хорошей повѣсти вздумать не могу: однако она зная дѣйствительно, что я въ нихъ искусенъ, просила меня неотступно; а я, какъ будто бы предвидѣлъ плачевную судьбину, не сталъ ей разсказывать хорошей и длинной исторіи, желая употребить оную въ свое время, что дѣйствительно и сдѣлалъ. И такъ началъ разсказывать ей сіе приключеніе, которое означаетъ пятая глава моей книги.

ГЛАВА V.

ПОВѢСТЬ,

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ.

Попалъ и Милозоръ, неубогіе нашей Имперіи дворяне, великіе между собою друзья и довольно погороду знатные люди. Милозоръ былъ холостъ, а другъ его женатъ. Хотя и сомнительно, чтобъ между такими людьми могло быть сохраняемо дружество, однако они довольно старалися умножать его и почитали за удовольствіе быть вѣрными друзьями. Ревность къ женѣ Попала не запрещала Милозору быть всякой день въ его домѣ и обходиться свободно съ его супругою, которая называлась Прекраса. Попалъ, положась на дружество своего пріятеля, ни мало не сомнѣвался въ его честности. Напротивъ того и Милозоръ хранилъ ее столько, сколько добродѣтельной и разумной человѣкъ сохранить ее можетъ. Онъ не только сдѣлать, но и подумать не хотѣлъ, чтобъ опорочить брачное ложе своего друга, и приставить ему рога, хотя и имѣлъ

въ назначенное время явись къ одержанїю побѣды. Потомъ они разстались. Попалъ ни мало не мешкая началъ предпрїятїе свое производить въ дѣйство, въ чемъ ему очень легко и удалось. Устрашенная прелестница обѣщала ему все по его волѣ исполнить.

Когда начала приближаться ночь къ нашему зениту, тогда расплаканная дѣвушка пришла къ госпожѣ Прекрасѣ и объявила ей происхожденїе свое подробно. Сколько ни великъ былъ страхъ, однако сожалѣнїе было въ ней больше, чтобъ потерять свою честь. А правда, или нѣтъ, что она такъ много сожалѣла о своемъ цѣломудрїи, того я и самъ не знаю. Кажется мнѣ, что всякая взрослая дѣвушка охотно согласится поамуриться въ темной бесѣдкѣ, гдѣ никакого стыда на лицѣ примѣтить не можно; впрочемъ я того не утверждаю, и оставляю толковать тѣмъ людямъ, которые меня гораздо попостояннѣе. Прекраса, услышавъ сїе, пришла въ превеликое огорченїе; бѣшенство овладѣло ея сердцемъ, и наполнило ее ненавистїю къ мужу: вотъ этому повѣрить должно безъ всякихъ отговорокъ, по тому что ревность все въ состоянїи сдѣлать изъ женщины. При-

знаемъ Попалу, котораго дружество, надѣялся онъ, учинивъ ему помощь. Въ знаемъ онъ и не обманулся. Попалъ обѣщалъ ему сдѣлать сію услугу; а что она порочна, то они оба знали, да думаю и сочинителъ объ знаемъ вѣдаемъ, только не знаемъ, какъ примемъ ее читателъ; ежели онъ великодушенъ, то конечно проститъ слабости сію двумъ молодымъ друзьямъ. Начали они совѣтовать такимъ образомъ: Попалъ говорилъ своему другу, слушай Милозоръ, я притворюсь въ нее влюбленнымъ, и начну склонять ее ласкою; а ежели она не склонится, то употреблю въ семъ случаѣ господскую власть и принужу ее силою. Сего дня ночью въ двенадцатомъ часу прикажу ей притти въ садъ въ ту темную бесѣдку, въ которой, какъ ты знаешь, и днемъ никого почти не видать, не только ночью; и такъ ты вмѣсто меня можешь пользоваться знаемъ случаемъ. Выдумка была похвалена съ обѣихъ сторонъ, и Милозоръ высыпалъ благодарности своему пріятелю съ излишкомъ. Я столько обрадованъ, говорилъ онъ ему будучи въ восхищеніи, какъ будто бы уже все дѣйствительно получилъ. Поѣзжай домой, отвѣчалъ ему Попалъ, чтобъ лучше избѣжать подозрѣнія, и

въ назначенное время явись къ одержанїю побѣды. Потомъ они разстались. Попалъ ни мало не мешкая началъ предпрїятїе свое производить въ дѣйство, въ чемъ ему очень легко и удалось. Устрашенная прелестница обѣщала ему все по его волѣ исполнить.

Когда начала приближаться ночь къ нашему зениту, тогда расплаканная дѣвушка пришла къ госпожѣ Прекрасѣ и объявила ей происхожденїе свое подробно. Сколько ни великъ былъ страхъ, однако сожалѣнїе было въ ней больше, чтобъ потерять свою честь. А правда, или нѣтъ, что она такъ много сожалѣла о своемъ цѣломудрїи, того я и самъ не знаю. Кажется мнѣ, что всякая взрослая дѣвушка охотно согласится поамуриться въ темной бесѣдкѣ, гдѣ никакого стыда на лицѣ примѣтить не можно; впрочемъ я того не утверждаю, и оставляю толковать тѣмъ людямъ, которые меня гораздо попостояннѣе. Прекраса, услышавъ сїе, пришла въ превеликое огорченїе; бѣшенство овладѣло ея сердцемъ, и наполнило ее ненавистїю къ мужу: вотъ этому повѣрить должно безъ всякихъ отговорокъ, по тому что ревность все въ состоянїи сдѣлать изъ женщины. При-

шедъ опять въ прежнее чувство, благодарила она свою дѣвку отъ искренняго сердца, и обѣщала ей награжденіе, а мужу возпамѣрилась мстить за его невѣрность. И такъ приказала она мнимой своей совмѣстницѣ куда - нибудь на время отлучиться; а сама пошла на назначенное свиданіе ни мало не сомнѣвалась, чтобъ кто-нибудь другой туда пришелъ, выключая ея мужа. И такимъ образомъ будучи въ сихъ мысляхъ, пришла туда, и подождавъ малое время услышала, что подходитъ къ ней человѣкъ, которой не хотѣлъ ей сказать ни одного слова за тѣмъ, чтобы его не узнали, а Прекраса тожде. И такимъ побытомъ Милозоръ не мешкая ни мало исполнилъ то, за чѣмъ пришолъ. Послѣ взявшись оба за руки, пошли вонъ изъ ихъ сборища, въ которое завелъ ихъ сонной Купидонъ. Въ превеликой шли обѣ радости; одинъ думалъ открыть свою страсть своей красавицѣ, а другая хотѣла укорять своего мужа невѣрностью. Ночь была довольно свѣтла, и безъ всякой остановки можно было имъ себя разглядѣть. Какъ скоро они вышли на свѣтъ, то взглянувъ другъ на друга ахнули и осполбенѣли отъ стыду замѣшался между ими и сдѣлалъ ихъ неподвижными. Потомъ Прекрас

Признаюсь, что я еще не довольно насытилъ мое зрѣніе, какъ необходимость принудила меня оставить мою прелестницу. Вынулъ часы, и уже двенадцатой часъ докладывалъ мнѣ, что время отсюда убираться. Встав-ши поцѣловалъ я мою Аѳродиту, а сколько разъ, того я и самъ не помню, для того, что не было со мною записной книжки; да сверьхъ того не было мнѣ нужды и записывать ихъ. И такъ вышелъ я изъ той спальни, которая была услажденіемъ всѣхъ моихъ чувствъ и членовъ.

Сколько любовь моя ни была велика, однако не меньше ее было и любопытство. Какъ скоро я оставилъ мою любовницу, такъ и вздумалъ о ночномъ волокитѣ. Прежде я мало боялся мертвецовъ, а въ это время и не думалъ ихъ опасаться, только прусилъ маленько, чтобъ не потревожилъ онъ меня какимъ-нибудь острымъ желѣзомъ, или свинцовымъ шарикомъ; однако ничто не удержало моей отваги. Въ семъ случаѣ сдѣлался я воинъ и плотію и духомъ. Мозгъ, которой мнѣ не въ дальнемъ колѣнѣ родня, присутѣдился въ сіе время ко мнѣ, и научалъ меня осмѣхать людей

ские пороки, и такъ вознамѣрился я оказать мое проворство, и послѣ посмѣяться господину мертвецу, его любовницѣ, да и всѣмъ тѣмъ, которые мертвецовъ боятся. Бросился я поспѣшно къ погребу, и увидѣлъ отверстыя двери Ладина храма, въ которомъ приносили прежде жрицу Усладу, такъ какъ они всегда обыкновеніе имѣли. Усердіе къ пьянственному болвану и сласть Полковникова вина сдѣлали мертвеца пьянымъ, и онъ началъ колобродить такъ, какъ обыкновенно колобродятъ пьяницы во площи. Тогда посыпались у него веселыя шутки, замысловатыя выдумки, которыя производитъ хмѣль; оной поднялъ бѣлаго щеголя, и началъ водить по погребу. Я прижался въ самой уголъ, и стоялъ очень тихо; потомъ слышно мнѣ стало, что онъ полѣзъ въ ларь, которой шутъ стоялъ, и которой въ то время былъ пустъ, куда пригласилъ и свою спутницу, которая съ помощію его также въ оной влѣзла. Они скоро замолчали, а что дѣлали, то читатель и безъ меня угадать можетъ. Я подкрался къ нимъ на цыпочкахъ, и опустилъ у ларя крыш-

ку, исложилъ цѣпь на пробой и засунулъ желѣзнымъ гвоздикомъ, которой и висѣлъ на веревочкѣ у пробоя. Мнѣ показалось удивительно, что они не испужались; и думаю, что имъ предявилось, будто бы крышка сама у[illegible]а, и были они, какъ думаю, въ той надеждѣ, что опять отворить ее могутъ. Я погребъ заперъ замкомъ и ключь взялъ съ собою, и отходя примолвилъ: опочивай до утра любезная чета, и наслаждайся всякими увеселеніями, какія ты можешь сыскать въ крѣпкомъ ларѣ, и сверхъ того въ окованномъ желѣзомъ.

Тогда уже былъ второй часъ по полуночи. Богиня мрака спускалась уже къ горизонту, а я опускался на мою постелю, и ложась на оную размышлялъ, какъ легко можно препроводить ночь безъ сна, и хвалилъ бдящихъ нашихъ сограждавъ, которыхъ я насчиталъ четыре рода. Первой изъ нихъ несмысленные ремешворцы; второй глупые любовники; третій искусные каршежники; четвертой проворные воры. Первые не спятъ для того, что подаютъ Музамъ нужную посуду, и стоя подлѣ ихъ кроватей, слу-

шаютъ, какъ они во снѣ брѣдятъ, и отъ того сочиненія ихъ называются брѣдни. Вторые сидятъ въ переднихъ у кокетокъ (*), и всякой старается изъ нихъ, чтобъ прежде всѣхъ войти въ ея спальню, когда она проснется, и этотъ употребляется на цѣлой день вмѣсто скорохода. Третьи всегда въ это время въ классахъ (**), гдѣ слушаютъ науку быть счастливымъ, хотя послѣ остаются и безъ кафтановъ.

(*) Кокетка. Многіе сказываютъ, что имя сіе родился въ Парижѣ, и оттуда имѣетъ свое начало; однако прежніе седмь чудъ родились не въ Европѣ, то и сіе осьмое мнѣ кажется отъ ихъ же начала должно произойти. Сіе нѣжное животное подобно ртути; сердце ея уподобляется иногда термометру; оно въ мигъ загарается и простываетъ, смотря по погодѣ, или по величинѣ пожитковъ. Въ ней никогда не родятся страсти, а воспламеняются прихоти. Она себѣ ничего не желаетъ; но думаетъ, что весь свѣтъ сдѣланъ для нее; желанія ея по землѣ не ходятъ, а бродятъ по головамъ глупыхъ воздыхателей. Они ея подножіе и слуги ея припукамъ. И такъ свѣтъ имѣетъ уже теперь въ себѣ восемь чудъ. Должно, чтобы онъ увѣдомленъ былъ и еще о двухъ, однако сто показано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

(**) Классъ слово не Руское, а по нашему училище, порядокъ, строй. Я не толкую здѣсь объ немъ, боясь, чтобъ не позвали

потертые во время ночи, принимаютъ на себя должность переводчиковъ, и переводятъ чужіе пожитки въ свои домы; а послѣ безъ переплету продаютъ ихъ на рынкѣ за сходную цѣну. И сжели бы я былъ въ числѣ послѣднихъ, то конечно пойманную мною пару птицъ отнесъ бы поутру въ охотной рядъ.

Признаніе погрѣшенія половина исправленія. Я былъ въ превеличайшемъ восторгѣ, такъ что мнѣ и спать не хотѣлось. Несчастіе ключницы и мертвеца не приводило меня въ жалость, и я похвалялъ, когда воображалъ, что есть у меня два чудныя животныя, которыя вмѣсто кадушки, заперты въ ларѣ; двѣ одушевленныя твари, сидятъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ прежде всыпанъ былъ не одушевленной овесъ; словомъ, я столько былъ радъ, какъ нѣкоторой сочинитель, которой, обѣлся и опился въ радости, когда сыграли на театрѣ прешипную его комедію.

меня въ диспутъ; я человѣкъ не запальчивой, и такъ опасны мнѣ строгіе спорщики, которые забездѣлицу поставятъ подумянить мнѣ лѣвую щеку.

Однако радость моя не столько сильна, сколько силенъ сонъ, которой уже начинаетъ прикрывать меня своими крылями. И такъ, господинъ читатель, вы уже не услышите моихъ словъ до седьмой главы моей книги, по тому что я во снѣ ни съ кѣмъ не говорю. Желаю тебѣ покойной ночи. . . Прощай, я уже уснулъ.

ГЛАВА VII.

ПРЕВРАЩЕНІЕ МЕРТВЕЦА ВЪ МОНАХА.

Стражъ Ерманейской медвѣдицы уже спустился въ Океанъ, и созвѣздіемъ своимъ возмутилъ морскія воды; бдящая вратница восшла съ багрянаго Тритонова одра на свѣтлѣющемся востокѣ отверзла свой храмъ испещренной и усланной розами; Тифія отняла свои запоры и открыла путь въ пространное небо солнцу, которому предшествовалъ Луциферъ и гналъ передъ собою стадами звѣзды; проснулися Зефиры и мягкими своими устами цѣловали цвѣты растущіе въ долинахъ, и пріявъ благовоніе на свои рамена, разносили оное по вселен-

ной, или шамъ, гдѣ пріятности обитали природы. Великій Аполлонъ облекшись въ свѣтлозарную порфиру, пожаловалъ ко мнѣ въ спальню, которому послѣдовали первой и второй часъ дня, кои подошедъ ко мнѣ подняли меня за руки и поздравивъ меня съ добрымъ утромъ, отправились въ свой путь. И такъ по баснословію проснулся я весьма великолѣпно, а въ самомъ дѣлѣ разстался съ постелею по домашнему.

Какъ скоро я открылъ свои глаза, то тотчасъ хватился ключа, которымъ вчерашняго дня заперъ погребъ, за которымъ хранилося успокое и живое тѣло въ ларѣ, нашелъ его въ добромъ здоровьѣ. Потомъ одѣвшись очень поспѣшно, побѣжалъ къ Аленоцкѣ и разсказалъ ей сіе приключеніе подробно; чему она не вѣрила и вѣрить не хотѣла, однако увѣрилась дѣйствительно, когда я повелъ хозяина и всѣхъ домашнихъ, чтобъ показать имъ оное чудо. Я былъ неробкой полководецъ въ прусскомъ моемъ воинствѣ; всякой съ трепетомъ мнѣ послѣдовалъ, и думали всѣ, что я хочу подъ ними подшутить. Когда я

отперъ погребъ, тогда хозяинъ сдѣлалъ со мною уговоръ, чтобъ прежде ихъ не отпирать, покамѣстъ не услышимъ ихъ голоса. Я на то охотно согласился, подошедъ къ ларю, закричалъ Полковникъ мужественнымъ, однако дрожащимъ отъ страха голосомъ, кто сидитъ въ моемъ ларѣ? Я, милостивой государь, отвѣчала ключница: я попалася по грѣхамъ моимъ въ сіе заточеніе. А кто еще съ тобою? опрашивалъ онъ же. Тотъ мертвецъ, отвѣтствовала заключенная, которой всякую ночь обезпокоивалъ вашъ домъ: мы виноваты и просимъ насъ помиловать. Тутъ всѣ узнали, что это не тушка. Полковникъ поблѣднѣлъ весь отъ страха и закричалъ своимъ людямъ: бѣгите поскорѣе въ полицію и тотчасъ приведите сюда роту солдатъ и велите у нашего прихода бить въ набатъ. Я принялся говорить и представлялъ Полковнику, что это напрасно, и что мы можемъ все окончать келейно, и послѣ разобравъ все дѣло, ежели надобно будетъ, можемъ и обнародовать. Хозяинъ на сіе согласился, и велѣлъ слугамъ своимъ стать кругомъ, а самъ сталъ въ серединѣ ихъ, приговаривая

почасту: не робѣйте робята! Потомъ приказано было мнѣ отпереть ларь, что я тотчасъ и учинилъ. Когда я поднялъ крышку, увидѣли мы нашихъ плѣнниковъ стоящихъ. Я зачалъ помогать вылѣзть ключницѣ, а мертвецъ выскочилъ и самъ. Оба виноватые хотѣли броситься къ ногамъ Полковника, которой подумалъ, что мертвецъ задавить его хочетъ, закричалъ изо всей силы. Я подбѣжалъ къ нему и представлялъ, что опасаться ему нѣчего, и мертвецъ хочетъ просить у него прощенія. Пускай же онъ одѣнется въ другое платье, отвѣтствовалъ заслуженной воинъ, такъ и я дозволю ему ко мнѣ приближиться. По храброму столь приказу тотчасъ перерядили покойника въ живаго человѣка и пошли всѣ въ комнаты. Тутъ мы узнали о кончинѣ нашей хозяйки; она уже не сердилась и не кричала, когда смывали съ нее бѣлилы и румяны, и ни мало не ворчала на то, что одѣли ее не по модѣ.

Въ скоромъ времени изготовили красной гробъ и назвали премножество поповъ. Погребеніе было самое плачевное. Когда повезли усопшую въ церкву, мог-

да два служителя вели Полковника подъ руки, для того чтобъ не повалился онъ въ грязь; жалость и выпитая имъ поутру для утоленія печали водка обременили его гораздо, и онъ со всѣмъ забылъ, что надобно было плакать. Госпожа Аленона не въ такихъ уже лѣтахъ, чтобъ плакать ей о своей матери, и опять не такого поколѣнія, чтобъ выть ей голосомъ; это одной подлости прилично, и такъ ѣхала со мною въ каретѣ и пересмѣхала всѣхъ, кто намъ ни попадался. Въ церкви съ разнымъ усердіемъ и разными голосами завывали старухи, и которая надѣялась получить великую отъ Полковника милость, та приходила къ гробу и колотилась головою объ оной, поглядывая на него почасту, примѣчаетъ ли то ея благодѣтель. Другая рвалась въ углу и посылала свою внуку сказать Полковнику, что бабушка ея умираетъ съ печали. Иная напирала глаза свои луковъ и подходила къ нему просить милостыни. Щеголи, которые хотѣли пообѣдать на похоронахъ, бросали въ глаза табакъ и плакали довольно исправно, по тому что отъ табаку не столько плакать,

да и ослѣпнуть скоро можно. Когда поставили гробъ въ землю и ею же засыпали, тогда съ болящимъ усердіемъ поспѣшали всѣ къ столу. До половины обѣда слышны были рѣчи о покойницѣ, а послѣ вино помрачило ее у всякаго въ памяти, и всякой началъ колобродить. Сверьхъ всего этаго тотъ, которой носилъ на себѣ такое имя, которое совсѣмъ не позволяло пить ему вина, запягивалъ уже и пѣсни. Вскорѣ перестали сожалѣть объ ней, для чего было я на другой день изготовился сказать надгробную рѣчь, или нравоучительную проповѣдь, однако или для того я ее не сказывалъ, что не умѣлъ (*), или для той причины, что Полковникъ кликнулъ меня къ себѣ въ спальню и приказалъ привести съ собою и новаго гостя. Когда мы съ нимъ пришли, то приказалъ онъ спальню запереть, и такъ были мы тутъ трое. Виноватой валялся до тѣхъ поръ у него

(*) Я признаюсь въ моемъ незнаніи; почему видно, что я человѣкъ чистосердечной. Кто пьетъ не блѣднѣетъ, а лжетъ не краснѣетъ, тотъ прямо человѣкъ свѣтской, а я не изъ числа тѣхъ.

въ ногахъ, покамѣстъ Полковникъ простилъ ему вину его великодушно. Тогда я примѣтилъ, что радость овладѣла нашимъ невольникомъ, и онъ уже больше не опасался своей участи. Языкъ его былъ очень поворотливъ и разумъ довольно вертляной. Началъ онъ извинять поступокъ свой такими доказательствами, которыхъ опорочить было не возможно, и вина словами его такъ умалялась, что начинали мы находить въ страшномъ смертномъ прислужника Момова. Все, что онъ ни говорилъ, было замысловато и остро. Когда мы съ четверть часа съ нимъ поговорили, тогда уже началъ онъ и шутить, хотя совѣсть представляла ему, что сдѣлалъ онъ дурное дѣло, но прощенїе его вины заставляло оную молчать. Скажи мнѣ, говорилъ Полковникъ, смотря на него снизходительнымъ и веселымъ видомъ, кто ты таковъ? Я монахъ, отвѣтствовалъ онъ, обители Святаго Вавилы. Я подверженъ мїрскимъ слабостямъ и достойнъ всякаго наказанїя; однако естьли вы примете трудъ выслушать мое похожденїе, то можетъ быть извините меня въ оныхъ. Принужденїе принять сей

умъ производитъ во мнѣ отчаяніе и дѣлаетъ меня неспособнымъ послѣдовать моей должности. Я иногда забываю самъ себя и въ ономъ забвеніи предпринимаю дѣла противныя чести и мнѣ самому. Что же касается до почитанія истиннаго моего Бога, то я во грѣхахъ моихъ имѣю всегда къ нему прибѣжище и прошу отъ сокрушеннаго сердца, чтобъ избавившся мнѣ отъ сего чина, котораго сносить, по совѣсти сказать, силъ моихъ не достаетъ, и всякая погрѣшность укоряетъ мою совѣсть и увеличиваетъ себя въ моей прискорбности. Никто извинять меня не хочетъ, и представляютъ, что я монахъ; молодые мои лѣта и не созрѣлой еще разумъ не желаютъ посвятить себя уединенію. Я со всею бы моею охотою искалъ небеснаго вѣнца монашескимъ чиномъ, но мірскія прелести удаляютъ меня отъ онаго: я человѣкъ, и слѣдственно подверженъ всѣмъ человѣческимъ слабостямъ, которыя иногда и противъ воли нашей владѣютъ нами.

Выслушавъ его слова, всѣлилось въ насъ желаніе услышать и его повѣсть, въ которой мы надѣялись довольно чу-

десь найши, ободряли его сколько намъ возможно было, и просили, чтобъ началъ онъ свое повѣствованіе; и когда онъ увидѣлъ, что мы больше ему не непріятели, тогда довольно ласковыми словами попросилъ шеплаго чаю съ горячею водкою, чтобъ нагрѣть свое сердце, которое отъ стыда и отъ страха находилось въ великомъ холодѣ. Когда удовольствованъ былъ онъ по его прозьбѣ, то не только разогрѣлъ имъ свое сердце, но, какъ намъ казалось, разогрѣлъ и свой разумъ, и началъ говорить такимъ образомъ:

ГЛАВА VIII.

НАЧАЛО МОНАХОВЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

Я родился такъ, какъ всѣ люди посредственнаго состоянія и воспитанъ рачительно моими родителями. На пятнадцатомъ году смерть отняла у меня отца и мать, о которыхъ я довольно исправно плакалъ, только оживить уже ихъ не могъ. Бранъ отца мо-

ной, или тамъ, гдѣ пріятности обитали природы. Великій Аполлонъ облекшись въ свѣтлозарную порфиру, пожаловалъ ко мнѣ въ спальню, которому послѣдовали первой и второй часъ дня, кои подошедъ ко мнѣ подняли меня за руки и поздравивъ меня съ добрымъ утромъ, отправились въ свой путь. И такъ по баснословію проснулся я весьма великолѣпно, а въ самомъ дѣлѣ разстался съ постелею по домашнему.

Какъ скоро я открылъ свои глаза, то тотчасъ хватился ключа, которымъ вчерашняго дня заперъ погребъ, за которымъ хранилося усопшее и живое тѣло въ ларѣ, нашелъ его въ добромъ здоровьѣ. Потомъ одѣвшись очень поспѣшно, побѣжалъ къ Аленонѣ и расказалъ ей сіе приключеніе подробно; чему она не вѣрила и вѣрить не хотѣла, однако увѣрилась дѣйствительно, когда я повелъ хозяина и всѣхъ домашнихъ, чтобъ показать имъ оное чудо. Я былъ неробкой полководецъ въ трусливомъ моемъ воинствѣ; всякой съ трепетомъ мнѣ послѣдовалъ, и думали всѣ, что я хочу надъ ними подшутить. Когда я

отперъ погребъ, тогда хозяинъ сдѣлалъ со мною уговоръ, чтобъ прежде ихъ не отпирать, покамѣстъ не услышимъ ихъ голоса. Я на то охотно согласился, подошедъ къ ларю, закричалъ Полковникъ мужественнымъ, однако дрожащимъ отъ страха голосомъ, кто сидитъ въ моемъ ларѣ? Я, милостивой государь, отвѣчала ключница: я попалася по грѣхамъ моимъ въ сіе заточеніе. А кто еще съ тобою? опрашивалъ онъ же. Тотъ мертвецъ, отвѣтствовала заключенная, которой всякую ночь обезпокоивалъ вашъ домъ: мы виноваты и просимъ насъ помиловать. Тутъ всѣ узнали, что это не тушка. Полковникъ поблѣднѣлъ весь отъ страха и закричалъ своимъ людямъ: бѣгите поскорѣе въ полицію и тотчасъ приведите сюда роту солдатъ и велите у нашего прихода бить въ набатъ. Я принялся говорить и представлялъ Полковнику, что это напрасно, и что мы можемъ все окончать келейно, и послѣ разобравъ все дѣло, ежели надобно будетъ, можемъ и обнародовать. Хозяинъ на сіе согласился, и велѣлъ слугамъ своимъ стать кругомъ, а самъ сталъ въ серединѣ ихъ, приговаривая

почасту: не робѣйте робята! Потомъ приказано было мнѣ отпереть ларь, что я тотчасъ и учинилъ. Когда я поднялъ крышку, увидѣли мы нашихъ плѣнниковъ стоящихъ. Я зачалъ помогать вылѣзть ключницѣ, а мертвецъ выскочилъ и самъ. Оба виноватые хотѣли броситься къ ногамъ Полковника, которой подумалъ, что мертвецъ задавить его хочетъ, закричалъ изо всей силы. Я подбѣжалъ къ нему и представлялъ, что опасаться ему нѣчего, и мертвецъ хочетъ просить у него прощенія. Пускай же онъ одѣнется въ другое платье, отвѣтствовалъ заслуженной воинъ, такъ и я дозволю ему ко мнѣ приближиться. По храброму столь приказу тотчасъ перерядили покойника въ живаго человѣка и пошли всѣ въ комнаты. Тутъ мы узнали о кончинѣ нашей хозяйки; она уже не сердилась и не кричала, когда смывали съ нее бѣлилы и румяны, и ни мало не ворчала на то, что одѣли ее не по модѣ.

Въ скоромъ времени изготовили красной гробъ и назвали премножество поповъ. Погребеніе было самое плачевное. Когда повезли усопшую въ церкву, мог-

да два служителя вели Полковника подъ руки, для того чтобъ не повалился онъ въ грязь; жалость и выпитая имъ поутру для утоленія печали водка обременили его гораздо, и онъ со всѣмъ забылъ, что надобно было плакать. Госпожа Аленона не въ такихъ уже лѣтахъ, чтобъ плакать ей о своей матери, и опять не такого поколѣнія, чтобъ выть ей голосомъ; это одной подлости прилично, и такъ ѣхала со мною въ каретѣ и пересмѣхала всѣхъ, кто намъ ни попадался. Въ церкви съ разнымъ усердіемъ и разными голосами завывали старухи, и которая надѣялась получить великую отъ Полковника милость, та приходила къ гробу и колотилась головою объ оной, поглядывая на него почасту, примѣчаетъ ли то ея благодѣтель. Другая рвалась въ углу и посылала свою внуку сказать Полковнику, что бабушка ея умираетъ съ печали. Иная напирала глаза свои лукомъ и подходила къ нему просить милостыни. Щеголи, которые хотѣли пообѣдать на похоронахъ, бросали въ глаза табакъ и плакали довольно исправно, по тому что онъ табаку не столько плакать,

да и ослѣпнуть скоро можно. Когда поставили гробъ въ землю и ею же засыпали, тогда съ болѣзнимъ усердіемъ поспѣшали всѣ къ столу. До половины обѣда слышны были рѣчи о покойницѣ, а послѣ вино помрачило ее у всякаго въ памяти, и всякой началъ колобродить. Сверьхъ всего этаго тотъ, которой носилъ на себѣ такое имя, которое совѣстъ не позволяло пить ему вина, запѣвалъ уже и пѣсни. Вскорѣ перестали сожалѣть объ ней, для чего было я на другой день изготовился сказать надгробную рѣчь, или нравоучительную проповѣдь, однако или для того я ее не сказывалъ, что не умѣлъ (*), или для той причины, что Полковникъ кликнулъ меня къ себѣ въ спальню и приказалъ привести съ собою и новаго гостя. Когда мы съ нимъ пришли, то приказалъ онъ спальню запереть, и такъ были мы тутъ трое. Виноватой валялся до тѣхъ поръ у него

(*) Я признаюсь въ моемъ незнаніи; почему видно, что я человѣкъ чистосердечной. Кто пьетъ не блѣднѣетъ, а лжетъ не краснѣетъ, тотъ прямо человѣкъ свѣтской, а я не изъ числа тѣхъ.

въ нотахъ, пожаловалъ Полковникъ простилъ ему вину его великодушно. Тогда я примѣтилъ, что радость овладѣла нашимъ невольникомъ, и онъ уже больше не опасался своей участи. Языкъ его былъ очень поворотливъ и разумъ довольно вертлявой. Началъ онъ извинять поступокъ свой такими доказательствами, которыхъ опорочить было не возможно, и вина словами его такъ умалялась, что начинали мы находить въ страшномъ смертномъ прислужника Момова. Все, что онъ ни говорилъ, было замысловато и остро. Когда мы съ четверть часа съ нимъ поговорили, тогда уже началъ онъ и шутить, хотя совѣсть представляла ему, что сдѣлалъ онъ дурное дѣло, но прощеніе его вины заставляло оную молчать. Скажи мнѣ, говорилъ Полковникъ, смотря на него снисходительнымъ и веселымъ видомъ, кто ты такой? Я монахъ, отвѣтствовалъ онъ, обшили Святаго Вавилы. Я подверженъ бѣсскимъ слабостямъ и достойнъ всякаго наказанія; однако если вы примете трудъ выслушать мое похожденіе, то можетъ быть извините меня въ оныхъ. Принужденіе принять сей

лось, какъ будто бы стаканъ стакана догонялъ. Когда въ чашѣ ничего не осталось пушшу; шогда ничего не осталось въ учишелѣ страха. Онъ заговорилъ о воздушныхъ явленїяхъ, по шому что разумъ его полешѣлъ шогда къ небесамъ, и хотя не мало подъ онымъ спустился на Парнассъ: пересчишалъ шамъ всѣхъ ученыхъ людей, описалъ Аполлона и Музъ, по сосѣдешву не миновалъ и Олимпа; и шакъ представилъ намъ всѣхъ боговъ, какъ будшобы на карпинѣ. Пошомъ сошелъ на землю и проповѣдывалъ намъ о человѣческихъ обращенїяхъ, подземныхъ произхожденїяхъ, и словомъ, обо всемъ шомъ, до чего разумной и ученой хмельной человѣкъ своимъ поняшїемъ досшигнушь можешъ. Въ шакомъ досшохвальномъ упражненїи препроводили мы шри дни. Въ чешвершой день лишманъ опредѣлилъ разобрашь его дѣло и спросишь извощика, для чего онъ привезъ къ разбойникамъ шакого человѣка, которой ему ничего не сдѣлалъ. По собранїи суда и по представленїи челобишчика и исца извощикъ объявилъ, что везъ его изъ Малороссїи и всегда пилъ его водку, а наконецъ эшо ему было опказано. Учишель

ня такъ, какъ роднаго своего брата; ибо препоручили меня ей незлобивой и тихой мой нравъ и ея любовникъ: она почитала за удовольствіе быть всегда со мною.

Въ одно время, когда сидѣли мы подъ тѣнію украшеннаго природою дерева всѣ трое, тогда пришедъ одинъ изъ его подданныхъ, съ великимъ подобострастіемъ докладывалъ своему повелителю, что привезъ извощикъ человѣка, которой называетъ себя учителемъ. Аламанъ тотчасъ пошелъ въ свою горницу, куда пригласилъ и насъ. Я радовался идучи, что увижу ученаго человѣка, которой, думалъ я, равно страшится своей участи, какъ и человѣкъ ничего незнающій. Когда мы пришли въ покой, то представленъ былъ предъ насъ учитель. Какъ скоро аламанъ увидѣлъ, что онъ человѣкъ разумной, то тотчасъ приказалъ растворить чашу съ теплымъ напиткомъ, которой Англичане именуютъ пуншемъ, чтобъ тѣмъ прогнать страхъ, которой потрепывалъ нашего мудреца какъ придневная лихорадка. Присѣдшись къ нему, началъ онъ тянуть прямо по ученому, и намъ каза-

лось, какъ будто бы стаканъ стакана догонялъ. Когда въ чашѣ ничего не осталось пушшу; тогда ничего не осталось въ учителѣ страха. Онъ заговорилъ о воздушныхъ явленіяхъ, по тому что разумъ его полетѣлъ тогда къ небесамъ, и летая не мало подъ оными спустился на Парнассъ: пересчиталъ тамъ всѣхъ ученыхъ людей, описалъ Аполлона и Музъ, по сосѣдству не миновалъ и Олимпа; и такъ представилъ намъ всѣхъ боговъ, какъ будто бы на картинѣ. Потомъ сошелъ на землю и проповѣдывалъ намъ о человѣческихъ обращеніяхъ, подземныхъ произхожденіяхъ, и словомъ, обо всемъ томъ, до чего разумной и ученой хмельной человѣкъ своимъ понятіемъ достигнуть можетъ. Въ такомъ достохвальномъ упражненіи препроводили мы три дни. Въ четвертой день атаманъ опредѣлилъ разобрать его дѣло и спросить извощика, для чего онъ привезъ къ разбойникамъ такого человѣка, которой ему ничего не сдѣлалъ. По собраніи суда и по представленіи челобитчика и истца извощикъ объявилъ, что везъ его изъ Малороссіи и всегда пилъ его водку, а наконецъ вино ему было отказано. Учитель

въ семъ мѣстѣ перехвативъ сказалъ, что водка у него начала оскудѣвать, а купить было ее нѣгдѣ, и такъ онъ беретъ ее про себя. Тогда извощикъ, желая чѣмъ нибудь оправдаться, говорилъ атаману, что у учителя есть много денегъ, и для того онъ привезъ его къ нему, какъ такую добычу, которой разбойники имѣютъ привычку всегда искать, за что и самъ желаетъ награжденія. Тогда выслушавъ его атаманъ, началъ говорить ему весьма большое нравоученіе, къ которомъ представлялъ, что ближнему своему надобно желать столько добра, сколько самому себѣ. А какъ извощикъ преступилъ сію заповѣдь и изъ бездѣлицы привезъ человѣка на смерть, то заслужилъ за это жестокое наказаніе, которое и учинено было немедлѣнно. Взваривши его столь искусно батогами, какъ говорятъ у насъ, индѣ небу стало жарко, всполочили ему спину и брюхо довольно снизходительно.

Потомъ спрашивалъ атаманъ у учителя, сколько у него денегъ; на что другой объявилъ, что имѣетъ ихъ полтораста рублевъ: тогда атаманъ купилъ всѣ у него книги, которыя съ нимъ на-

ходились, весьма дорогою цѣною, подарилъ ему сверхъ того тысячу рублевъ, и отпуская отъ себя велѣлъ ему объявить Полиціи непремѣнно, что былъ онъ у разбойниковъ, и все то что съ нимъ ни происходило. Какъ скоро его отправили, то приказалъ онъ класть все на возы и приготовляться къ походу, думая что непремѣнно посѣтитъ его сыщикъ, что дѣйствительно и сбылось потомъ. Послѣ чего зажгли весь домъ, и огонь столько разсердился, что не оставилъ ни одного живаго бревна, а мы отправились въ путь.

ГЛАВА IX.

КОНЕЦЪ МОНАХОВА ПОХОЖДЕНІЯ.

Солнцевы кони перебѣжали уже восточные вѣшры, которые выпали съ ними въ одно время и изъ одного мѣста, а наши вывезли насъ изъ лѣсу. Мы слѣдовали совсѣмъ по незнакомой мнѣ дорогѣ, и наконецъ достигли до другаго поселенія, которое также находилось въ

лѣсу. Тутъ жили мы мѣсяца съ два
не было съ нами никакого приключе
Въ одно время призвавъ меня къ с
атаманъ, говорилъ слѣдующее: др
мой! ты живучи со мною можешь бы
и скучишь; сверхъ же того заслужи
ешь порочное имя, и когда узнаютъ
городѣ, что ты живешь со мною,
будутъ почитать тебя безчестнымъ
ловѣкомъ, и для того намѣренъ я
пустишь тебя, чтобъ не былъ ты п
чтенъ въ число разбойниковъ. Я прин
ся его благодарить, и радовался ук
что буду скоро въ городѣ, по тому ч
жилище сіе хотя мнѣ было и покойно,
былъ всѣмъ доволенъ, однакожъ жилъ
разбойниками. Атаманъ наградилъ м
довольно добродѣтельно и великодуш
онъ подарилъ мнѣ тысячу рублевъ, ч
не всякой богатой и честной граждан
сдѣлаетъ; къ тому жъ дана была м
лошадь, и я проспившись со всѣми
ѣхалъ въ путь.

Два дни я разсуждалъ о семъ разб
никѣ, и не зналъ, какъ бы мнѣ его
именовать; ибо мнѣ казалось, что
бродѣтель превышала его пороки. С
отнималъ у богатыхъ половину ихъ и

нія, и сію часть дѣлилъ на двое: одну оставлялъ себѣ, а другую отдавалъ бѣднымъ людямъ. Обиженные имъ не столько на него негодовали, сколько награжденные имъ его благодарили. Мнѣ показался онъ новымъ Философомъ. У кого много, у того онъ отнималъ; а у кого ничего не было, тому давалъ. И такимъ образомъ положилъ я такъ, разсуждая долго: пускай дадутъ ему имя наши жадные къ деньгамъ богатые граждане. Впрочемъ, чтобъ не оставить въ неизвѣстности такого подлинника, объявлю о немъ въ другомъ мѣстѣ попространнѣе.

Въ третій день моего путешествія, когда просыпалася Зимцерла (*), спускался я съ превысокой горы, и увидѣлъ не далеко не весьма узкое владѣніе, которое состояло изъ деревяннаго строенія и называлося село. Я вздумалъ посѣтить его: пріѣхавши въ оное, нашелъ всѣхъ крестьянъ въ великой печали. И когда спросилъ я о причинѣ, тогда увѣдомили меня, что будутъ похоронять

(* Зимцерла Славенская богиня она была тоже, что и Аврора, и имѣла храмъ въ Кіевѣ

ихъ господина; а какъ настало время то и я пошелъ въ церкву. Вскорѣ принесли усопшаго, и весьма много было о немъ плачущихъ. Женщина весьма молодая рвалась больше всѣхъ, и казалась быть отчаянною жизни; слезы ея сдѣлали то, что я насилу могъ удержаться и самъ отъ жалости; она была столь отчаянна, какъ будто бы любовница похороняла своего любовника, а по тому я узналъ, что была она жена покойнаго. Во время обѣдни очень часто падала она въ обморокъ; однако опять скоро воздерживалась, чтобъ не сдѣлать дурнаго положенія; и притомъ же примѣтилъ я, что она очень часто на меня поглядывала. Когда начали отпѣвать новопреставленнаго, то я нечаянно взглянулъ на нее и увидѣлъ въ рукахъ ея маленькое зеркало. Въ семъ случаѣ сдѣлался я маленькимъ Философомъ и расположилъ проступокъ сей великодушно. Когда опустили въ могилу ея мужа, то казалась она, какъ будто бы хочетъ послѣдовать ему, и едва успѣла выговорить чтобы просили меня къ ней отобѣдать, повалилась безъ памяти. Люди ея понесли ее нечувствительную домой, куда и меня пригласить не позабыли.

Обѣдъ начался печалію, а кончился весельемъ. По большой части засѣдали за нимъ отставные Офицеры тѣ, которые были великіе охотники подпягивать сивуху и разсказывать о сраженіяхъ; насуслились они за нимъ довольно исправно, приговаривая почасту: покойникъ былъ до вина охотникъ. А какъ обѣдъ кончился, того я не знаю, ибо отвело меня отъ онаго сіе приключеніе:

Въ срединѣ нашего обѣда, когда уже начинали краснѣть у всѣхъ гостей носы, тогда вывели отягченную болѣзнію или печалію, или не знаю чѣмъ, хозяйку. Она въ превеликомъ безпамятствѣ приказала подать себѣ стулъ и сѣла подлѣ меня, рвалася, охала и рыдала; однако уже не текли по лицу ея слезы, какъ думаю для того, чтобъ не смыть румянъ, которыхъ она, пришедъ изъ церкви, положила нѣсколько на щеки. Священникъ уговаривалъ ее и подавалъ здравые совѣты; а я, какъ человѣкъ совсѣмъ посторонній, не сказалъ ничего, выключая словъ десяцковъ девяти. Вскорѣ печальная наша Лада упала въ обморокъ и бросилась ко мнѣ на шею. Я дол-

женъ былъ съ помощію другихъ отнести ее на постелю, чтобъ тамъ собрала она расточенной или разперянной свой разумъ. Когда я несъ ее въ спальню, то получилъ поцѣлуя два три весьма отъ горячаго сердца, и тутъ узналъ, что обморокъ ея пройдетъ вскорѣ, и что она женщина свѣтская, которая въ случаѣ нужды можетъ три раза умереть, и послѣ, когда уже не надобно будетъ мертвыхъ, воскреснетъ сама. Кладя ее на постелю, не могъ я отнять отъ моей руки отъ трепещущаго ея сердца для того, что она въ безпамятствѣ придерживала ее очень крѣпко; чего ради подали мнѣ стулъ, и я сѣлъ подлѣ ея кроваши. Всякой со своимъ усердіемъ подходилъ уговаривать ее и воздерживать отъ сокрушенія; и кто былъ пьянѣе другихъ, тотъ усерднѣе и старался. А я сидѣлъ подлѣ ее, какъ будто бы осужденной; никто не думалъ, что приковала меня безразсудная Венера, а всякой помышлялъ, что причиною тому ея отчаяніе и болѣзнь о покойномъ ея мужѣ. Всѣ уже наконецъ разъѣхались и легли домашніе спать; тогда образумилась боярыня и начала со мною амуриться.

Естьли бы я не былъ холостой и не скучалъ о томъ, что имѣютъ женатые, то конечно бы началъ разсуждать очень строго, и обвинилъ бы дерзость ея Спартическимъ образомъ; но всегдашній мой недостатокъ принудилъ замолчать мою совѣсть, и я также легко презрилъ благопристойность, какъ и плѣненная мною красавица. Что происходило у насъ въ сію ночь, того разсказывать я не стану; а естьли кто захочетъ увѣдомиться объ этомъ, тотъ и безъ меня догадаться можетъ.

На другой день поутру подступилъ подъ снизходительную сію крѣпость не знаю какой-то шоголь и началъ подпускать любовныя ужимки; я же не разсудя того, что красавица сія не великая была охотница влюбляться, а служала нашу брацью по перемѣнкамъ, влюбился въ нее какъ въ пушную. Досадно мнѣ жестоко было, когда онъ пощупывалъ ее очень вольно; а она послѣ извинялась передо мною, что позабыла ему въ томъ противиться, и сердилась на меня, для чего я ей объ этомъ не припомнилъ. Въ слѣдующій знатно день несносной мой соперникъ позабывъ то, что я тутъ си-

жу, бросился съ французскою вольностію цѣловать ея груди. Я не могъ болѣе перпѣть огорченія и треснулъ его по лбу, отъ чего полились у него и кровь и слезы, и когда онъ образумился, что задѣлъ меня по щекѣ, а я до драки прежде бывалъ превеличайшій охотникъ; и такъ расправивъ мои руки, началъ его пошаскивать взадъ и впередъ по комнатѣ, и до тѣхъ поръ его ошибоярилъ, пока служители насъ не разняли; разсовалъ я ему побольше соляки шумаковъ подъ пазухи и во всѣ тѣ мѣста, гдѣ улеглись мои оплеушины, шишки и побоятухи. Въ семъ случаѣ со мною не такъ какъ съ побѣдителемъ поступили; вмѣсто тріумфа (*), приличнаго побѣдоносцу, обобрали меня кругомъ и проводили дубьемъ со двора.

Появился я вскорѣ легокъ на чистомъ полѣ, неся за плечами палочные удары, которые мнѣ дали на дорогу. Они не столь были мягки, чтобъ могъ я ихъ употребить въ обѣдъ, и такъ до ужина претерпѣвалъ маленькой голодъ: ужина же моя состояла въ томъ, чтобъ по-

(*) Тріумфъ, торжество въ честь побѣдоносцу

скорѣе заснуть. Я думалъ гдѣ-нибудь во снѣ покушать, что была и дѣйствительная правда. Во всю ночь я былъ у великаго довольства съѣстныхъ припасовъ и жралъ ихъ столько, что превзошелъ всякаго рода объѣдалъ; однако со всѣмъ тѣмъ проснулся голоденъ. Это уже извѣстно давно, что у голоднаго хлѣбъ на умѣ, и никакія гражданскія дѣла не приходятъ тогда въ голову, когда желудокъ пустъ. Я не ѣлъ ничего, однако глоталъ очень часто, и въ семъ упражненіи путешествовалъ еще до обѣда.

Встрѣтилась со мною расчесанная деревня: я узналъ тотчасъ по ея платью, что не могу тутъ выпросить ни одного куска хлѣба. Сколькожъ я тогда сдѣлалъ восклицаній о моей тысячѣ! Когда же голодъ пронималъ меня порядкомъ, а достать хлѣба не было надежды, тогда вздумалъ я подняться на мудрости, и съ сею надеждою вступилъ тотчасъ въ деревню, и вошелъ въ тотъ домъ, которой покудрявѣе казался прочихъ; въ немъ я нашелъ старуху, о трехъ или съ половиною зубахъ; притворясь гораздо набожнымъ, объявилъ ей, что я

выходецъ съ того свѣта, что тощій мой желудокъ и блѣдное лицо ей подшвердили. Какъ скоро она услышала, что я выѣзжей небесной гражданинъ, що тотчасъ собрала на столъ и меня накормила. Потомъ спрашивала, не видалъ ли я на томъ свѣтѣ ея сына? Я отвѣтствовалъ, что имѣлъ съ нимъ тамъ знакомство, и что онъ гораздо обнищалъ и возитъ теперь на себѣ воду. Услышавши это старуха бросилась благимъ матомъ въ свою коробью, и вынявъ изъ нее послѣднія деньжонки, просила меня отнесть ихъ для разводу къ своему сыну. Потомъ пріѣхалъ съ поля попъ, которой не перещеголялъ разумомъ беззубую свою сестрицу, далъ мнѣ свою лошадь, чтобъ братъ его возилъ на ней тамъ воду и больше бы уже самъ не трудился. Такимъ образомъ съ немалаго числа и крещеныхъ обманъ мой получилъ пошлины довольно. Начинивъ мои карманы разною ходячею монетою, оставилъ я эту деревню и посмѣялся мужицкой глупости.

Идучи дорогою считалъ я деньги, чтобы изъ разныхъ карановъ привести ихъ въ одно число. Искусство показа-

лось мнѣ довольно хлѣбно, и я опредѣлилъ называться вездѣ, что путешествую съ того свѣта. Ни одинъ лекарь, думаю, своимъ искусствомъ не могъ бы со всего купечества въ городѣ получить столько денегъ, сколько я получилъ съ одной деревни; а что съ дворянства, о томъ я уже и спорить не буду; для того что дворяне великіе охотники лечиться, и безъ всякой нужды принимаютъ лекарства, лишь бы кто имъ присовѣтовалъ; а купцы почитай совсѣмъ не имѣютъ съ аптеками знакомства, и отъ того, какъ сказываютъ, бываютъ они здоровѣе.

Въ этомъ пути я былъ повеселѣе прежняго, и совсѣмъ не видалъ, какъ спотыкнулся было на богатое и великое село. Когда я началъ вступать въ него, то принялъ на себя важной и смиренной видъ; ибо когда я сытъ, тогда шучу до тѣхъ поръ, покамѣстъ довольно. И такъ какъ скоро увидѣлъ я мужиковъ, то закричалъ имъ, чтобъ они снимали шапки. Они схватили ихъ съ великою поспѣшностію, можетъ быть для того, а можетъ подумали, что идетъ ихъ господинъ, предъ которымъ

они еще за три версты открываютъ свои головы. Я спрашивалъ, гдѣ ихъ помѣщикъ, и кто онъ такой? Они сказали мнѣ, что нѣтъ его дома, а поѣхалъ на время не очень въ дальнюю деревню, а тутъ, сказали, его жена и мать. Я тотчасъ велѣлъ имъ сказать о себѣ, и былъ принятъ старухою весьма радостно. Тутъ надѣялся я получить больше денегъ, для того больше и вралъ. По счастію моему свекрови понадобился я подъ именемъ выходца съ того свѣта, а сноха подъ именемъ любовника; и такъ жилъ тутъ во всякомъ удовольствіи. Старухѣ разсказывалъ я днемъ, а молодой разсказывалъ ночью. Безпокоилъ меня нѣсколько пріѣздъ хозяйской, и я думалъ, что непремѣнно мнѣ надобно прежде его убраться: ибо я провѣдалъ отъ служителей его, что онъ великой забіяка и ужасной охотникъ выправлять свои руки надъ чужою спиною. Я неочень надѣялся на кожу, которая покрывала мою спину, и такъ вознамѣрился было отступить отъ сего мѣста. Какъ скоро узнали о моемъ отъѣздѣ госпожи, то съ превеликимъ прилѣжаніемъ нача-

ли меня просить, чтобы я остался еще у нихъ. Новая моя любовница удобнѣе всѣхъ опровергла мое намѣреніе: она сказала мнѣ, что мужъ ея долженъ дѣлать то, что она прикажетъ, и что она давно уже имѣетъ это счастіе, что сожитель ея плящетъ по ея дудкѣ.

Наконецъ онъ пріѣхалъ: я увидѣлъ, что несумнѣнная была то правда; она имъ повелѣвала, а онъ боялся и подумать, чтобъ чѣмъ-нибудь ее прогнѣвать. По пріѣздѣ его находился я въ такомъ же довольствѣ, какъ и прежде, и какъ скоро онъ на дворъ, то жена его занемогла, и не пускала его въ спальню цѣлые два мѣсяца, а я въ то время занималъ его мѣсто. Подражая Юпитеру, которой эдакъ же почивалъ Амфитріона, мнѣ кажется, потребна была мужу ея ревность; однако онъ не позабылъ употребить ее въ семъ случаѣ, и можетъ быть употребилъ ее и съ лишкомъ.

Вотъ какъ человѣческое благополучіе не долговѣчно, и вотъ какъ мое перервалось. Заѣхалъ въ сіе село проѣзжающій Архіерей, рогоносецъ мой принялъ его съ превеликою радостію, и первое его слово было то, что есть у него

выходецъ съ того свѣта; потомъ разсказалъ ему все что я ни наболталъ ему во все мое у нихъ пребываніе, прибавляя къ тому, что будто бы всѣ его мужики отъ того всеболамутились и начали отставать отъ церкви. По сему препорученію видно, что онъ желалъ меня сбыть поскорѣе съ рукъ. Когда кликнули меня къ Архіерею, то я, какъ будто бы виноватой, задрожалъ, и не зналъ, что отвѣчать. Тотчасъ зашнуровали меня цѣпью, и сколько ни просила за меня моя любовница, однакожъ, не смотря ни на что, отослали меня подъ начало, гдѣ продержавъ не меньше года, наконецъ постригли. Я ушелъ нѣсколько спустя изъ нашей обители и опять въ томъ же селѣ пойманъ. И такъ съ тѣхъ поръ содержатъ меня въ монастырѣ весьма рачительно. Мнѣ не приказано никуда выходить вонъ изъ кельи, и словомъ, я такъ какъ будто бы на цѣпи привязанъ; иного способа нѣтъ мнѣ выйти изъ онаго, какъ въ такомъ нарядѣ, въ какомъ вы меня нашли. Я передъ вами виноватъ, примолвилъ онъ, что приключалъ вамъ безпокойство, и въ томъ прошу прощенія.

Такимъ образомъ кончилъ монахъ свое похожденіе, которое однако было еще не все; смѣшныя съ нимъ приключенія услышимъ мы послѣ.

Въ Полковникѣ человѣколюбіе, или не знаю что другое произвело о немъ сожалѣніе. Онъ обѣщалъ ему исходатайствовать свободу и прозьбою сложить съ него чинъ монаха. Послѣ сего вошла къ нимъ ключница и облившись слезами просила прощенія у своего господина. Она еще не совсѣмъ испорчена была лѣтами, и носила имя любовницы правильнѣе, нежели нѣкоторыя изъ моихъ знакомокъ, которыя подъ бѣлилы и румяны прячутъ свою старость. Полковникъ сдѣлавъ ей пристойной къ тому выговоръ, простилъ поиомъ ея погрѣшность, за что съ великою благодарностію поклонилась она ему въ ноги, и послѣ этаго была опять въ своемъ достоинствѣ съ не меньшимъ почтеніемъ отъ всѣхъ домашнихъ.

ГЛАВА X.

ЕЖЕЛИ КТО ПРОЧТЕТЪ, ТОТЪ И БЕЗЪ НАДПИСИ УЗНАЕТЪ ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ.

Когда солнце переѣзжало черезъ Экваторъ и прибыло почитай уже въ тропикъ Козерога, у насъ въ домѣ немного важнаго приключилось. Полковникъ стараніемъ своимъ переименовалъ монаха, и сдѣлалъ изъ него бѣлыца; и такъ сдѣлались мы съ нимъ великими друзьями, и были равнаго достоинства. Онъ не уступалъ мнѣ въ краснорѣчіи, а я въ остроумъ ему выдумкахъ; и такая двойка, какъ мы, довольно благополучно могли препроводить свою жизнь.

Въ началѣ осени Венера опредѣлила представить въ нашемъ домѣ походную комедію, или попросту игрище; чего ради послала къ намъ своего сына. Онъ вселился къ Балабану въ сердце и дѣлалъ тамъ чудныя распоряженія. Начало дѣйствія было такимъ образомъ: закипѣла кровь въ моржевыхъ жилахъ и дуралей нашъ началъ щегольать; сшилъ себѣ набойчатой халатъ, и таскался

въ немъ по улицѣ мимо окна своей возлюбленной; надѣвалъ не рѣдко крестьянское платье, и расхаживалъ въ немъ по морскому рынку. Ходилъ также въ харчевни, гдѣ заводилъ не посредственно малыя драки и таскалъ нарочно своего брата, для того что храбрость его надъ однимъ только имъ оказывалась. Прежде же сего ходилъ онъ всегда черною, въ замаранномъ овчинномъ тулупѣ, и шатаясь по двору часто игралъ съ робятами въ бабки, кричалъ ночью филиномъ и пугалъ старухъ, которыя слышали отъ него часто съ высокой нашей лѣстницы. Возгламалъ пѣтухомъ, которымъ искуствомъ разбужчвалъ сосѣднихъ куръ; перенималъ какъ кричатъ ушки, и словомъ, дѣлалъ всякія шалости, какія только начальный изъ дураковъ выдумать можетъ. Началъ закупать гражданскія книги и переплетать въ церковной переплетъ. Онъ иногда принимался ихъ читать, но они казались ему столько же понятны, какъ слѣпому живопись; и чѣмъ которая книга была важнѣе, тѣмъ для него хуже. И такъ разсердясь на ихъ темноту, опредѣлилъ сослать ихъ въ ссылку, то есть продать

барышникамъ. И такъ въ началѣ провѣялъ на деньги Телемака, и купилъ вмѣсто его черной шафьянной мантилетъ; (*) потомъ Троянскую исторію, Маркиза, Кашемировы сапиры, и купилъ асалонъ; а послѣ нихъ пустился и на всѣ достальныя, между коими находились Римская и Древняя Исторіи, и купилъ снеганую исподницу и пуху для двойной постели; при чемъ вознамѣрился просить у дяди своего горницъ для будущихъ своихъ дѣшей, и приготовилъ почти уже все къ своей свадьбѣ, только позабылъ открыть любовь свою той дѣвушкѣ, которая уволокла посконное его сердце. А это была та особа, которая жила у полковника: она была отдана ему послѣ отца ея и матери на

(*) Ежому удивляться не должно, что Балабанъ за тѣ деньги, которыя взялъ за Телемака, могъ купить мантилетъ, потому что стакія книги у насъ очень дороги, а другія, какъ напримѣръ, грады, вертограды, станцы, мадригалы, идиллеи, билеты, то оными намостить можно Московскую дорогу. Старинныхъ книгъ у насъ очень мало, а особливо такихъ, какъ есть въ своемъ родѣ Телемакъ; а для чего ихъ нѣтъ, то на сіе примѣчанія я здѣсь не поставлю.

пропитанїе, и чтобы потомъ выдать ее за хорошаго жениха съ ея приданымъ. Дѣвушка пригожа и статна собою, только нѣсколько простенька, по нынѣшнему обыкновенїю. Фаля нашъ началъ дѣлать ей изъясненїе свое стихами, для того что прозы ненавидѣлъ онъ смертельно, и не умѣлъ совсѣмъ ею изъясняться, а стихами говорить не могъ, хотя и былъ до нихъ превеликой охотникъ; но не зная совсѣмъ въ нихъ толку, отослалъ къ любовницѣ своей вмѣсто любовнаго изъясненїя сатиру. Мнѣ удалось ее списать; а чтобъ не одному ею пользоваться, сообщаю и читателю.

Безъ жару никогда на стужѣ воскъ не таетъ,
Подобно дѣвушка безъ денегъ не вздыхаетъ.
Металлъ сей не огонь, однакъ сердца варитъ:
На денежки смотря у всякой зубъ свиститъ.
Безсиленъ купидонъ старинной въ свѣтѣ нынѣ:
Онъ только властвуетъ пастушками въ долинѣ.
А въ городъ никогда не смѣетъ заглянуть,
У щеголей въ смѣху боясь утонуть.
Ужъ новой купидонъ у насъ теперь владѣетъ,
Любовь червонцами, а не стрѣлами сѣетъ:
А умъ, достоинство, любовь и красота,
По правиламъ его, мірская суета.
Съ червонцами карманъ, вотъ только тутъ и дѣла!
Красавица къ тебѣ тотчасъ и полетѣла,

И такъ влюбилася, что хочетъ умереть,
Цѣлуетъ, хвалитъ, льститъ и хочетъ
вѣкъ горѣт
А пламеннѣе всѣхъ тогда она бываетъ,
Когда любовникъ ей карманъ свой открывае
Таская изъ него, вздыхая говоритъ;
Люблю тебя, мой свѣтъ! вся кровь моя гори
Отъ страсти сей совсѣмъ уже изнемогаю,
И сердце и животъ во власть тебѣ вручаю
А послѣ, какъ тебя совсѣмъ ужъ оголитъ,
Тогда погудкою другой заговоритъ;
Таскать изъ твоего ужъ нѣчего кармана;
Прощай, дружекъ, я въ вѣкъ не дѣлала
ма
И такъ тебѣ скажу, что не привыкл
Безденежнаго брать мущину въ кумовья.

Написавши, или лучше списав
сіи стихи, запечаталъ ихъ и послалъ
своей любовницѣ съ слугою. Но выдума
ное сіе изъясненіе ей не понравилось; о
приказала сказать слугѣ его господи
чтобъ; онъ не осмѣливался впередъ писа
такихъ брѣдь , и не отваживался
присылать ей, ежели не хоче
быть тасканъ. Но простофиля мой о
того не умудрился, и написалъ еще
то на нее сатиру, за что дядя посади
его на хлѣбъ да на воду, чему онъ бы
радъ; ибо случалось, что не ѣдалъ д

по три съ ряду, за тѣмъ что деньги употребилъ на амуры, а послѣ сидитъ голодомъ; дѣйствительно бы такъ должно было сказать, это было бы ближе къ природѣ и къ самому моему дурню, однакъ въ разсужденіи повѣсти попрошу, ворочу я самъ себѣ. И такъ онъ радовался тому, для того что будетъ кушать ржаной хлѣбъ, къ которому онъ привыкъ въ деревнѣ; а дядино кушанье ему не казалось, по тому что онъ не зналъ въ немъ вкусу, и всегда говорилъ, что сдѣлано оно по Нѣмецки и казалось ему пригорно. Годится тутъ эта пословица: „свинья на небеса не смотритъ„. Еще обѣщаю я объявить поболѣе въ своемъ мѣстѣ о неудачныхъ его открытіяхъ, и наконецъ о его свадьбѣ; оставимъ его теперь съ манжелетомъ, асалономъ, исподницею и пухомъ, и дадимъ ему надежду въ его любви. Онъ не преминетъ и еще извлечишься. Сапира же его слѣдующаго содержанія:

Цыганы, говорятъ, проворны на обманы;
Искусней ихъ Жиды впираются въ карманы,
Шишиморы вездѣ, гдѣ спрятано, найдутъ;
Но воры больше всѣхъ убытка наведутъ.

Огонь въ свирѣпости не сдѣлаетъ измѣны;
Поѣстъ и попалитъ богатство все и стѣны.
Кому у нихъ въ рукахъ случится побывать,
Не медля долженъ тотъ котомку надѣвать
Но тѣмъ хоть онъ еще останется доволенъ,
Что будетъ онъ въ своемъ умѣ и сердцѣ воленъ:
А я у нихъ въ кохтяхъ хотя и не бывалъ,
Однако никогда скуднѣе не живалъ:
Доколѣ кровь моя въ груди не клокотала,
Пока съ любовью мысль моя не хлопотала;
Она меня ольстя плутовка провела,
И въ сѣть къ обманщицѣ лукавой завела,
Которая ворамъ хотя не подражала,
Но всѣ къ себѣ мои пожитчонки прижала.
Теперь подщипанъ сталъ какъ быстрой я соколъ,
Легохонекъ и чистъ и не раздѣвшись голъ;
Не знаю, гдѣ она пронырствы выучаетъ,
Что самыхъ шильниковъ въ обманахъ превышаетъ.
Отъ вора завсегда печемся мы прибрать.
А къ ней плутовкѣ самъ старался я таскать,
Она передо мной ласканьи разсѣвала,
Моя же отъ часу мошна ослабѣвала.
Но я ея лукавствъ тогда не примѣчалъ,
И только хоробрясь червонцами стучалъ,
Въ томъ мнѣньи будучи, хоть деньги не мякина,
Да дѣвкой не они владѣютъ, а дѣтина;
Но какъ я былъ прельщенъ, и какъ я изумился

Когда любовницы и денегъ вдругъ лишился;
Знать деньги, а не мы владѣютъ надъ сердцами,
И что мы съ ними лишь бываемъ молодцами.
Безъ нихъ, страмцы, глупцы, скверчавцы, шалуны,
Да дѣвки лихъ всегда надъ нами колдуны.
Хоть ими изсушенъ, обманутъ и обруганъ,
И сто всѣхъ сторонъ чистошенько обструганъ,
Всегда валишся къ нимъ въ любовны кандалы,
И впишешся у нихъ въ глупцы и шабалы
Вотъ такъ-то и меня одна изъ нихъ взнуздала,
И обобравъ кругомъ въ безумцы записала.
Совсѣмъ не человѣкъ, кто падаетъ въ ихъ сѣть,
Онъ вѣка не доживъ плетется умереть.

Всѣ сіи стихи, которые вы прочитали, хотя они и не хорошаго мастера, однако Балабану никогда и во снѣ не снились, а не только чтобы онъ ихъ сочинилъ. Все его искуство состояло въ томъ, что покупалъ онъ рифмы весьма за великія деньги и подписывалъ подъ ними свое имя. Позвольте мнѣ, благосклонный читатель, (а до неблагосклоннаго мнѣ и нужды нѣтъ) положить здѣсь пословицу на Латинскомъ языкѣ;

я бы конечно и на своемъ ее поставилъ, однако что не наше, того присвоивать я не хочу, для того что мы предовольны и безъ чужаго: aliquando ſus Minervam docet --- иногда свинья Минерву учитъ. Балабанъ будучи такою скотиною, каковаго вы изъ описанія видите, вздумалъ писать комедіи, и сочинилъ одну въ четырехъ дѣйствіяхъ по своему расположенію. Въ ней онъ вознамѣрился обругать одного сочинителя, которой ему не подалъ никакой причины къ посмѣянію; а нынѣ будучи принужденъ загадывать ему загадки. Правду сказать, Балабанъ осмѣивалъ его очень искусно, то есть, прямо по дурацки; говоритъ онъ въ нѣкоторомъ вступленіи, что сочинитель тотъ исписалъ чернилъ семь чановъ, измаралъ нѣсколько тысячь стопъ бумаги, и только написалъ одну маленькую комедію. По этому его искусству долженъ я сказать, что просыпается здѣсь въ Россіи Боало; и ежели господинъ Балабанъ захочетъ удостоить насъ своими сочиненіями и выпустить ихъ на свѣтъ, то многіе усердные люди поколотятъ -- ахъ! я проговорился, а надобно сказать, по-

благодарилъ его за это. Писалъ сатиру на покойнаго Ломоносова, и не зная въ оной полку, хотя дурацкими изъявленіями, однако больше хвалилъ его, нежели ругалъ; хотя такому великому человѣку похвала онъ площаднаго сочинителя и совсѣмъ не надобна была. Такіе напересники росхожаго Аполлона посялъ на себѣ сію пословицу: Собака и на владыку лаетъ. По нѣкоторому въ нашемъ домѣ случаю возгамѣрился онъ учинить свою любовницу и нѣкоторыхъ домашнихъ такому искусству, о которомъ не только что не имѣетъ никакого понятія, но ниже знаетъ, что значитъ его имя; однако случай тотъ перервался къ великому неудовольствію господина Балабана.

Сихохранающій Балабанъ, внукъ новопреставленнаго Скарронова комедіанта Злобина, имѣлъ на себѣ видъ неладобнаго свѣту человѣка и требовалъ отъ всѣхъ сего имени. Нѣкоторые часто забывали его требованіе и называли скотиною. Онъ былъ весьма тихаго нрава, и могъ бы конечно ужиться съ чертями. Достоинство было его сіе

обругать честныхъ людей, опорочить ихъ добродѣтель, понесши имя и сдѣлать такими же плутами, каковъ онъ и самъ. Всегда выдумывалъ способы, какимъ бы новымъ образомъ обидѣть человѣка, чтобъ съ нимъ на вѣки поссориться, и имѣть удовольствіе его ругать. Злость его столь была велика, что всѣмъ своимъ знакомцамъ за излишествомъ не могъ ее раздарить, и такъ пересмѣхалъ и ругалъ изъ окошка мимоидущихъ по улицѣ. Часто доставалось также отъ него дядѣ его и тещѣ; ибо онъ въ тайнѣ не оставлялъ поносить и своихъ родичелей. Обманывалъ купцовъ и разносчиковъ, не платилъ денегъ своимъ слугамъ, и при отпускѣ клепалъ на нихъ, будто бы они его обокрали, и такъ сбивалъ ихъ со двора, наградя пощечинами и пинками. За извощиками гонялся съ обнаженною шпагою, когда они просили у него за провозъ. Забираяжъ въ долгъ, клалъ на себя обѣщаніе, чтобъ никогда не платить. Завладѣвъ чужимъ въ тайнѣ или въ явѣ, почиталъ онъ добродѣтелью; и еще въ добавокъ описаніе дѣдушки его знаменитаго комедіанта Злобина мо-

можетъ служить здѣсь къ дополненїю Балабанова титула. При всемъ этомъ ослопина сей былъ собою доволенъ; онъ не смыслилъ, что онъ глупъ, и для того ни мало не безпокоился.

Остатки совѣсти его пропали тогда, когда началъ онъ ревновать къ своей любовницѣ: она обходилась ласково со многими мущинами, которыхъ карманы находились въ добромъ здоровьѣ, что его весьма тревожило. Онъ стаивалъ часто подлѣ ея дверей и считалъ, сколько пройдетъ отъ нее любовниковъ. Имѣлъ въ запасѣ дубину и хотѣлъ сражаться съ ними по воровски; однако ни одного не залучилъ, почему можно догадаться, что опасался отъ нихъ полновѣсныхъ оплеушинъ и исправной поволочки. Когда понеслося эхо, что вознамѣрился кто-то проучить его палкою, тогда онъ въ сей досадѣ сочинялъ мерзскїя пѣсни и ходилъ въ вензру подъ окошками, кричалъ во весь голосъ, за что сосѣднїе слуги собрались было нѣкогда потаскать его; и дѣйствительно бы дали ему хорошую щипачиху, ежели бы не ускользнулъ онъ отъ нихъ въ окошко.

Случаи въ нашемъ домѣ совсѣмъ были не по театральному обыкновенію; послѣ комедіи послѣдовала трагедія. Въ одинъ день постучалася смерть у воротъ Полковниковыхъ и прекратила его жизнь: онъ умеръ такъ, какъ всѣ умираютъ люди такого состоянія, въ какомъ онъ находился. Хотя онъ былъ не великой охотникъ до могилы, однако изъ усердія положили его въ оную. Плачущихъ по немъ не весьма было много. Слуги его и всѣ домашніе не знали что дѣлать, не весь плакать, не весь смѣяться: онъ былъ человѣкъ молчаливой, и ходилъ всегда нахохлившись; добраго никому не дѣлалъ, да никого же и не обидѣлъ, и такъ осталася по немъ память, а Полковника не стало.

Госпожа Алепона хотя и не желала печалиться о своихъ родителяхъ, однако нѣчто природное побуждало ее къ тому. Она нѣсколько задумывалась, и иногда грустила порядочно. Домъ ея находился въ превеликой разстройкѣ, а она не привыкши управлять людьми, болѣзновала пуще, и для сей причины желала, чтобъ отецъ ея проснулся.

Надобно выговорить мнѣ хотя одинъ разъ во всю мою жизнь правду. Весь домъ находился въ превеликой печали, и мы съ моимъ другомъ не знали чѣмъ оному пособить; наконецъ вздумали сіе средство, чтобъ сказывать по вечерамъ сказки, которыми мы надѣялись отогнать нѣсколько печали, или совсѣмъ оную истребить. И такъ спустя довольно времени послѣ похоронъ предложили о себѣ госпожѣ Аленонѣ: она съ превеликою радостію подтвердила наше предпріятіе, и просила насъ неотступно, чтобъ мы начали продолжать предпріятныя нами намѣренія. Мы согласились на сіе охотно, и только я просилъ того, что ежели я буду сказывать, то дабы не пускать Балабана къ намъ, для того что этотъ адской житель не можетъ пробыть ни одной минуты, чтобы не сдѣлать какой-нибудь подлости. У насъ въ домѣ почитаютъ его нѣкоторые для того, что дядя его въ немъ былъ хозяинъ; а когда бы не такъ, то и на конюшнѣ не дали бы ему мѣсто. Аленона обѣщалась мнѣ, что онъ не будетъ присутствовать со мною; и такъ сдѣлались мы

съ моимъ пріятелемъ ночными раскащиками: я положилъ, чтобъ расказывать мнѣ о древнихъ нашихъ богатыряхъ и рыцаряхъ, а товарищъ мой обѣщалъ шуточныя и смѣшныя приключенія по окончаніи каждой моей повѣсти расказывать. И такимъ образомъ въ самой первой вечеръ началъ я -- Слушайте.

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЪ I.

Повѣсть о Силославѣ.

Во времена древнихъ нашихъ князей, до временъ еще великаго Кія, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Санктпетербургъ, былъ великолѣпной, славной и многолюдной городъ, именемъ Винета; въ немъ обитали Славяне, храброй и сильной народъ. Государь сего города назывался Нравоблагъ; онъ былъ храброй полководецъ въ свое время, ополчался противу Рима и Греціи, и покорялъ многіе окресныные народы подъ свою область.

Благоденствіе и мудрыя узаконенія отъ времени до времени приводили владѣніе его въ цвѣтущее состояніе; щастіе, разумъ и сила присвоили ему все по его желанію, и онъ утѣшался и былъ доволенъ смотря на изобиліе и спокойство своего государства; ибо тишина и благоденствіе народа составляли все его благополучіе.

Онъ уже приходилъ въ глубокую старость и не имѣлъ по себѣ наслѣдника; того ради жертвовалъ Дидиліи (*), какъ богинѣ дѣторожденія, и просилъ отъ нея сына для наслѣдованія своего престола. Увѣдавъ сіе нѣкоторая волшебница, которая имѣла великое несогласіе съ сильнѣйшимъ нѣкоторымъ злымъ духомъ, вознамѣрилась мстить ему симъ смертнымъ, котораго она положила произвесть сильнымъ и храбрымъ. Приявъ на себя видъ пустынника, предстала Правоблагу въ то время, когда онъ домашнимъ богамъ своимъ возливалъ на

(*) Дидиліи, Славенская богиня дѣторожденія: оную просили о плодородіи дѣтей, имѣла во многихъ городахъ храмы.

жертву молоко, и говорила слѣдующее: Боги властители надъ тобою, услышавъ твою молитву, посылаютъ тебѣ сына, котораго имя со славою возгремитъ во всей вселенной. Потомъ подала ему два плода, коихъ красота и благовоніе было неизъяснительно, съ такимъ приказаніемъ, чтобъ государыня, его супруга, оные скушала, и окончавъ сіе исчезла. Наполненный удивленіемъ и радостію государь благодарилъ боговъ и вскорѣ исполнилъ завѣщаніе болшебницы. Плоды были употреблены въ пищу, и Звѣнислава, (такъ называлась Нравоблагова супруга,) призналась, что во всю свою жизнь ничего сладостнѣе ихъ не кушала. Послѣ сего зачала она, и по окончаніи обыкновеннаго времени родила сына, достойнаго себя и дара боговъ.

Между тѣмъ весь городъ находился о бремени ея въ удивленіи; ибо она уже была въ довольныхъ лѣтахъ, и такъ не надѣялись они мея плода, а о предсказаніи и обѣщаніи волшебницы не вѣдали.

Когда же Звѣнислава разрѣшилась отъ бремени, тогда князь, по созванію

народа на свой дворъ, объявилъ ему чрезъ провозглашателя слѣдующее. Князь Нравоблагъ завсегда считая счастїе подданныхъ своихъ выше своего благополучїя, всечастное имѣлъ о благосостоянїи ихъ попеченїе. Напослѣдокъ при старости, не видя у себя преемника, а у народа покровителя и князя, просилъ всесильныхъ боговъ наградить его сыномъ. Боги молитву его исполнили и послали къ нему святаго своего человѣка, которой обнадежилъ князя ихъ милостїю, въ знакъ чего принесъ изъ небеснаго саду два преузорочные плода невиданные доселѣ, съ такимъ предложенїемъ, чтобъ княгиня Звѣнислава употребила ихъ въ пищу, что она и исполнила, и съ самаго того дня зачала сына, которой нынѣ родился, съ рожденїемъ коего князь Нравоблагъ поздравляетъ теперь народъ Славенскїй.

Выслушавъ сїе, народъ воскликнулъ и восплескалъ во славу владѣтеля и наслѣдника. И съ самаго того часъ разлилась радость по всему городу. Государь же приказалъ во всѣхъ божницахъ принесть жертвы и народу праздновать цѣлой мѣсяцъ; а княжеской дворецъ во

время сего празднованія завсегда наполнень былъ народомъ. Во всемъ городѣ и окрестностяхъ его ничего кромѣ веселія и пированія не слышно было. Наконецъ уступило веселіе исполненію необходимыхъ нуждъ. По пяти лѣтахъ младенчества Силославова приняли о немъ попеченіе мудрецы тогдашняго времени: все было употреблено къ украшенію его разума. И по окончаніи семнадцатаго года увидѣли въ юномъ князѣ образъ необремлемыя красоты и свѣдѣнія.

Тогда Нравоблагъ видя желаніе свое въ совершенномъ удовольствіи, началъ ему предлагать о бракѣ, чтобъ имъ продлить свое наслѣдіе къ спокойству государства, чего также желали и его подданные. Почтительной и послушной сынъ послѣдовалъ безъ прекословія волѣ своего родителя и охотно на все согласился. Тогда Нравоблагъ показалъ ему большую картину, на которой были малыя изображенія многихъ царевенъ и княженъ другихъ владѣній; ибо тогда было такое обыкновеніе, и всѣ молодые государи долженствовали выбирать себѣ супругу по симъ изображеніямъ. Самой первой образъ на картинѣ былъ

завѣшенъ. Силославъ весьма долго на другія прочія смотрѣлъ и не объявлялъ своего мнѣнія; потомъ просилъ отца своего, чтобъ показать ему и тотъ закрытой. Упорство его родителя вселило въ него великое любопытство, и Правоблагъ непремѣнно долженъ былъ на прозьбу его согласиться. Какъ скоро открылъ онъ образъ, представляющій прекраснѣйшую дѣвицу, тогда Силославъ въ радостномъ восторгѣ объявилъ ее своею супругою. Такое восхищеніе встревожило его родителя: онъ желая утаить приключеніе съ сею княжною отъ своего сына, которой, какъ онъ думалъ, не преминетъ за нею слѣдовать и искать во всемъ свѣтѣ, объявилъ ему, что она недавно скончалась. Сія государыня была дочь Синандарова, которой обладалъ многонароднымъ городомъ Сонмомъ. Силославъ имѣя нѣкогда съ нею свиданіе, влюбился въ нее смертельно. Какъ скоро онъ сіе услышалъ, смутился мыслію и сдѣлался безсловесенъ; радость его обратилась въ отчаяніе, и не отвѣчая своему родителю слѣдовалъ въ свои чертоги. Неописанная краса Прелѣпы (такъ

именовалась дочь Станидарова) поразила Силославово сердце. Онъ началъ сѣтовать и старался быть всегда уединеннымъ: размышленія его произвели въ немъ такую горячность, что уже началъ онъ презирать свою жизнь и старался искать смерти. Крѣпостанъ, любимецъ его, усмотря сокрушеніе своего государя и соболѣзнуя равно, предпріялъ ему явить усердіе и увѣдомить о похищеніи той государыни, которою страдаетъ Силославъ. И такъ предсталъ ему и говорилъ слѣдующее:

Великій государь! сокрушеніе твое и долгъ мой требуетъ, чтобъ я облегчилъ твою печаль и открылъ тебѣ тайну, которую сокрываетъ отъ тебя твой родитель: прелѣпа есть дочь великаго государя, которой обладаетъ многонароднымъ Сонмомъ. Сей городъ, какъ тебѣ извѣстно, стоитъ на берегу Варяжскаго моря къ полуденной сторонѣ отъ Винеттны. Для превосходной ея красоты, которая тебѣ давно уже извѣстна, похищена отъ нѣкоторымъ злымъ духомъ, которой содержитъ ее у себя въ замкѣ. По похищеніи семъ сокрушенный

ея родитель призывалъ изъ дальнихъ сторонъ искусныхъ волхвовъ, которые дѣлали великія заклинанія на похитителя, и принуждали его возвратить назадъ Прелѣпу. Иногда доходили они своимъ искуствомъ до того, что духъ устрашался ихъ власти и почитай принужденъ былъ возвратить ее къ отцу ея. Три цѣлые года безпокоился онъ такими заклинаніями, и наконецъ вооружась всѣми своими силами, превратилъ весь городъ и все княжеское поколѣніе въ каменные истуканы, а волхвовъ всѣхъ погубилъ неизвѣстнымъ образомъ. Государь сей любилъ изображеніе змѣино; и такъ весь городъ испещренъ, всѣ его сосуды, и словомъ всѣ вещи имѣли на себѣ начертаніе сего живопитаго и плежущагося по землѣ. Внѣ города стѣна ограждена была великимъ змѣемъ, котораго хвостъ укрѣпленъ былъ въ его челюстяхъ. Духъ обративъ людей въ камень, далъ движеніе симъ живопитымъ, которые теперь населяютъ весь городъ, и ни одинъ человѣкъ не дерзнетъ вступить въ него, страшася ужаснаго умерщвленія отъ тѣхъ гадовъ. Движеніе ихъ, свистъ и

смрадъ, произходящій отъ нихъ за нѣсколько верстъ, чувствующіе проѣзжающіе; а похищенію Прелѣпы уже теперь пятой годъ, и я думаю, государь, что она еще здравствуетъ подъ властію злого духа.

Силославъ услыша сіе, какъ будто бы возбудился отъ сна, и наполнившись великою радостію, которая изображала на лицѣ его надежду, обнялъ своего наперсника и увѣрялъ его вѣчною благодарностію. Потомъ объявилъ, что намѣренъ путешествовать и искать ее по всему свѣту. Крѣпостанъ совѣтовалъ ему оставить сіе предпріятіе, и предлагалъ, что возвратить Прелѣпу не возможно; ибо гдѣ она обитаетъ, того не извѣстно, и какимъ образомъ ее сыскать, и что не вѣдомо. Однако совѣты его молодому и страстно влюбленному юношѣ еще больше вселяли желаніе слѣдовать своей страсти, а не отвращали отъ предпріятія. И такъ опредѣлено было Силославомъ странствовать по свѣту. Ни слезы матери, ни угрозы отца, ни прозьбы подданныхъ не могли опровергнуть его желанія. Въ семъ случаѣ сдѣлался онъ преслушенъ

своимъ родителямъ, и позабылъ, чѣмъ обязанъ своимъ подданнымъ; изъ чего разсудишь можно, сколько любовь имѣетъ власти надъ нашимъ сердцемъ. Всякая минута казалась ему, что увлекаетъ у него время для полученія того, чего не было пріятнѣе ему на свѣтѣ. Хотя ни мало не вѣдалъ онъ, гдѣ должно ее искать, однако воображалъ всегда, что уже имѣетъ ее въ своихъ рукахъ; представлялись ему всѣ ухѣхи, которыя онъ воображалъ имѣть по полученіи Прелѣпы, и одно ея имя придавало желанію его крылья. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ только отправишься въ путь.

Между тѣмъ, какъ разсуждалъ онъ, по какой дорогѣ начать путешествіе, изготовлено было все къ его отъѣзду; только всѣ сіи приготовленія для него не годились. Онъ приказалъ привести множество коней, и выбиралъ изъ оныхъ одного, на которомъ бы могъ отправишься въ путь: клалъ на спину каждаго коня руку, и которой подгибался подъ оною, тотъ ему не годился. Наконецъ выбралъ одного по желанію, и взявъ принужденное благословеніе онъ

своихъ родителей оставилъ городъ, которой провожалъ его слезами и отчаяннымъ воплемъ. Крѣпостанъ слѣдовалъ за нимъ съ малою юношескою дружиною, которой Силославъ приказавъ возвратиться въ городъ.

Открытое поле почувствовалъ въ себѣ молодаго, прекраснаго и храбраго рыцаря, любовалось на сіе украшеніе смертныхъ; встрѣчающіеся съ нимъ лѣса, казалось, какъ будто бы уклоняли свои вѣтьви, и цѣлъ оказывали ему должную честь; великолѣпный видъ, блестящая одежда и бодрость его коня представляли дѣйствительно, что нѣтъ ему противника во всей вселенной. Крѣпостанъ удивлялся самъ ему, видя его въ богатырской одеждѣ; ибо въ первой еще разъ въ оной его видѣлъ, а Силославъ наполненъ будучи любовію, понуждалъ только своего коня къ скорѣйшему бѣгу, не думая ни мало куда и для чего ѣдетъ. Наконецъ, будучи не малое время въ пути, прибыли они на прекрасные луга города Сонма.

Въ семъ мѣстѣ я замолчалъ, потому что Аленона уже опочивала, такъ и мы отправились на свои постели.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЪ 2.

Продолженїе Силославовой повѣсти.

Сей городъ стоялъ на плоскомъ мѣстѣ и имѣлъ видъ шестиугольной фигуры, и каждой ея уголъ оканчивался высокою башнею наподобїе Египетскихъ пирамидъ; верьхи оныхъ башень покрыты были литою мѣдью, которая вызолочена была Аравїйскимъ золотомъ. Всякая башня имѣла одни ворота и опускной мостъ чрезъ ровъ, которой окружалъ весь городъ. Въ серединѣ города блистали превысокїя и великолѣпныя палаты; на узкомъ оныхъ верьху сидѣлъ Атлантъ, и держалъ на плечахъ небо въ видѣ шара, которой осыпанъ былъ рубинами и канбункуломъ, коихъ блескъ представлялъ его зрителямъ другимъ солнцемъ. Сїе былъ дворецъ Сианидаровъ. Стѣны города закрывались щитомъ змѣемъ, которой окружалъ за ровомъ городъ; ибо онъ былъ преогромной вели-

чины и имѣлъ движеніе, испускалъ притомъ ужасной ревъ. Свистъ и движеніе животныхъ въ городѣ наводили страхъ всѣмъ приближающимся къ нему. Однако Силославъ безъ робости глядѣлъ на сіе ужасное чудовище, и обѣгая кругомъ искалъ способа, какъ бы быть ему внутри города. Потомъ увидѣлъ превеликой четвероугольной камень, на которомъ были высѣчены сіи строки: Городъ сей тогда примешь прежнее свое бытіе, когда почувствуешь на себѣ земля такого сильнаго богатыря, которой сей камень вниссетъ на раменахъ въ середину города. Силославъ прочитавъ сіе почувствовалъ побужденіе, кое воздвигалъ въ немъ бѣлый его духъ (*), и ударилъ копьемъ въ камень, которой разсыпался на мѣлкія части. Вдругъ изъ подъ онаго предстала предъ него обнаженная женщина; тѣло ея было обожжено, волосы на головѣ сотлѣли, кровавыя раны покрывали ея лядвеи, лице

(*) Бѣлый духъ. Язычники вѣрили, что съ самаго рожденія приставляются къ человѣку два духа, одинъ бѣлой, а другой черной. Первой побуждаетъ къ доброму, а другой къ злому.

и губы отъ жару всѣ истрескались и текла изъ оныхъ кровь; въ рукахъ имѣла она просить съ волшебными на ней изображеніями. Приближившись къ Силославу приказала ему сойти съ коня; пошомъ взявъ его за руку, повела въ подземную пропасть, которой отверстіе закрыто было онымъ камнемъ, а за ними послѣдовалъ и Крѣпостанъ.

Переступивъ девять ступеней внизъ, увидѣли они четверогольную горницу, коея стѣны составлены были изъ головъ свирѣпыхъ животныхъ; они растворяли свои пасти и дышали пламенемъ, которой леталъ по всему зданію. Волшебница могла оное сносить, но на Силославѣ и Крѣпостанѣ разгорѣлись латы и начинало палѣть ихъ платье. Они сказали волшебницѣ, что скоро сгорѣть могутъ, ежели шутъ остануться. Волшебница ударила простью въ стѣну, которая немедлѣнно сдѣлала изъ себя отверстіе; они слѣдовали всѣ не медля въ оное, и нашли тамъ такое же зданіе, наполненное мерзкими и слизкими гадами, которые облѣпили ихъ тотчасъ. Силославъ будучи тревоженъ ими, говорилъ волшебницѣ, что не можетъ про-

быть тутъ ни одной минуты; ибо смрадъ и прикосновеніе гадовъ приводили его въ великое безпокойство и ужасъ. Тогда волшебница опять вывела ихъ на поверьхность земли. Еще и третіе зданіе говорила она, въ которомъ вѣтры поднимаютъ пыль, и отрывая земляныя глыбы претворяютъ ихъ въ песокъ, которой послѣ подъемля съ полу крутятъ землю на подобіе кипящей воды. Въ сіе зданіе намъ не возможно было бы и глядѣть, не только вступить. Тогда Силославъ спрашивалъ, для чего произведены такія страшныя шемницы? По рожденіи твоемъ, отвѣтствовала волшебница, я заключена была въ оныя, и шестнадцать лѣтъ претерпѣвала сіе мученіе за то, что произвела тебя на свѣтъ. Тотъ сильной духъ, съ которымъ я имѣю несогласіе, власшію своею заключилъ меня въ нихъ: онъ предузнаетъ свою погибель, и желаетъ меня истребить, а тебя лишить жизни; и конечно бы сіе сдѣлалось, естьли бы ты не раздробилъ сего камня, отъ чего я получила свободу. Онъ бы далъ тебѣ способъ войти въ сей городъ, въ которомъ бы ты превращенъ былъ въ

камень, и тутъ скончалъ бы свою жизнь. Возвратись теперь въ свое владѣнїе, въ которомъ ожидай меня, и не дерзай прежде вступить въ сей городъ, которой безъ меня будетъ тебѣ гробомъ; а я также вступлю въ мою область, приму на себя прежнїй мой видъ и соберу моихъ подданныхъ. По сихъ словахъ она исчезла.

Силославъ размышлялъ долгое время, что надобно ему дѣлать; потомъ вознамѣрился возвратиться въ отечество по повелѣнїю волшебницы; опять желалъ быть въ семъ городѣ, надѣялся получить въ немъ какое-нибудь извѣстїе о княжнѣ. Любовь наконецъ преодолѣла его разсужденїе: ибо презиралъ онъ всѣ опасности и слѣдовалъ своей страсти; и такъ вознамѣрился не отъѣзжая отъ сего мѣста увѣдомиться о своей судьбинѣ. Чего ради отъѣхали они на нѣсколько разстоянїя отъ города, чтобъ разогнавъ своихъ коней перескочить черезъ стѣны. Когда они хотѣли черезъ нихъ, то вдругъ сгущенный облакъ удержалъ ихъ стремленїе и сдѣлался подножїемъ ихъ коней, будучи поддерживаемъ Сильфами.

Превраша явившись имъ опять на облакѣ (такъ называлась волшебница), имѣя уже прекрасной видъ и будучи облечена въ бѣлую одежду, говорила Силославу такъ: Дерзновенный! предпріятіе твое пагубно, и естьлибъ не былъ ты мною произведенъ, чтобъ конечно за презрѣніе моего совѣта оставила я тебя на жертву твоему стремленію. Какимъ образомъ безъ моей помощи думаешь ты сыскать Прелѣпу? Прекрасная и могущая волшебница, отвѣтствовалъ ей Силославъ, я потерять мою жизнь для освобожденія Прелѣпы почитаю я ни за что; я для нее родился жить на свѣтѣ: а когда не найду ее, то ни одной минуты больше жить не буду. Я вижу твою горячность, перервала Превраша, и для того оживотворю на нѣсколько времени ея отца, чтобъ онъ тебя обо всемъ увѣдомилъ. По семъ облакъ принесъ ихъ къ крыльцу чертоговъ царскихъ, въ которые они немедля и взошли.

Какъ скоро вступили они въ первой покой, то два крылатые змѣя съ великимъ стремленіемъ бросились на нихъ и вдругъ пали на землю нечувствитель-

ными онъ почувствованія силы волшебницыной ; пошомъ переходя множество покоевъ , которые были украшены всѣ золотомъ по обыкновенію тѣхъ временъ, пришли они въ пространной черногъ , въ коемъ подлѣ окна на стулѣ сидѣлъ Станидаръ , а предъ нимъ множество стояло придворныхъ, которые казались всѣ въ разныхъ движеніяхъ, однакожъ были всѣ не подвижны. Волшебница коснулась искукану , которой представлялъ государя, оный вздрогнулъ; когдажъ прикоснулась она еще, тогда началъ онъ имѣть движеніе и получилъ чувство. Взглянувъ на нихъ очень быстро , спрашивалъ : кто вы ? Я волшебница , отвѣчала Превраша ; я тебя моею силою воскресила на нѣсколько времени , а сей, указывала на Силослава, назначенной женихъ твоей дочери, ежели онъ будетъ счастливъ и можетъ получить ее. Услышавъ имя дочери Станидаръ началъ рыдать неутѣшно; однако стараніемъ Превраши и юнаго князя нѣсколько утѣшенъ ставъ, спрашиванъ былъ Силославомъ, не имѣетъ ли онъ какого извѣстія о своей дочери. Станидаръ для удовольствованія своей горести и его любопытства от-

вѣчалъ ему такъ: Превращеніе моихъ людей, меня, и всего моего владѣнія, думаю, тебѣ не безъизвѣстно. Знаю, государь, о всемъ твоемъ несчастіи, перервалъ побуждаемый жалостію Силославъ; Увы! я вѣдаю и то, что прекрасная дочь твоя - - - О дочери моей, перервалъ Спанидаръ, я не имѣю никакого извѣстія, и гдѣ она обитаетъ, совсѣмъ не вѣдаю. И только свирѣпый духъ похитилъ ее отъ меня, оставилъ мнѣ ея изображеніе изсѣченное изъ камня, которое представляетъ ее точно живою. Къ тому я на каждый годъ въ опредѣленное время получаю чувство, и приходя къ истукану моей дочери, оплакиваю ея и мое состояніе. По изнесеніи сихъ словъ пошелъ онъ въ тотъ покой, гдѣ находилась мнимая его дочь, прося прочихъ за собою слѣдовать. У дверей оной храмины поставлена была отъ духа стража; это были два одушевленные истукана съ пламенными оружіями. Когда Спанидаръ вошелъ въ черногъ, тогда истуканы заградили оружіемъ своимъ прочимъ путь: но волшебница принудивъ ихъ лишиться чувствій и сдѣлаться неподвижными, вошла и сама съ послѣдующими въ запрещенную храмину.

Сїе мѣсто было такое, куда дневной свѣтъ не входилъ; оно освѣщено было четырьмя столбами, которые находились по одному въ каждомъ углу наподобїе раскаленной мѣди. Посерединѣ покоя стояла кровать съ опущенными завѣсами; на ней сидѣла дѣвица прекраснаго вида. Силославъ какъ скоро взглянулъ на нее, то тотчасъ узналъ что было сїе точное изображенїе его любовницы. Бросился къ ней и цѣловалъ ее, какъ будтобы точную Прелѣпу. Противъ кровати стоялъ столъ, на которомъ была покрытая чаша изъ чернаго мармора, которая тряслась безъ всякаго прикосновенїя. Крѣпостанъ любопытствуя, что въ ней, хотѣлъ ее разкрыть; и какъ только поднялъ онъ крышку, то мгновенно блеснула молнїя, ударилъ сильно громъ, всколебалася земля и потряслись чертоги. Станидаръ и Крѣпостанъ окаменѣли, волшебница сокрылась. Силославъ лишился чувствъ и упалъ полумертвымъ подлѣ кровати. Не малое время лежалъ онъ безъ памяти; наконецъ получивъ прежнїя чувства, смотрѣлъ на государя и на своего друга, звалъ ихъ, но

они ему не отвѣчали, осязалъ онъ, но они того уже не чувствовали. Тогда въ первой еще разъ Силославъ почувствовалъ страхъ, и лишенїе живота представлялось ему наиужаснѣйшимъ; онъ ни о чемъ уже больше тогда не помышлялъ, какъ о избавленїи себя отъ смерти. Изображенїе его любовницы не столь уже было для него мило, сколь пріятна была ему жизнь своя. У дверей сего покоя стража получила прежнюю свою живость; и такъ не было надежды выйти ему изъ онаго. Онъ разсматривалъ въ немъ очень долго, не сыщетъ ли гдѣ другаго выхода, однако нигдѣ не находилъ. Чаша же стоя на столѣ трепетала; онъ вознамѣрился открыть ее, ибо онъ не видалъ, любязя свою любовницу, отъ чего произошло ужасное оное приключенїе.

Приближившись къ ней, снялъ онъ крышку, тогда съ превеликимъ ревомъ вылетѣлъ изъ нее крылатой и огненной змѣй, и летавши долго по покою, попалилъ все встрѣчающееся съ нимъ, потомъ ударился объ стѣну и сдѣлался человѣкомъ великолѣпнаго вида. Ты мой избавитель! говорилъ онъ пришед-

Сïе мѣсто было такое, куда дневной свѣтъ не входилъ; оно освѣщено было четырьмя столбами, которые находились по одному въ каждомъ углу наподобïе раскаленной мѣди. Посереднив покоя стояла кровать съ опущенными завѣсами; на ней сидѣла дѣвица прекраснаго вида. Силославъ какъ скоро взглянулъ на нее, то тотчасъ узналъ что было сïе точное изображенïе его любовницы. Бросился къ ней и цѣловалъ ее, какъ будтобы точную Прелѣпу. Противъ кровати стоялъ столъ, на которомъ была покрытая чаша изъ чернаго мрамора, которая держалась безъ всякаго прикосновенïя. Крѣпостанъ любопытствуя, что въ ней, хотѣлъ ее разкрыть; и какъ только поднялъ онъ крышку, то мгновенно блеснула молнïя, ударилъ сильно громъ, всколебалася земля и потряслись чертоги. Спанидаръ и Крѣпостанъ окаменѣли, волшебница сокрылась. Силославъ лишился чувствъ и упалъ полумертвымъ подлѣ кровати. Не малое время лежалъ онъ безъ памяти; наконецъ получивъ прежнïя чувствия, смотрѣлъ на государя и на своего друга, зналъ ихъ, но

они ему не отвѣчали, осязалъ онъ, но они того уже не чувствовали. Тогда въ первой еще разъ Силославъ почувствовалъ страхъ, и лишенїе живота представлялось ему нанужаснѣйшимъ; онъ ни о чемъ уже больше тогда не помышлялъ, какъ о избавленїи себя отъ смерти. Изображенїе его любовницы не столь уже было для него мило, сколь пріятна была ему жизнь своя. У дверей сего покоя стража получила прежнюю свою живость; и такъ не было надежды выйти ему изъ онаго. Онъ разсматривалъ въ немъ очень долго, не сыщетъ ли гдѣ другаго выхода, однако нигдѣ не находилъ. Чаша же стоя на столѣ трепетала; онъ вознамѣрился открыть ее, ибо онъ не видалъ, любызая свою любовницу, отъ чего произошло ужасное оное приключенїе.

Приближившись къ ней, снялъ онъ крышку, тогда съ превеликимъ ревомъ вылетѣлъ изъ нее крылатой и огненной змѣй, и летавши долго по покою, попалилъ все встрѣчающееся съ нимъ, потомъ ударился объ стѣну и сдѣлался человѣкомъ великолѣпнаго вида. Ты мой избавитель! говорилъ онъ пришед-

ши къ Силославу; клянусь тебѣ всѣмъ нашимъ собранiемъ и княземъ всѣхъ духовъ, что въ воздаянiе за твою ко мнѣ услуту проси отъ меня чего хочешь; я все для тебя исполню. Силославъ вышедъ изъ удивленiя, въ которомъ онъ по освобожденiи духа находился, отвѣчалъ ему слѣдующее: я вижу, что ты полномочной духъ и тебѣ все возможно. Ты заклялся мнѣ своимъ собранiемъ и княземъ, что когда я стану тебя о чемъ просить, ты мнѣ ни въ чемъ не откажешь; я предложенiе твое съ охотою прiемлю: послушай же. Дочь сего государя находится во власти одного товарища... Онъ мнѣ не товарищъ, перехватилъ духъ поспѣшно, но полномочной нашъ повелитель, и князь духовъ. Ты желаешь ея освобожденiя, только это невозможно. Я покусился было и самъ овладѣть ею, но за то посаженъ былъ на вѣчное заключенiе въ сiю чашу, изъ коей ты меня освободилъ. Сей видимой тобою образъ сдѣланъ для того единственно, чтобъ я, имѣя его въ моихъ глазахъ, больше мучился; ибо взоръ мой проницаетъ и сквозь мраморъ; и

такъ я всегда смотря на него мучилося несказанно; но ты освободилъ меня отъ сего мученія; я тебѣ вѣчно буду другъ и помощникъ, только прозьбы твоей исполнить не въ силахъ. Въ этомъ мѣстѣ долго мнѣ быть не можно, и такъ выбирай поскорѣе другую отъ меня услугу. Силославъ отчаявшись въ своей надеждѣ, не могъ ничего избрать, кромѣ освобожденія изъ сего мѣста. Духъ приказалъ ему взять себя за одежду и тотчасъ вынесъ его на поле, потомъ увѣряя его вторично о своей помощи и дружбѣ, исчезъ.

Силославъ разставшись съ Крѣпостаномъ и потерявъ своего коня, весьма сѣтовалъ. Незнакомыя мѣста и неизвѣстной путь смущали его мысли; однакожъ уповая на свою храбрость, не оставилъ своего предпріятія, и положилъ итти, но не въ свое отечество, а удаляяся отъ онаго, слѣдовалъ по неизвѣстнымъ сторонамъ. Странствуя очень долго, нашелъ онъ многочисленное воинство порубленное мечемъ. Обширное и пространное поле все покрыто было мужескими тѣлами. Такое зрѣлище смущило его духъ и вселило въ него лю-

бопытство. Онѣ очень долго разсматривалъ трупы, которые находились въ разныхъ положенїяхъ; наконецъ по серединѣ сего умерщвленнаго ополченїя увидѣлъ онъ голову, подлѣ которой находилось цѣло, котораго платье и вооруженїе показывали его военачальникомъ. Голова сїя открывала и закрывала глаза свои истомленно; изъ чего заключивъ, что она жива, спрашивалъ ее, кого она представляла въ свой вѣкъ? Я и цѣло лежащее подлѣ меня, ощвѣществовала голова, называлися вообще Роксоланомъ, и составляли несчастливаго владѣльца надъ несчастными подданными. Государство мое опустоишъ онъ сего мѣста не болѣе какъ не шестьдесятъ верстъ; въ немъ нѣтъ уже теперь никого изъ мужескаго пола, а населяютъ его свирѣпые звѣри, которые въ нѣжномъ цѣлѣ имѣютъ варварскїя души, изверги изъ числа человѣковъ, развращной родъ а именно жены; онъ ихъ злобы и ненависти покрываютъ цѣла моихъ подданныхъ сїе поле, и я самъ нахожусь полумертвымъ. Силославъ услышавъ сїе, пришелъ въ неописанное удивленїе и ужасъ, и не могъ премищуть,

чтобъ не извѣститься о его судьбинѣ, чего ради просилъ Роксолана разсказать его похожденіе. Роксолань, или его голова согласилась на сіе охотно, и начала повѣствовать такимъ образомъ: - - -

Однако въ самое это время всѣмъ намъ захотѣлось спать, и такъ отложили мы Роксоланову исторію до другаго вечера.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЪ 3.

Приключенія Роксолановы.

До десятаго года владѣнія моего, говорила голова Роксоланова, государство мое находилось во всякомъ благополучіи и тишинѣ. Я часто ополчался противу непріятеля; искусствомъ, силою моею, и храбростію моихъ подданныхъ всегда одерживалъ надъ ними побѣды, отъ чего распространилъ границы моего владѣнія и наполнилъ землю мою богатствомъ и всякими сокро-

вищами. Благоденствіе и жизнь моя и моихъ подданныхъ кончились такимъ образомъ:

Въ мирное время моего княженія въ прекрасной лѣтній день вышелъ я нѣкогда съ супругою моею и съ нѣсколькими придворными сидѣть на крыльцѣ (*) моего двора; тогда подошли ко мнѣ десять человѣкъ иностранцовъ, одѣянные въ бѣлыя одежды, украшенные цвѣтами. Девять изъ оныхъ имѣли на себѣ платье изъ тонкаго и чистаго полотна, а десятой, котораго видъ былъ прелестенъ и величественъ, имѣлъ одѣяніе флеровое сшитое и украшенное наиблѣжнѣйшимъ образомъ. Сіи странники объявили мнѣ о себѣ, что они купцы и странствуютъ по всему свѣту; причемъ просили моего себѣ покровительства и дозволенія пробыть нѣсколько въ моемъ государствѣ. Я же неопасаяся ничего и не предвидя своей погибели, принялъ ихъ весьма благосклонно, и къ пущему моему несчастію

(*) У древнихъ княжескихъ дворцовъ дѣлались особливо большія крыльца, которыя обыкновенно называлися красными, какъ намъ то и Московской Кремлевской дворецъ доказываетъ.

велѣлъ имъ успокоишся въ моемъ дворцѣ. Жена моя потомъ просила меня, чтобы я сдѣлалъ имъ благосклонность и посадилъ съ собою за столъ. Любя ее весьма много, не хотѣлъ я отказать въ ея просьбѣ. И когда настало время ужины, приказалъ я пригласить ихъ къ моему столу. Влегонъ представилъ мнѣ только одинъ, (такъ назывался одѣтый въ флеровое платье), и объявилъ, что другіе его рабы, а не товарищи, и не могутъ имѣть чести за однимъ столомъ сидѣть съ нами; и такъ ужиналъ онъ у насъ одинъ. Во время стола Влегонъ говорилъ столь краснорѣчиво и разумно, что я плѣнился его достоинствами; онъ былъ такъ прекрасенъ, что я описать не могу пріятности лица его. Горячность и любовь ко мнѣ княгини, супруги моей, ни мало не позволяла мнѣ сомнѣваться въ ея вѣрности; и такъ я всегда выхвалялъ предъ нею Влегона; о разумѣ и о красотѣ его говорилъ съ великимъ восторгомъ, не имѣя никакого подозрѣнія, не смѣлъ обидѣть ее и мыслію, и думалъ, что любовь ея ко мнѣ никакимъ прекраснымъ предметомъ разрушишься не можетъ.

Наконецъ увидѣлъ, что я надѣялся очень много: сердце ея не столько было твердо, какъ я объ немъ думалъ. Влетонъ съ перваго взгляду столько ей понравился, что она почувствовала къ нему неизъясненную горячность. Неприятворное ея со мною обхожденіе претворилось въ ласкательство и лести; я началъ получать отъ нея необыкновенныя привѣтствія, отъ которыхъ страстное мое сердце распалилось еще пущею къ ней любовію; прельщенные глаза мои не могли разобрать ея притворства; наконецъ сія же страсть моя начала производить во мнѣ подозрѣніе: ибо вся бесѣда, все обхожденіе жены моей сосноялн только съ Влетономъ. Всякая минута соединяла ихъ передъ моими глазами; но я видя сіе думалъ, что еще начинается между ими любовь. Сколькожъ тогда горестное мое сердце почувствовало муки, когда увидѣлъ я, что жена моя имъ до крайности прельстилась. Тогда пришедъ въ бѣшенство и ярость, опредѣлилъ всѣхъ сихъ иностранцовъ казнить; но разсудя, что сіе для меня будетъ безславно и порочно, выслалъ ихъ всѣхъ изъ моего вла-

дѣнія, чтобъ тѣмъ удержать стремленіе моего несчастія; но сколькожъ я тогда удивился, что отлученіе Влегона не произвело въ женѣ моей никакого смущенія. Она казалась всегда быть довольною и ни малѣйшаго знака не показывалось въ ней, чтобы она печалилась объ отсутствіи его. Въ такомъ случаѣ все подозрѣніе мое исчезло, и любовь усилилась еще больше въ моемъ сердцѣ. Я укорялъ самъ себя, что имѣлъ подозрѣніе на невинную мою супругу, и такъ остался спокоенъ до того времени, которое открыло мнѣ мутные и ослѣпленные любовію мои глаза.

Въ жаркіе дни купывалася жена моя часто въ источникѣ, находящемся въ моемъ саду. Съ позволенія моего пошла она нѣкогда къ оному. Я вознамѣрился пришедъ къ ней сдѣлать какую нибудь любовную шутку, думалъ я, что оное ей будетъ пріятно. Но какъ же я въ мнѣніи моемъ ошибся! Подходя очень осторожно къ тому мѣсту, увидѣлъ я нагаго Влегона сидящаго подлѣ источника и держащаго жену мою у себя на колѣняхъ также обнаженную; они цѣловались и

дѣлали все то, чтобы она должен-
ствовала дѣлить со мною. Немилосер-
дое небо! вскричалъ я тогда, на что
ты произвело владѣть меня народами,
когда позволяешь отнимать у меня честь
мою и славу? Я не могу изобразить, что
мною тогда овладѣло; я думалъ, что
это сонное мнѣ привидѣніе, или мечта
произшедшая отъ возмущенныхъ моихъ
мыслей. На что я ни глядѣлъ, куда
ни обращался, всѣ мѣста представля-
лись мнѣ наполнены мерзостію и без-
законіемъ жены моей; она торжествова-
вала въ объятіяхъ прелюбодѣя, а мое
сердце обливалося кровію, и я не толь-
ко что не могъ отмщевать моему зло-
дѣю, но едва достигъ до моихъ черто-
говъ. Прибѣжавъ безъ памяти въ мою
спальню, упалъ въ постелю и жертво-
валъ моему несчастію горькими слезами.

Потомъ мало помалу выходя изъ
моего уныніа пришелъ я въ огорченіе и
бѣшенство. Овладѣвшая мною ярость по-
буждала меня бѣжать въ садъ и собст-
венною рукою погубить моихъ измѣн-
никовъ, и утопить въ ихъ крови мою
обиду и ихъ невѣрность. Но стыдъ раз-

славить себя измѣненнымъ женою не только владѣтеля, но и подданнаго бы чувствительно тронулъ. Я опредѣлилъ скрывать мое безчестіе, но положилъ непремѣнно покарать моихъ злодѣевъ. Влегона приказалъ я умертвить тайно, а невѣрную мою жену бросить въ темницу до тѣхъ поръ, пока справедливой мой гнѣвъ изберетъ ей достойное наказаніе; но притомъ повелѣлъ, чтобъ совершители моего мщенія содержали все оное тайно.

На другой день начальникъ темничной объявилъ мнѣ, что Влегонъ пропалъ и нигдѣ сыскать его не могли, а у жены моей по всю ночь въ темницѣ играла музыка и было великое пиршество. Услышавъ сіе, не зналъ я что подумать, и какъ расположить мое несчастіе; наконецъ по многимъ для извѣдыванія своего размышленіямъ опредѣлилъ я будущую ночь самому быть у дверей темничныхъ. Сей день былъ приношеніе великой жертвы Чернобогу (*); не медля

(*) Чернобогъ или Черноѣгъ: Славяне признавали его богомъ злымъ, приносили ему кровавую жертву и дѣлали ужасныя заклинанія, чтобы отвратить его гнѣвъ.

велѣлъ я изготовить все къ моему выходу и поѣхалъ въ храмъ. Какъ скоро я въ оной вошелъ, жена моя сияла въ своемъ мѣстѣ и въ великолѣпной одеждѣ. Какому бы человѣку привидѣніе сіе не показалось страшнымъ? и кто бы могъ не возмутясь мыслію смотрѣть на сіе спокойно? Въ превеличайшемъ смущеніи подошелъ я къ ней и сталъ съ нею вмѣстѣ для того, что должность моя того требовала; и сверьхъ всего, чтобъ не подать народу дурнаго мнѣнія. По окончаніи торжества возвратился я съ нею въ домъ и принужденъ былъ сидѣть за однимъ столомъ, чтобъ скрыть оно всѣхъ мое безчестіе; внутренно досадовалъ я, а она веселилась, и казалась какъ будто бы ни мало не думала о своемъ преступленіи. По окончаніи пира ходилъ я самъ ко дверямъ темничнымъ, чтобъ увѣдомиться, какимъ образомъ жена моя получила свободу безъ моего приказанія; но двери нашелъ я заперты и неповрежденную печать; воины же объявили мнѣ, что она въ двери не выходила. Тогда овладѣлъ мною страхъ, и я началъ проникать въ этомъ приключеніи нѣчто

чрезвестественное, въ чемъ и не обманулся. По прошествіи того дня опредѣлилъ я отмстить моей злодѣйкѣ. Когда уже настала ночь и все успокоилось, тогда я взявъ мою саблю пошелъ къ ней въ спальню. Подошедъ пошихоньку къ ея постелѣ открылъ завѣсу. Но что я увидѣлъ? О боги! жена моя лежала въ объятіяхъ Влегоновыхъ. Запальчивость мною овладѣла, и я въ превеликой ярости занесъ мою руку, чтобъ ихъ обоихъ лишить саблею жизни. Но какъ только я замахнулся, рука моя окосиѣнѣла и весь сдѣлался я неподвиженъ; языкъ мой онѣмѣлъ и всѣ окаменѣли члены. Они проснулись; жена моя взглянувъ на меня презрительно сказала съ насмѣшливымъ видомъ Влегону: давно ли этотъ истуканъ поставленъ у кровати? Послѣ чего вся ночь прошла въ язвительныхъ мнѣ насмѣшкахъ, и при мнѣ происходили любовныя дѣйствія. Разумъ мой досадовалъ, но члены мои не имѣли движенія: тогда мысленно просилъ я боговъ или отвратить сіе несчастіе, или лишить меня жизни. Прозьба моя была напрасна и гласъ мой безсмертными не услышанъ. По утру они разсма-

лись, а я остался съ моею нечувствительностію на томъ же мѣстѣ.

Спустя нѣсколько времени послѣ полудня услышалъ я плачевные голосы и отчаянныя рыданія во всемъ моемъ государствѣ. Влегонъ, пріявъ на себя мой, видъ ѣздилъ въ Сенатъ и подписалъ смерть всѣмъ знатнымъ окружающимъ княжескую особу боярамъ, и въ сіе-то время производилась имъ казнь. Воинству моему приказано было выступить изъ города на сіе мѣсто, гдѣ невидимая сила поразила всѣхъ ихъ остріемъ меча, и словомъ, въ одну недѣлю во всемъ городѣ не стало ни одного мужчины. Послѣ чего я приведенъ былъ на сіе мѣсто, и тутъ снята голова моя во всѣмъ ея понятіемъ и живостію съ моего тѣла, которое ты видишь подлѣ меня; и тому уже пятой годъ, какъ я пребываю на семъ полумертвомъ одрѣ.

Когда я былъ веденъ на казнь, то шествіе мое было такимъ образомъ: Наперед шли десять человѣкъ, но это всѣ были духи въ бѣлыхъ одеждахъ и въ такихъ точно, какъ представились

мнѣ иностранцы, и всѣ, сколько я ихъ ни видѣлъ, были въ одинаковомъ платьѣ. Сіи десять играли на трубахъ; за ними слѣдовали шестеро имѣвшіе на долгихъ древкахъ по скелету; а за сими выступали двое несущіе на древкахъ земной шаръ, онъ половины коего и до другой сдѣланъ былъ кругъ изъ звѣздъ проницательнаго и блестящаго камня на шарѣ; въ срединѣ звѣзднаго круга стоялъ кумиръ Перуновъ (*) изъ чистаго металла, которой образъ взятъ былъ изъ Перунова храма: за нимъ вели двухъ бѣлыхъ воловъ украшенныхъ цвѣтами. Потомъ по сторонамъ дороги слѣдовали два великіе коня имѣвшіе вмѣсто шеи грудь, руки и голову человѣческую (**);

(*) Перунъ, начальнѣйшій Славенскій богъ: онаго признавали производителемъ грома, молніи, дождя, облаковъ и всѣхъ небесныхъ дѣйствій; станъ его вырѣзанъ былъ искусно изъ дерева, голову имѣлъ серебреную, уши золотыя, ноги желѣзныя, въ рукахъ держалъ камень украшенной рубинами и карбункулемъ на подобіе пылающаго Перуна. Огонь горѣлъ передъ нимъ непрестанно.

(**) Сіи животныя у Славянъ назывались полканами, что у Грековъ кентавры.

у каждаго на спинѣ лежалъ конецъ не весьма возвышенной радуги, на которой любезная моя супруга и Влегонъ въ блестящихъ вѣнцахъ и въ златой одеждѣ сидѣли: за ними шествовалъ я поддерживаемъ двумя духами, а передо мною и позади несли по два зажженные пламенника; потомъ всѣ жены шли по двѣ рядомъ, и у каждой по сторонѣ шелъ бѣлооодѣянной духъ. Тогда позналъ я, что не одна жена моя измѣнница, но что все мое государство сообщалося съ духами; и для сего-то истребили они всѣхъ мужчинъ, изъ коихъ я былъ послѣдній. По принесеніи жертвы Перуну, во время которой положа проклятіе на всѣхъ насъ сдѣлали заклинаніе, чтобъ не терпѣть въ плѣненномъ моемъ городѣ ни одного мужчины. Послѣ сего отняли мою голову и съ великимъ презрѣніемъ бросили на семъ мѣстѣ.

Силославъ выслушавъ сіе, сожалѣлъ о его судбинѣ, и потомъ спрашивалъ у него, какъ онъ можетъ войти въ его владѣніе; но Роксолавъ заклиналъ его, и говорилъ, чтобы онъ не отважился самопроизвольно итти на свою поги-

мнѣ иностранцы, и всѣ, сколько я ихъ ни видѣлъ, были въ одинаковомъ платьѣ. Сіи десять играли на трубахъ; за ними слѣдовали шестеро имѣвшіе на долгихъ древкахъ по скелету; а за сими выступали двое несущіе на древкахъ земной шаръ, отъ половины котораго и до другой сдѣланъ былъ кругъ изъ звѣздъ проницательнаго и блестящаго камня на шарѣ; въ срединѣ звѣзднаго круга стоялъ кумиръ Перуновъ (*) изъ чистаго металла, которой образъ взятъ былъ изъ Перунова храма: за нимъ вели двухъ бѣлыхъ воловъ украшенныхъ цвѣтами. Потомъ по сторонамъ дороги слѣдовали два великіе коня имѣвшіе вмѣсто шеи грудь, руки и голову человѣческую (**);

(*) Перунъ, начальнѣйшій Славенскій богъ: онаго признавали производителемъ грома, молніи, дождя, облаковъ и всѣхъ небесныхъ дѣйствій; станъ его вырѣзанъ былъ искусно изъ дерева, голову имѣлъ серебреную, уши золотыя, ноги желѣзныя, въ рукахъ держалъ камень украшенной рубинами и карбункулемъ на подобіе пылающаго Перуна. Огонь горѣлъ передъ нимъ непрестанно.

(**) Сіи животныя у Славянъ назывались полканами, что у Грековъ кентавры.

у каждаго на спинѣ лежалъ конецъ не весьма возвышенной радуги, на которой любезная моя супруга и Влегонъ въ блестящихъ вѣнцахъ и въ златой одеждѣ сидѣли: за ними шествовалъ я поддерживаемъ двумя духами, а передо мною и позади несли по два зажженные пламенника; потомъ всѣ жены шли по двѣ рядомъ, и у каждой по сторонѣ шелъ бѣлооодѣянной духъ. Тогда позналъ я, что не одна жена моя измѣнница, но что все мое государство сообщалося съ духами; и для сего-то истребили они всѣхъ мужчинъ, изъ коихъ я былъ послѣдній. По принесеніи жертвы Перуну, во время которой положа проклятіе на всѣхъ насъ сдѣлали заклинаніе, чтобъ не терпѣть въ плѣненномъ моемъ городѣ ни одного мужчины. Послѣ сего отняли мою голову и съ великимъ презрѣніемъ бросили на семъ мѣстѣ.

Силославъ выслушавъ сіе, сожалѣлъ о его судбинѣ, и потомъ спрашивалъ у него, какъ онъ можетъ войти въ его владѣніе; но Роксоланъ заклиналъ его, и говорилъ, чтобы онъ не отважился самопроизвольно итти на свою поги-

бель. Однакожъ Силославъ не премѣнилъ своего намѣренія, и проспавъ до возвращенія съ Роксоланомъ, предпріялъ путь въ обищаніе безплотныхъ любовниковъ объ плѣсными прелестницами. Во время полудня разсталася онъ съ нимъ, и на другой день въ самое то же время достигъ до его города. Онъ подходилъ къ нему съ той стороны, съ которой находилось въ мраморныхъ и пологихъ берегахъ не весьма малое озеро, по серединѣ коего удивительнымъ искуствомъ сдѣланъ былъ островъ. Оной не касался водѣ, хотя и казалось, что четыре плавающіе дельфина держали его на спинахъ своихъ. На берегу по четыремъ сторонамъ озера стояли неописанной величины четыре истукана, которые какъ будто бы подъ тяжкимъ бременемъ нагнулись, и имѣли черезъ спины на плечахъ желѣзныя цѣпи, и казалось, какъ бы они тащили что-нибудь изъ воды. На сихъ цѣпяхъ висѣлъ тотъ островъ: по серединѣ его находилось небольшое, однако великолѣпное зданіе изъ чистаго и блестящаго хрусталя; мѣлкая рѣзьба и частые сгибы дѣлали при солнцѣ видъ блестя-

дей планеты. Кругомъ онаго осажено было лавровыми деревьями и истуканами изъ шакогожъ, какъ и зданіе, состава. Силославъ очень долгое время на него смотрѣлъ, и искалъ способа подойти къ нему, только найти не могъ. Онъ обходилъ кругомъ сіе озеро; и когда обошелъ на ту сторону, которая была къ городу, увидѣлъ прекрасное и увеселительное мѣсто, на коемъ стояли порядкомъ миртовыя, лавровыя и кипарисныя деревья, которыя простирались до самыхъ городскихъ воротъ: они дѣлали изъ себя видъ такой прекрасной пустыни, гдѣ бы и сами боги почли за увеселеніе пребывать. Силославъ поспѣшалъ достигнуть въ середину онаго, гдѣ надѣялся найти что-нибудь больше еще достойнаго любопытства.

Но въ семъ мѣстѣ первой часъ по полуночи доложилъ намъ, что время опочивать; и такъ сомкнувъ многоглаголивыя мои уста переспалъ я разсказывать.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЪ 4.

Послѣдованїе Силославовыхъ похожденїй.

Когда Силославъ пришелъ на самую середину оной благоуханной рощи, увидѣлъ шесть седмь великолѣпныхъ зданїй, которыя сдѣланы были необыкновенною рукою, и походили больше на божескїе храмы и казались нешверзаемыми смертнымъ. По срединѣ оныхъ стоялъ на блестящемъ подножїи фарфоровой сапиръ, имѣющїй въ правой рукѣ открытую чашу, изъ которой билъ ртутной ключь. Разсыпающаяся отъ сапира ртуть по низходящимъ скалнамъ дѣлала неописанной блескъ и увеселенїе взору. Великолѣпныя тѣ зданїя стояли вокругъ онаго водомета, и каждое изъ нихъ имѣло у дверей по два крылатыхъ истукана, кои имѣли видъ блестящаго свѣтила, и казались движущимися. Противъ одного сего божескаго храма, которой казался выше и великолѣпнѣе прочихъ, стояло на такомъ

же подножїи крылатое время, которое въ правой рукѣ держало часы, а въ лѣвой закрытую чашу. Силославъ побуждаемъ будучи пытливымъ своимъ духомъ открылъ ее; но какъ скоро снялъ онъ съ нее крышку, у всѣхъ зданїй отворились двери и изо всѣхъ истукановъ начали бить ключи, которые превосходили высотою перваго; а изъ сей статуи, которая представляла время, превышало стремленїе ртути всѣ зданїя. Силославъ положилъ на подножїе крышку, хотѣлъ войти въ то зданїе, предъ которымъ онъ стоялъ, однако воспрепятствовали ему нѣкоторыя огражденїя, которыхъ онъ не видалъ, и которыя были чище самаго воздуха. И такъ вошелъ онъ напередъ въ самое крайнее, которое такое имѣло украшенїе: вокругъ подлѣ стѣнъ стояли сѣдалища для отдохновенїя, которыя были мягче самаго пуху; по серединѣ четыре купидона держали на головахъ аспидную доску, которая имѣла видъ стола; по стѣнамъ, начиная отъ полу, сидѣли одушевленные купидоны, имѣвшїе въ рукахъ сосуды иные плоскїе, а другїе глубокїе; на плоскихъ сосудахъ лежалъ

виноградъ и всякіе превосходные п
которые имѣли свои корни подъ о
зданіемъ; въ глубокихъ сосудахъ
дилось пресладкое питіе превосход
божеской нектаръ. Во второмъ зд
стѣны наполнены были такимже
видами, имѣвшими въ рукахъ музыка
ныя орудія; въ третьемъ купидоны им
ли на рукахъ каждой по портрету
мыхъ наилучшихъ въ свѣтѣ красавиц
въ четвертомъ купидоны же одѣтые
разныя героическія одежды, и казались
какъ будто бы хотѣли драться с
жестокосердыми мущинами за власть
нѣжнаго пола; въ пятомъ имѣли всѣ
смѣшные виды и одѣянія, и сколько
ни есть въ свѣтѣ пороковъ, держали
оныхъ изображенія въ рукахъ, выклю-
чая роскошь; въ шестомъ блеснула
великолѣпіе, богатство и всѣ земныя
сокровища. Тутъ видны были только
одни головы купидоновъ; тѣла ихъ по-
крыто было золотомъ; грудь и пре-
поясанія блистали отъ свѣтящихся ал-
мазовъ; въ рукахъ же имѣли щѣ сокро-
вища, которыхъ они на себѣ и подлѣ
себя умѣстить не могли, и казались
будто они служили имъ только для

одного насыщенія взора. Когда вошелъ Силославъ въ седьмое зданіе, то удивился онъ больше, нежели всѣмъ прочимъ: оно было имъ не подобно. Когда предвѣстница лучей багряная Аврора отверзетъ свой храмъ испещренный и усланный розами, то и тотъ сравнишься съ симъ не можетъ. Полъ его сдѣланъ былъ изъ розъ, нарцисовъ и лилей, которыя были усланы разводами, и дѣлали изъ себя пріятнѣйшую пестроту. Сей полъ былъ столько нѣженъ, что не могъ держать на себѣ Силослава; чего ради вышедъ онъ въ другую храмину смотрѣлъ изъ оныя въ сію и разсматривалъ всѣ ея украшенія. На стѣнахъ сего зданія, какъ будто бы въ рощахъ, стояли живыя деревца, на которыхъ воспѣвали прекрасныя птицы прелестнѣйшими голосами. Индѣ горы, индѣ рощи, въ которыхъ бѣгали малые и пріятные звѣрки; индѣ являлась пріятная долина наполненная разныхъ видовъ и разнаго благоуханія цвѣтами. Ключи и источники извивались по стѣнамъ чистымъ хрусталемъ, и пріятное оныхъ журчаніе наводило сладкой сонъ; и сіе мѣсто именовалося успокоеніемъ.

По серединѣ онаго находилась серебреная съ водою лахань, поддерживаемая золотыми львами, въ которой четыре Сирены на поверьхности держали большую раковину, на коей послана была чистая и бѣлая морская пѣна или облакъ сдѣланной изъ прозрачнаго божескими очами ефира; на ономъ нѣжнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ о[illegible]ѣ, покровенномъ тонкимъ покрыва[illegible]ъ, лежала нагая женщина неизъясненныя красоты; тѣло ея столько было нѣжно, что ежели бы тончайшій Зефиръ коснулся ему крыломъ своимъ, то думаю разрушилось бы сіе нѣжнѣйшее сотвореніе: она спала, а поддерживающіе ее Сирены тихимъ и пріятнымъ голосомъ воспѣвали божескія дѣла и тѣмъ наводили ей сладкой сонъ; въ головахъ стояли два купидона и держали раскрытую книгу. Хотя она и неблизко была къ Силославу, однако онъ могъ разсмотрѣть оной письмена. Оглавленіе книги было такое: „ пожелай и исполнится „.

Послѣ онаго первое слово стояло въ книгѣ громъ, второе тишина, и такъ далѣе. Силославъ по счастію сво-

ему пробѣжалъ первое только глазами, а второе произнесъ тихимъ голосомъ, тишина. Какъ скоро онъ сіе выговорилъ, то Сирены, птицы, источники, водометы, словомъ, все утихло. Спящая на облакѣ красавица спустя нѣсколько времени проснулась: ибо сдѣлавшаяся тишина перервала пріятное теченіе ея сна. Проснувшись окинула глазами повсюду, и тотчасъ усмотрѣвъ спящаго Силослава, спросила повелительнымъ голосомъ: Кто ты, и какъ ты дерзнулъ притти въ сіе запрещенное мѣсто? но разумной его отвѣтъ, прекрасное лице и прелестной голосъ тотчасъ перемѣнили ея гнѣвъ на учтивство. Послѣ чего выговорила она пріятной шумъ. Вдругъ сдѣлалось по прежнему; Сирены и птицы запѣли, водометы начали свое стремленіе, на стѣнахъ все опять оживотворилось, а передъ нее предстали пять купидоновъ, изъ коихъ трое пѣли, а двое играли на свирѣлкахъ. Войди сюда, сказала она Силославу пріятнымъ голосомъ, и успокойся отъ солнечнаго зноя. Силославъ немедленно исполнилъ ея повелѣніе, и шелъ по тому же полу не вредя его, которой прежде не могъ

его на себѣ держать. Сѣлъ съ позволенія ея на вершину оной горы, которая при подошвѣ стѣны находилась. Распросивъ всѣ его похожденія, и увѣдомясь дѣйствительно о немъ, ударила въ ладоши: вдругъ предстали двѣ дѣвушки съ великолѣпнымъ одѣяніемъ. Одѣвшися въ оное просила Силослава, чтобы онъ послѣдовалъ за нею: она хотѣла показать ему всѣ свои великолѣпія. Силославъ просилъ ее, чтобъ она дозволила побывать ему въ томъ зданіи, которое стояло на озерѣ; однако она отвѣчала ему, что этого ей сдѣлать не возможно. Мое владѣніе, говорила она, населено одними только женами, и ты можешь получить въ немъ всякое увеселеніе, какое только вообразить можешь. Я буду тебѣ сама покровительница, и буду защищать тебя отъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, которыхъ тебѣ опасаться надлежитъ. Ежели ты не устрашишься и положишься на мое обѣщаніе, я открою всѣ тебѣ приключенія, которыя происходятъ въ моемъ государствѣ. Неустрашимый Силославъ отвѣтствовалъ ей, что ничто его на свѣтѣ устрашить не можетъ; величественная его осанка и безстрашіе

глазъ его не позволяли ей больше сомнѣваться въ его ошибкѣ. Въ вечеру каждаго дня, говорила она, посѣщаютъ мой городъ духи, и принимая на себя видъ смертныхъ, веселятся с нами. Все сіе великолѣпіе и всѣ зданія поставлены ими для моего увеселенія; а то, въ которомъ ты желаешь быть, совсѣмъ не въ моей власти. Когда приходишь ко мнѣ мой любовникъ, тогда препровождаемъ мы время въ ономъ: оно совсѣмъ инымъ не подобно, а имѣетъ въ себѣ украшеніе въ пять разъ лучшее; и когда мы съ нимъ разстаемся, тогда запираетъ онъ его самъ, и нѣтъ мнѣ способу быть въ ономъ. А какъ ты не можешь имѣть съ духами сообщенія, то я въ то время буду сохранять тебя въ извѣстномъ мнѣ мѣстѣ, гдѣ никакого вреда приключиться тебѣ не можетъ. Силославъ положившись на ея обѣщаніе, послѣдовалъ за нею въ городъ. Когда они пришли туда, тогда наставало уже время ночи; слѣдовательно Силославъ не могъ ни о чемъ извѣститься, какъ только о той, съ которою онъ пришелъ: она была государыня сего мѣста и супруга Роксоланова и именова-

лась Прелестою. Когда уже надлежал скоро прибыть въ городъ духамъ, тогда нѣсколько придворныхъ женщинъ по повелѣнію Прелесты препроводили его въ великолѣпной и огромной домъ, которой находился въ саду и былъ пустъ. Въ семъ домѣ Силославъ препроводилъ всю ночь, и не зналъ, что произходило въ городѣ.

Онъ опочивалъ въ превеликой залѣ на мягкомъ и покойномъ ложѣ. Въ срединѣ ночи нѣкоторой стукъ прекратилъ его сонъ: онъ произходилъ въ другихъ покояхъ и отзывался такъ, какъ надобно урываясь итти человѣку. Силославъ думалъ, что кто-нибудь имѣетъ до него дѣло, чего ради всталъ и дожидался сидя. Когда подвинулся стукъ къ залѣ, при момощи слабаго сїянїя отъ одной лампады увидѣлъ Силославъ, что вошелъ къ нему ужасной величины остовъ; и такъ вмѣсто того, чтобъ испужаться, легъ онъ опять на свою постелю, по тому что съ одними костями не надѣялся имѣть ни дѣла, ни разговора, лишь только сожалѣлъ, что остовъ его разбудилъ. Сїе костяное пугалище подошедъ къ нему положило на

грудь къ нему руку и начало его такъ давить, что погнуло на Силославѣ латы. Силославъ столько на сїе подосадовалъ, что вставъ ухватилъ его поперегъ и бросилъ въ двери, изъ которыхъ летя, растворилъ онъ еще трое, кои находились прямо другъ за другомъ. Потомъ въ скоромъ времени увидѣлъ онъ освѣщенными дальнїе покои, изъ коихъ шли къ нему напередъ двое въ долгихъ черныхъ епанчахъ съ распущенными на головахъ большими шляпами, съ которыхъ до полу висѣлъ бѣлый флеръ; въ рукахъ имѣли свѣтильники и казались погруженными въ глубокую печаль; за ними слѣдовали шесть въ такомъ же одѣянїи имѣвшїе въ рукахъ книги; за сими четыре въ невольничьихъ платьяхъ; головы ихъ были обриты и посыпаны пепломъ, слезы катилися по лицамъ ихъ, и стенанїя ихъ раздавалися по всему дому. Потомъ престарѣлой мужъ и такихъ же лѣтъ жена били себя идучи въ груди, рвали на себѣ волосы, кусали свои персты и вопили отчаяннымъ голосомъ; за ними двое вели обнаженную женщину; она была вся избита

и кровь текла по слѣдамъ ея; за нею слѣдовали двое, которыхъ видъ казался яростїю и мщенїемъ: въ рукахъ имѣли они кровавые и утыканные иглами бичи, которыми били немилосердо прекрасную шу женщину. За оными слѣдовалъ человѣкъ одѣтый въ великолѣпную одежду; за нимъ нѣсколько обнаженныхъ женъ, которыхъ также терзали бичами, какъ и первую, которая увидя Силослава, вскричала въ отчаянїи: Силославъ! отъ тебя зависитъ мое спасенїе и за тебя я принимаю сїе мученїе. Силославъ весьма удивился, когда узналъ, что это была Прелеста. Въ великомъ будучи изумленїи, бросился къ ней и спрашивалъ, чтобъ было тому причиною. Но она будучи изъязвлена, не могла ему отвѣтствовать. Онъ подошедъ къ тому человѣку, котораго надѣялся быть повелителемъ. Это былъ Влегонъ, но и тотъ ему также неотвѣчалъ, и только приказывалъ мучить Прелесту. Силославъ не могъ сносить сего варварства и озлясь на Влегона, ударилъ его столь сильно, что онъ собою сдѣлавъ на полу проломъ, въ ономъ исчезъ,

а вмѣсто его явилося мраморное подножіе, на которомъ стояли слѣдующія слова: „да будетъ мщеніе мое надъ тобою отнынѣ и до вѣка.„ Послѣ чего пропали и прочіе духи и остался только тотъ престарѣлой мужъ съ своею женою. Сіи были родители Прелесты, а четверо въ невольническомъ платьѣ родные ея братья. Все сіе приуготовленіе и торжественный ходъ сдѣланы были для того, чтобъ устрашить Силослава. Бѣдные сродники прежде всего старалися о жизни Прелесты, и всѣ соединенными силами помогали избавиться ей отъ болѣзни. Когда нѣсколько начала она себя чувствовать и собирать свои силы, тогда родитель ея благодарилъ Силослава за избавленіе ихъ отъ смерти: ибо назначена была всѣмъ имъ казнь отъ Влегона, и они долженствовали прекратить свою жизнь въ сію ночь. Влегонъ увѣдомившись, продолжалъ онъ, что дочь моя презрила свое совѣщаніе и приняла къ себѣ иностранца, къ которому вмѣсто смертной казни за его дерзость, почувствовала любовь и успокоила его въ сво-

емъ домѣ, опредѣлилъ лишить ее жизни; а чтобъ больше удовольствовать свою ярость, принесли и насъ изъ моего владѣнія, и ты видишь во мнѣ обладателя Ахрона. Силославъ весьма сожалѣлъ о несчастіи ихъ, и радовался, что избавилъ ихъ отъ смерти; потомъ возвратились они въ чертоги Прелестины, и препроводили всю ту ночь во вспомоществованіи ей и въ утѣшеніи другъ друга.

По утру вознамѣрились принести великую жертву Чернобогу, яко богу злыхъ духовъ, чтобы отвратить ихъ гнѣвъ; чего ради по разсвѣтаніи дня предстали они въ храмъ, а за ними и весь городъ. Сей храмъ стоялъ на пригоркѣ, сооруженъ изъ чернаго мармора и отъ вершины до полу простирались серебреныя полосы на подобіе бѣлой тесьмы. Сіи тесьмы сошлися на верху вмѣстѣ и были завязаны узломъ, за которой держался крылатой истуканъ, и казалось, что будто бы готовился подъять его и носить по всей вселенной. Вокругъ храма насаждена была еловая и кипарисная роща, которая имѣла видъ непроходимой и ужасной пустыни; чер

ные испуканы, жертвенники, посыпанные пепломъ, стенанїе плѣнниковъ, которыхъ приносили въ жертву, представляли ее адомъ. Въ преддверїи храма, когда вошелъ въ оное Силославъ съ Прелестою и прочими, увидѣлъ стоящихъ четырехъ юношей въ бѣлыхъ одеждахъ; они изготовлены были на жертву; внутри на стѣнахъ храма изображенъ былъ пылающїй адъ, въ которомъ разными муками и разнымъ видомъ мучимы были злые мертвые діяволами. Испуканъ Чернобогъ стоялъ по срединѣ храма между четырехъ покрытыхъ столповъ на престолѣ сдѣланномъ изъ металла; подъ правою ногою лежала у него на боку корона, подлѣ ея мертвая человѣческая голова и волшебныя таблицы; по лѣвую военныя оружїя и пламенные адскїе бичи; передъ престоломъ лежали двѣ фурїи и смотрѣли на Чернобога, показываясь внимающими его повелѣнїя и вставающими для исполненїя его приказовъ, чтобъ мучить беззаконниковъ. Сей кумиръ сдѣланъ былъ изъ красной мѣди, которая имѣла больше черноты, и тѣмъ показывала свирѣпость его гнѣва; внутренность его была пуста, и изъ-подъ

Престола часто вылетающій пламень наполнялъ собою кумиръ, которой поминутно являлся воспламененнымъ и потусклымъ; ужасъ лешалъ по всему храму, и входящіе во оной препешали отъ страха, и черезъ то завсегда пеклися ошвращашься злыхъ дѣлъ.

По учрежденіи въ храмѣ торжества ввели объявленныхъ четырехъ юношей для закланія. Сей народъ имѣлъ обыкновеніе похищашь дѣшей изъ чужихъ владѣній и приносишь ихъ въ жершву. Закалали изъ нихъ по одному передъ престоломъ, и кровію ихъ кропили храмъ, а изъ народа каждой обмокая во оную персшъ свой, смазали ею свое шѣмя; пошомъ положили ихъ на костеръ и зажгли оной. По восхожденію дыма узнавали божескія судьбы. Въ сей день предзнаменованіе показалось имъ изрядным, чего ради хвалили Бога на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ и голосахъ.

Но въ семъ мѣспѣ я усмопрѣлъ, что всѣ начали дремашь, шакъ и мы легли спашь.

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЪ 5.

Продолженіе похожденія Силославова.

Силославъ по возвращеніи изъ храма имѣлъ довольно времени разсмотрѣть всѣ покои дворца Роксоланова, въ которыхъ онъ нашелъ все, что ни есть наилучшаго въ свѣтѣ. Прелеста же помощію лѣкарствъ получила столько силъ, что могла быть въ храмѣ и сидѣть со всѣми за жертвеннымъ столомъ, по обычаю тогдашняго времени; во время ихъ пированія объявили Прелестѣ что вошло въ городъ многочисленное воинство; и еще вѣстникъ не докончалъ своихъ словъ, какъ увидѣли со множествомъ вельможъ вшедшаго къ нимъ Роксолана. Онъ бросился къ ногамъ Силославовымъ, не взирая на свой высокой санъ, и благодарилъ его за избавленіе свое и подданныхъ; потомъ когда онъ всталъ, Прелеста упала передъ нимъ на колѣни и облившись слезами просила отпущенія своей вины, о чемъ также просилъ и Силославъ. Роксоланъ будучи въ неописанной радости

и склонясь на прозьбу своего избавителя, простилъ великодушно во всемъ Прелесту, и просилъ ее отъ сокрушеннаго сердца, чтобы она послѣдовала добродѣтели, и бѣгая тиранства и пороковъ, прибѣгнула къ своей должности. Толь великое его великодушіе произвело въ ней жестокое грызеніе совѣсти и раскаяніе въ мерзкомъ ея поступкѣ, и которое напослѣдокъ сдѣлало ее вѣрною до гроба своему супругу./

Влегонъ когда оставилъ Прелесту, то ожидаворилъ Роксолана и все его воинство, чтобъ оные пришедъ въ городъ мстили женамъ своимъ за ихъ безчеловѣчной съ ними поступокъ; однакожъ всѣ подданные послѣдовали примѣру своего государя, и простили женъ своихъ также великодушно. Когда происходило возстановленіе мира въ государствѣ, тогда Силославъ препроводилъ у нихъ еще семь дней, но безпокоился повсеминутно о возлюбленной своей Прелѣпѣ, помышлялъ всякой часъ оставишь городъ и ѣхать искать ее по неизвѣстнымъ сторонамъ. И такъ началъ приготовляться въ путь. Рок-

сланъ не зная чѣмъ служить своему другу и избавителю, просилъ его, чтобы онъ согласился что нибудь взять изъ его сокровищей въ знакъ памяти и преславной его ему услуги. Сидославъ не хотя сдѣлать ему неудовольствія, отвѣтствовалъ ему, что онъ согласится на его предложеніе и проситъ только позволенія выбрать самому ономой подарокъ. Роксоланъ съ охотою на то согласился, а Сидославъ желалъ себѣ одного только сильнаго и крѣпкаго коня. Роксоланъ былъ весьма сему радъ; ибо онъ имѣлъ у себя славнаго богатырскаго коня, на которомъ самъ не могъ ѣздить, и которой остался ему послѣ отца его; и такъ просилъ онъ Сидослава выдти съ нимъ на нѣсколько разстоянія отъ города, гдѣ обѣщалъ служить ему тѣмъ, чего онъ отъ него требуетъ. Потомъ пришли они къ подошвѣ не весьма возвышенной горы, на которой стояли въ окружности девять дубовъ, по серединѣ которыхъ лежала каменная плита съ желѣзнымъ кольцомъ. Роксоланъ поднявъ оную просилъ Сидослава слѣдовать за собою. Посемъ они сошли въ нѣкото

рое подземное зданіе, которое все увѣшено было богатырскимъ снарядомъ, услышали необычайный шопотъ. Роксоланъ объявилъ Силославу, что тутъ конь, котораго онъ желаетъ подарить ему. Силославъ весьма обрадованной бросился поспѣшно къ оному и вывелъ его на поверхность земли. Оттязанной солнцевъ конь отъ яслей не столько бываетъ бодръ и строенъ, какъ сей: онъ вмѣсто пламени дышалъ чернымъ дымомъ; и когда бодрился, то зыблилась подъ нимъ земля; подымающіяся его ноги не намѣрились ступать по землѣ, а казались желающими подымашься въ облака; распущенной его хвостъ и грива служили ему вмѣсто крыльевъ; сила же столь была велика, что вмѣсто четырехъ солнцевыхъ коней, могъ бы сей и одинъ возить его колесницу, естьлибъ былъ столько безсмертенъ. Силославъ благодарилъ, Роксолана и возвратился съ нимъ въ городъ, гдѣ отдавъ должное почтеніе ему и всему его племени, къ великой ихъ прискорбности и неописанному неудовольствію на другой день при раз-

свѣтанїи дня разспался съ ними, и оставилъ сей городъ, которому онъ далъ прежнее бывшее и возвратилъ жизнь Роксолану и всему его воинству.

Выѣхавши изъ города, слѣдовалъ Силославъ по незнакомымъ мѣстамъ. Помощїю сильнаго своего коня отъѣхалъ онъ на весьма дальнее разстоянїе отъ города; наконецъ уномясь полудневнымъ зноемъ искалъ прохлажденїя своего подъ древесною тѣнїю, и въ томъ мѣстѣ подъѣзжалъ къ нѣкоторой видимой имъ рощѣ. Въѣхавъ въ оную нашелъ при рубежѣ ея рѣку, которая текла сполъ тихо, что вода ея казалась масломъ, наклонившіяся надъ нею деревья прикрывали ея воды отъ солнечныхъ лучей и дѣлали тѣмъ берегъ ея пріятнымъ мѣстомъ успокоенїя. Силославъ прельстился сею роскошью, вознамѣрился сойти съ коня и жаждущаго его напоить водою, самъ сѣлъ подъ тѣнїю одного кудрявато и густаго дерева; осматривался повсюду любовался на прекрасное строенїе природы; удивлялся рѣчнымъ берегамъ покрытымъ зеленою травою на подобїе разноцвѣт-

нымъ коврамъ, по которымъ утомившіеся отъ зноя звѣри бѣгая играли и купались въ рѣчныхъ струяхъ. Силославъ разсуждая объ ихъ ненужливости, заключилъ изъ того, что сіе мѣсто необитаемо и населено одними только дикими звѣрями и птицами; но въ самое то время увидѣлъ четырехъ дѣвочекъ, которыя вели пить четырехъ овечекъ на розовыхъ лешочкахъ. Силославъ очень тому удивился и спрашивалъ ихъ, откуда они? Мы изъ замка нашей госпожи, отвѣтствовали онѣ, которой отстоитъ отсюда не далеко. Силославъ во всякомъ мѣстѣ надѣялся получить извѣстіе о Прелѣпѣ, чего ради послѣдовалъ за ними. Они очень скоро пришли въ тотъ замокъ, который стоялъ почти на берегу къ вершинѣ сей рѣки. Одна изъ тѣхъ дѣвочекъ побѣжала напередъ и сказала въ домѣ, что хочетъ посѣтить ихъ проѣзжій. Силославъ увидѣлъ на крыльцѣ двухъ женщинъ въ богатыхъ одеждахъ, и сколько платье ихъ было великолѣпно, столько и онѣ прекрасны были видомъ; онѣ вышли встрѣтить его и съ великою учтивостію ввели въ покои, и

старался угостить его всѣмъ тѣмъ, чего бы онъ ни пожелалъ. Великолѣпіе замка, необыкновенныя и превосходящія имѣніе царское украшенія подали Силославу нѣкоторое сомнѣніе: онъ началъ думать, что тутъ обитаетъ какой-нибудь государь оставившій свѣтъ и посвятившій себя уединенію: за ужиномъ имѣлъ онъ разговоръ со вспрѣвшими его женщинами: ибо прочіе только было ихъ за столомъ. Оныя объявили ему, что замокъ сей называется домомъ утѣшенія; обладательница онаго есть дѣвица, ихъ государыня, которая, имѣя неисчетныя у себя сокровища, употребляетъ ихъ на вспоможеніе путешествующимъ; всякой странникъ можетъ имѣть у нее пристанище хотя до конца его жизни. Вы теперь въ такомъ мѣстѣ, примолвили онѣ, гдѣ добродѣтель, снизхожденіе и милость откроютъ вамъ всѣ свои богатства; и естьли вы желаете, то все, что вы ни видите, можете себѣ присвоить. Силославъ, чтобъ оказать учтивую благодарность за такое невоображаемое снисхожденіе, котораго нигдѣ получить онъ не надѣялся, благо-

дарилъ ихъ наичувствительнымъ образомъ; а объявленныя женщины во время всего стола дѣлали ему новыя обѣщанія, и послѣ ужины, оказавъ ему свое почтеніе, равно какъ своему государю, оставили его; потомъ два служителя повели его въ покой, въ которомъ приготовлена была для него великолѣпная постеля, на коей препроводилъ всю ночь въ неописанной тишинѣ и удовольствіи; утомленные дорогою и безпокойствомъ его члены тотчасъ принудили окончать живое стремленіе мыслей и отдались во власть покрывающаго ихъ сна.

Когда настадъ день, опредѣленные служители принесли Силославу покойное утреннее платье; причемъ докладывали ему, что не изволитъ ли онъ омыться благовонными водами. Силославъ на то согласился. И такъ повели его въ садъ, гдѣ стояло не большое зданіе на подобіе грота, коего стѣны сдѣланы были изъ чистой мѣди и снаружи умѣренно раскалялись пламенемъ; полъ усланъ былъ мягкою травою, и для отдохновенія стояло устланное благовонными цвѣтами ложе.

Когда Силославъ вошелъ въ него раздѣвшись, тогда служишель отвернулъ ключь, которой находился по срединѣ; тогда началъ бить благовонной водометъ и орошать всѣ стѣны, отъ чего поднялся легкой и пріятной паръ, наполнивъ все зданіе теплотою; тогда, казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крылями Силославово тѣло и мягкими своими усшами пускали на него полуденную теплошу. Въ такой покоясь роскоши почувствовалъ Силославъ нѣжнѣйшее разслабленіе членовъ и сладкое млѣніе души. Рабъ отворилъ другіе водометы, изъ которыхъ полилась вода на Силослава благовоннѣе и прозрачнѣе Авроринныхъ слезъ, отъ коея распустившееся отъ пару тѣло его намѣсто крѣпосши наполось пріяшсшвомъ и нѣжносшію. Немалое время лежалъ онъ на мягкомъ шомъ ложѣ, которое ему утомленному нѣжносшію не позволяло всшать на ноги, во время чего наслаждался онъ пріяшносшію музыки; водяные органы, сдѣланные удивительнымъ искусшвомъ, усыпили Силослава пріяшнымъ своимъ звукомъ. Послѣ сего всшавъ онъ и одѣвшись въ

нѣжное и легкое платье, въ которомъ походилъ больше на Адонида, нежели на Ирося, возвратился въ покои, въ коихъ встрѣтили его двѣ женщины въ бѣлыхъ одѣяніяхъ: онѣ были столь прекрасны, что естьлибы Силославъ не отдалъ сердце свое Прелѣпѣ, то конечно бы посвятилъ его которой нибудь изъ оныхъ: онѣ его проводили къ столу, за которымъ все было глазамъ его прелестно; кушанье, разговоры, собесѣдницы, музыка, все наполнено было великолѣпіемъ и нѣжностію. Послѣ половины дня, когда солнце удерживало свои лучи и больше уже не раскаляло оными землю, тогда предложили ему, не изволитъ ли онъ прогуляться въ саду. Онъ съ охотою на то согласился и такъ повели его въ оной. Когда пришли они къ воротамъ садовымъ, тогда увидѣлъ Силославъ удивительное сплетеніе искуствомъ человѣческихъ рукъ. Ворота сіи имѣли въ ширину десять локотъ, а въ высоту пятнадцать: они сдѣланы были наподобіе рѣшотки, которая сплетена была разными узорами и съ разными изображеніями животныхъ изъ чистаго и прозрачнаго

янтаря; въ саду дороги, цвѣтники, накры и истуканы притягивали къ себѣ взоръ и принуждали оставаться тупъ до конца жизни. Все сіе приводило въ восхищеніе Силослава: а что больше наполнило его удивленіемъ, што было сіе: Садъ окруженъ былъ съ трехъ сторонъ хоромами, которыя построены были въ три жилья; въ каждомъ окнѣ сидѣла великолѣпно одѣтая красавица, которыхъ находилось больше тысячи: онѣ были столь прекрасны, что казалось Силославу, будтобы природа старалась собирать пріятности со всего свѣта и заключила ихъ въ семъ мѣстѣ; онъ не зналъ которой дать изъ нихъ преимущество; глаза его летали по всѣмъ, и находили все то, чего не видѣли они прежде; всякая красавица исполнена была прелестьми и видъ ея показывалъ склонность къ Силославу; глядя на него усмѣхались съ пріятностію и казались желающими ему понравиться. Прельщенный Силославъ мялъ и не хотѣлъ оставить сего мѣста; чего ради сѣвши будто для отдохновенія на дерновую лавку, спрашивалъ у своихъ собесѣдницъ, которыя

го провожали, какое божество собрало къ нимъ только прелестей, и какая непостижимая сила наполняетъ сїе мѣсто столь невоображаемою нѣжностїю и великолѣпїемъ? Я думаю, продолжалъ онъ еще, что здѣшній воздухъ не услаждаетъ сего мѣста, но самъ услаждается зыбляся на вашихъ нѣжностяхъ? И предвѣстница Свѣтовидова (*),

---

(*). Свѣтовидъ, или Святовидъ, или Святовичь богъ Солнца, либо войны, имѣлъ храмъ въ Ахронѣ Славенскомъ городѣ, к его жители нарицалися Ругянами. Каждой годъ Ругяне какъ мужи, такъ и жены приносили въ храмъ подать по пенязю; кумиръ былъ огромной величины сдѣланъ изъ дерева о четырехъ лицахъ на подобіе фонаря, и со всѣхъ сторонъ образъ его видѣть было можно; не имѣлъ бороды и былъ съ завитыми кудрями по обыкновенію Славянъ Ругянскихъ въ длинной одеждѣ даже до ногъ, держалъ въ правой рукѣ рогъ изъ металла. Оной рогъ наполнялъ брадатой священникъ виномъ съ великими и торжественными обрядами и такъ оставлялъ до утра. По утру по умаленію или неумаленія вина гадатайствовалъ, будетъ ли, нѣтъ предбудущій годъ изобиленъ. Сей идолъ лѣвою рукою подпирался и имѣлъ бедрѣ великой и украшенной мечь, сторонѣ оной руки лежали узда и с его коня кумиръ стоялъ середъ кап находящейся по срединѣ храма, завѣш

я чаю, не стыдится восходя на небо, что усматриваетъ здѣсь превосходящихъ себя въ красотѣ? А свѣтоносецъ Фебъ непремѣнно останавливаетъ своихъ коней, когда протѣкаетъ мимо сего мѣста, и оставляетъ его съ прискорбностїю, однимъ словомъ: скажите мнѣ, съ смер-

со всѣхъ сторонъ краснымъ и богато убранными звѣсами: одинъ только жрецъ наступившій годъ въ день праздника ходилъ въ каплицу удерживая дыханіе; когда хотѣлъ отдохнуть, то выбѣгалъ и дверямъ каплицы и выставя голову дышалъ, дабы не осквернить божество дыханіемъ смертнымъ. Сему идолу посвященъ былъ бѣлой конь, у коего изъ гривы и изъ хвоста не позволялось ни единаго выдернуть волоса, ниже сѣсть на него, кромѣ жреца: ибо народъ вѣрилъ что Свѣтовидъ на немъ ѣздилъ для пораженія ихъ непріятелей во время войны; во увѣреніе чего предлагалось въ стойлѣ что когда оставляли его вычищеннаго и привязаннаго, то находили часто по утру взпотѣвшаго и замараннаго, какъ будто кто на немъ ѣздилъ ночью въ дальній путь. Отъ путешествія его предвѣщали счастливой и худой конецъ своихъ ратей; а для окончанія гадатайства втыкали стоймя передъ храмомъ шесть копей въ зедлю по два въ рядъ одно подлѣ другаго въ равномъ разстояніи и ко всякой двойнѣ привязывали одно копье поперегъ такъ высоко, какъ можно коню безъ

тными ли я нахожусь здѣсь, или безсмертными? Мы увѣдомили уже тебя, государь, кто наша обладательница, ошибшествовали провожатыя. Замокъ этотъ весь населенъ женщинами, и наша должность принимать чужестран-

---

ныя перешагнуть; потомъ въ установленной день сего дѣйствія жрецъ по прочтеніи долгихъ и торжественныхъ молитвъ, взявъ съ великими обрядами коня за узду переводилъ его черезъ три онныя поперечныя копья; и ежели переступалъ всѣ три правою ногою безъ помѣшательства съ лѣвою, то знакъ былъ добрый, а отъ помѣшательства худой. Изъ всѣхъ полученныхъ корыстей давалася идолу третья часть; кромѣ того давалось еще для почести ему три ста коней и три ста человѣкъ съ его стороны на войну, и онымъ всю добычу вручали жрецу, который все то въ Свѣтовидово сокровище клалъ, отколь ни малѣйшей части не позволялося вынуть. На всякой годъ по собраніи доходовъ приносили ему въ жертву множество скота и плѣненныхъ Христіанъ, о которыхъ утверждалъ жрецъ, что весьма ихъ кровію идолъ услаждается; послѣ оной жертвы приносили большой круглый пирогъ сдѣланной изъ муки, въ которомъ могъ вмѣститься человѣкъ: въ оной вшедши жрецъ спрашивалъ громкимъ гласомъ людей, видитъ ли его? Всѣ отвѣтствуютъ нѣтъ, а онъ обернувшись къ идолу молитъ его, чтобъ въ предбудущій годъ хотя мало его увидѣли.

довъ и оныхъ угощать по ихъ соизволенію; и ежели ты имѣешь намѣреніе препроводить здѣсь свой вѣкъ, то можешь пользоваться всѣми этими красавицами, онѣ будутъ всѣ во власти твоей Что жъ касается до нашей государыни, она повелѣваетъ нами, а мы ея подданные; сколько она насъ выше саномъ, столько и красота ея превосходнѣе нашей; ты не можешь вообразить ея прелестней, и всякой увидѣвъ ее захочетъ лучше лишиться жизни, нежели разстаться съ нею, для чего и ты увидѣть ее не можешь; она не показывается никому въ свѣтѣ: однакожъ мы опасаемся, чтобъ и одно воображеніе о ея красотѣ не встревожило тихихъ мыслей и не родило бы въ сердцѣ твоемъ непобѣдимой любови. Но свирѣпость такая болѣе въ ней для того, что она имѣетъ у себя любовника, которому посвятила жизнь свою и сердце навѣки, и желаетъ лучше умереть, какъ учинить ему малѣйшую невѣрность: но ты если-ли только желаешь, то можешь здѣсь найти довольно красавицъ, которыя не менѣе принесутъ тебѣ забавъ.

Но въ семъ мѣстѣ глухая полночь и сонъ вбѣжавши къ намъ въ горницу прекратили мои слова, и такъ госпожа Аленона изволила започивать, а я съ пріятелемъ моимъ пошелъ спать.

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЪ 6

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Силославъ услышавъ оное, сколько восхитился радостію, столько смутился мыслію, не зная ни мало причины своему движенію; просилъ спутницъ своихъ объявить ему имя государыни; однако онѣ на сіе не согласились, и предсказали, что имѣющій приказаніе оное знать. Потомъ когда пришли они опять въ покои, тогда одна красавица оставила его, а другая осталась для сдѣланія ему бесѣды, что продолжалось во все его пребываніе въ замкѣ, въ коемъ онъ препровождалъ время, получая

всякой день новыя блгосклонности отъ перемѣняющихся красавицъ. Восхищался роскошами, услаждалъ зрѣніе свое разными великолѣпіями сего замка; и такъ не оставалось ему ничего инаго думать, какъ только, что онъ во всемъ свѣтѣ не можетъ найти увеселенія лучшаго и достойнѣйшаго; укрывающаяся владѣтельница сего замка подавала ему сомнѣніе и надежду; любовь его къ ней усиливалась, и какъ искалъ онъ неизвѣстнаго, то не оставлялъ ни одного мѣста, чтобъ не увѣдать все въ ономъ обстоятельно; и сего ради не хотѣлъ выѣхать изъ онаго мѣста до тѣхъ поръ, покамѣстъ не увѣдаетъ имя госпожи его. Нѣкогда по утру принесли къ нему служители весьма богатое платье, которое походило больше на царскую одежду; потомъ предстали по обыкновенію и дѣвъ красавицы одѣтыя въ бѣлое платье, и казались готовящимися къ великому пированію. Чудясь оному Силославъ, спрашивалъ у нихъ, не торжество ли какое будетъ у нихъ сего дня въ замкѣ? Такъ, государь, отвѣтствовали онѣ, сегодняшній день будетъ у насъ праздничество, которое отправляемъ мы по

скончанїи каждаго года, и на которое пріѣзжаетъ обыкновенно и наша государыня, и дѣлаетъ намъ честь, кушая съ нами за однимъ столомъ; сколькожъ и ты будешь счастливъ, что получишь участїе въ нашей радости и будешь видѣть лице нашей государыни, на которое ни одинъ еще смертной не удостоился взглянуть, да и видѣть его было не можно. Силославъ услышавъ сїе пришелъ въ неописанное восхищенїе, и поспѣшалъ убрать себя всѣмъ тѣмъ, что тщеславїе и любовь представили его глазамъ прелестнѣйшимъ. Вдавшись въ великую роскошь и нѣжность не мужество уже сїяло на его одеждѣ и не укрѣпленное силою богатырство, походилъ онъ болѣе на Нарцисса, любовавшагося собственною красотою.

Наконецъ когда онъ увидѣлъ, что къ наряду его болѣе уже ничего не недоставало, пошелъ въ чертоги угошовленные для празднества. Оные всѣ наполнены были прекрасными женами, и всякая изъ нихъ усугубляла красоту свою пристойнымъ убранствомъ. Когда вошелъ къ нимъ Силославъ, що всѣ сдѣлали ему поздравленїе, подобно какъ

любимцу царскому. Вскорѣ потомъ вошла и государыня, коя взглянувъ на Силослава быстро вскричала: Ахъ Силославъ! и упала въ руки послѣдующихъ ей женщинъ. Удивленный Силославъ не зная, что иное начать, бросился было ей помогать; но вдругъ сталъ пораженъ удивленіемъ, радостію и восхищеніемъ, едва было и самъ не упалъ безъ чувства; потомъ пришедъ въ прежнія силы, бросился передъ упадшею въ обморокъ на колѣни. О боги! тронутые нашими несчастіями, возопилъ онъ: Такъ ужъ вы перестали насъ разлучать? Прекрасная Прелѣпа! тебя ли я вижу? Твою ли руку лобызаютъ уста мои? Такъ ето ты! ты самая та, которую я сіпрашивуя по всѣмъ землямъ искалъ, и теперь вижу, что милосердые боги умилостивились надъ нами и возвратили мнѣ тебя, а тебѣ вѣрнаго по гробъ Силослава. При названіи Силослава Прелѣпа открыла глаза свои, и увидя его стоящаго передъ собою, кинулась къ нему въ объятія. Ахъ Силославъ! вскричала она, которому богу должна я благодарить за свиданіе пивое со мною! Великая Лада! ты мнѣ его воз-

вратила, я я уже тебя и увидѣть не надѣялась, любезный мой Силославъ! Сколькожъ я вамъ обязана: всещедрые боги! вы отдали мнѣ то, чего нѣтъ для меня драгоцѣннѣе на свѣтѣ.

Наконецъ по многимъ разговорамъ и лобызаніямъ пошли они къ столу, которой ихъ уже давно ожидалъ. Сколько можно вообразить великолѣпія и изобилія, то еще не могло сравниться съ десятою частію; столько-то былъ сей пиръ великолѣпенъ. Послѣ онаго увѣдомила его Прелѣпа, о своемъ похищеніи, о пребываніи ея у духа, и какъ она отъ того освободилась. Я всегда сѣтовала, говорила она, о потерянія тебя, и ни одной минуты во всю мою у него бытность небыла спокойною. Духъ прилагалъ всѣ старанія утѣшить меня; онъ выдумывалъ разныя и невообразимыя забавы, однако они увеселить не могли меня ни мало, и служили еще къ большей мнѣ прискорбности. Онъ думалъ получить отъ меня увеселеніе, однако получалъ вмѣсто того одну досаду. И какъ онъ не видѣлъ отъ меня ни малѣйшей къ себѣ благосклонности,

и холодность моя всегда его огорчала, что началъ презирать меня: любовь его обратилась ко мнѣ въ холодность; онъ уже не искалъ быть вмѣстѣ со мною, а старался всегда меня удалять, и потомъ когда любовь въ немъ со всѣмъ уже истребилась, что приказалъ перенести меня въ сей замокъ, гдѣ надѣялся истребить тебя у меня изъ памяти и послѣ получить мое сердце, но только этого никогда онъ отъ меня не получитъ. И такъ уже другой годъ нахожусь я въ этомъ мѣстѣ. Прибывъ сюда, старалась я всѣми силами сыскать тебя; но не смотря на всѣ мои старанія не могла о тебѣ ничего и услышать, отъ чего стенала я повсеминутно, но теперь благополучіе мое меня находитъ, и любовь моя ожидаетъ только одного увѣнчанія. Оставимъ этотъ замокъ, возлюбленный мой Силославъ! и взявъ нѣсколько вѣрныхъ моихъ подданныхъ поѣдемъ въ твое отечество. Ахъ! государыня, вскричалъ тогда въ восторгѣ Силославъ, когдабъ только учинили боги это со мною благополучіе, сколькобъ я имъ былъ за сіе одолженъ! Щастіе сіе почитаю я толь высокимъ и завид-

ямъ, что сбытія его и надѣяться почти не смѣю. Будь несомнѣнно о немъ обнадеженъ, отвѣтствовала ему любовница: не ужели ты думаешь, что я предъ тобою лицемѣрю? Могу ли я ето думать, государыня! перехватилъ восхищенный Силославъ: я тебѣ столько же, какъ и самимъ богамъ, вѣрю.

Разговаривая такимъ образомъ, не примѣтно выходили они изъ покоевъ и подвигалися къ саду, а прельщенный Силославъ ни мало того не видѣлъ; столько то любовь насъ ослѣпляетъ! наконецъ пришли они въ оной. Тогда Прелѣпа ласкаяся къ Силославу раскрыла платье на его груди, и увидя на немъ повѣшенной золотой досканецъ, спрашивала у него, чтобы это такое на немъ было? Ето волшебной тализманъ, отвѣтствовалъ Силославъ: когда я поѣхалъ изъ моего отечества, чтобъ искать тебя по всему свѣту, тогда родитель мой подарилъ мнѣ его, обнадеживая притомъ, что доколѣ онъ на мнѣ будетъ, то никакой маизлѣйшій духъ не можетъ осмѣлиться погубить меня съ онымъ. Ето очень чудно, от-

вѣтствовала Прелѣпа, я еще отъ роду эдакой рѣдкости не видывала; какъ бы я хошѣла и у себя эпакой же имѣть! Силославъ при семъ словѣ гораздо смутился: желаніе любовницы своей хошѣлось ему тотчасъ исполнить, но отцовъ приказъ запрещалъ ему оное. Я бы тебѣ съ охотою его подарилъ, говорилъ онъ своей любовницѣ, но родитель мой, отдавая мнѣ сей залогъ своей любви, заклиналъ меня никому его не отдавать, увѣряя, что сколь скоро я его лишусь, то потеряю тотъ часъ и животъ мой. Изрядно отвѣтствовала Прелѣпа, я его у тебя уже не прошу, только скинь его и дай мнѣ разсмотрѣть. Въ сей прозбѣ Силославъ не смѣлъ ей противиться, хотя отцовъ приказъ касался и до сего.

И такъ подумавъ нѣсколько скинулъ его и отдалъ Прелѣпѣ. Едва успѣлъ онъ ей его отдать, какъ красавица отъ него исчезла, и на мѣсто се увидѣлъ онъ передъ собою ужаснаго Исполина, которой стремился разсѣчь его саблею. Силославъ запрепеталъ, и познавъ свое преступленіе готовился уже къ смерти, какъ вдругъ превратясь въ сокола увидѣлъ

себя парящаго въ воздухѣ. Въ одно мгновеніе ока, изчезли всѣ зданія, сады и прелести, которые его населяли, а вмѣсто онаго увидѣлъ онъ подъ собою волнующееся море, коего сердитые и сѣдые валы мчалися въ черную и кипящую пучину. Что со мною сталося, разсуждалъ онъ самъ въ себѣ? что за приключеніе, куда дѣвалась онъ вмен. Прелѣпа, и какой злой духъ превратилъ все сіе селеніе въ сію бездну водъ? О боги! никакъ это шутъ проклятой духъ, которой ее и прежде похитилъ. Онъ никакъ узналъ наше соединеніе позавидовалъ нашему благополучію и отнялъ ее опять у меня: но онъ не доволенъ былъ симъ и хотѣлъ меня еще умертвить, и конечно бъ то сдѣлалъ, естьли бъ я не превратился въ птицу. Но кто жъ меня въ оную превратилъ? никакъ онъ самъ, чтобъ сдѣлать жизнь мою горестнѣе и самыя смерти. А свирѣпый духъ! ты всему моему несчастію причина; но не надѣйся, чтобъ спалъ сносить толь поносную жизнь. Сіе свирѣпое море прекратитъ всѣ мои напасти. Выговоря сіе, устремился въ пучину, чтобъ въ ней потопить и жизнь свою и несчастіе.

Но когда уже находился онъ отъ оныя не болѣе какъ на пять саженъ, то вдругъ изъ свирѣпаго моря сдѣлалось огромное строеніе, котораго влетѣлъ онъ въ середину. Это была большая горница, сдѣланная изъ чернаго мрамора, коея всѣ стѣны исписаны были Гіероглифическими письменами. Въ углу оной храмины стоялъ на золотомъ подножіи изъ слоновой кости истуканъ Чернобога, которой почитался властителемъ надъ всѣми духами волшебницами; предъ онымъ кумиромъ стоялъ жертвенникъ изъ бѣлаго мрамора съ золотою на немъ жаровнею и углями; по серединѣ оной стоялъ столъ, на которомъ лежало премножество волшебныхъ преполсаній и знаковъ. Другія же украшенія комнаты соотвѣтствовали прочимъ.

Спустя нѣсколько времени налетѣло множество разныхъ видовъ птицъ, которыя принудили сокола вылетѣть въ другой покой; изъ коего могъ онъ смотрѣть на дѣйствіе ихъ свободно, когда первое начала птица, имѣющая видъ орла. Она подошедъ къ Чернобогову жертвеннику, и распространяя свои крылья

въ знакъ своего повиновенія, дотронулась головою до жертвенника въ то мѣсто, на которомъ сіояли неизвѣстныя волшебныя писмена, отъ чего вдругъ приняла образъ человѣческій; потомъ пришедъ къ столу сняла съ онаго свое препоясаніе и надѣла на себя, и также приняла жезлъ, коимъ все въ свѣтѣ управляла. Другія волшебницы подражая оной такимъ же образомъ получили видъ людей. Между оными находилась и та волшебница, которую онъ освободилъ изъ-подъ камня.

Когда волшебницы приняли настоящій свой образъ, тогда всякая приявъ свое мѣсто ожидала отъ главной волшебницы повелѣнія. Оная сѣвши на своемъ престолѣ, которой весь былъ изъ чистаго золота, и по мѣстамъ украшенъ дорогими камнями и усланъ багряницею, сдѣлала знакъ Превраштѣ, чтобъ она къ ней подошла. Когда оная къ ней подступила, тогда волшебница говорила ей слѣдующее: Превраша! чего ты отъ меня желая, побудила меня прибыть сюда изъ далечайшихъ странъ, и также все сіе собраніе. Великая повелительница непобѣдимыхъ духовъ! прос-

ти мое дерзновеніе, что я осмѣлилась на нѣсколько разрушить покой твой и твоихъ подчиненныхъ. Призванію тебя и всего сего собранія вина есть слѣдующая: Строптивый и неспокойный духъ Влегонъ, не повинуяся твоей власти и всечасно летая по свѣту, приключаетъ твоимъ подданнымъ досады и людямъ напасти; оный не укротимый духъ стремится теперь погубить любимаго мною смертнаго, извѣстнаго тебѣ Силослава. Его обольстя онъ очи, представилъ на свирѣпомъ морѣ прелестнаго вида домъ, гдѣ нѣсколько времени его угощая, пришелъ на конецъ къ нему, приявъ образъ похищенной Прелѣпы, въ коемъ видѣ обольстивъ его, выманилъ у него роковой его тализманъ, которой дѣлалъ его безопаснымъ отъ смерти, и потомъ хотѣлъ лишить въ томъ свирѣпомъ морѣ жизни; чтобы и дѣйствительно сдѣлалъ, естьлибъ я его не превратила въ сокола и не спасла его тѣмъ отъ хитрыхъ его сѣтей: чего ради, государыня, сей домъ совыпа, по заклинанію моему, на сіе мѣсто принесенъ, и вы всѣ собраны: я прошу, чтобы позволено было предстать въ

сіе собраніе Силославу, при которомъ я оканчаю мою прозьбу. Ты увидишь, царица духовъ, что онъ милости твоей достоинъ.

Волшебница на прозьбу ея согласилась. Тогда Превратя вышедъ къ Силославу взяла его и внесла передъ судилище. Вотъ, государыня, сей гонимый Влегономъ смертный! вотъ чѣмъ я его принуждена была спасти, и прошу теперь, чтобъ и ты приняла его подъ свое покровительство. Тогда волшебница махнувъ своимъ жезломъ на Силослава, сказала: будь тѣмъ, чѣмъ ты былъ прежде. Вдругъ всѣ перья слетѣли и Силославъ принялъ прежній свой образъ; послѣ чего увидѣлъ онъ; что на престолѣ сидѣла дряхлая и сѣдая старуха, у которой тряслась голова, и все тѣло было въ движеніи отъ глубокой старости; исподнее платье было на ней бѣлое, опушенное багряницею, а сверьху покрывала черная епанча; съ праваго плеча подъ лѣвую руку лежалъ голубой зодіакъ съ золотыми небесными знаками на подобіе перевязи; на головѣ была долгая черная съ городками шапка, по сторонамъ оной придѣланы

были два крыла отъ большихъ рыбъ; на верьху стоялъ знакъ Сатурновъ; въ лѣвой рукѣ держала маленькой земной шаръ, а въ правой жезлъ волшебной; подлѣ ее по сторонамъ стояли по старшенству другія волшебницы въ разныхъ и чудныхъ одеждахъ, но всѣ съ волшебными препоясаніями и жезлами. Тогда Силославъ, получившій прежній свой видъ, благодарилъ главную волшебницу наичувствительнѣйшимъ образомъ за ея къ нему покровительство; а Превраша поблагодаря оную подобнымъ образомъ, говорила такъ: Сей смертной, которому теперь сама ты хочешь быть покровительницею, съ твоего позволенія произведетъ столь сильнымъ и храбрымъ на свѣтѣ. Угождая его страсти оживотворила я истуканъ Станидаровъ, чтобъ могъ онъ увѣдомить Силослава о своей дочери. Въ то время Крѣпостанъ любимецъ его открылъ ту чашу, въ которой заключенъ былъ Нонтетъ, тогда князь духовъ произвелъ всѣ тѣ страхи, о коихъ я тебя уже увѣдомила, и коихъ я устрашася не могла тутъ стоять и принуждена была сокрыться, въ ономъ случаѣ погибъ бы и Силославъ,

естьлибъ не успѣла я, ухватить съ головы моей околдованное перо, воткнуть въ шлемъ ему. Онаго силою освободилъ онъ Ноннеша изъ заключенія, и чрезъ него нашелъ способъ выйти изъ того города; послѣ чего пришелъ онъ, въ то владѣніе, въ которомъ весь мужескій полъ истребленъ былъ Влегономъ. Силославъ изгналъ его изъ онаго силою своей руки, и тѣмъ Влегона озлобилъ несказанно, чего ради Влегонъ, желая ему отмстить, выдумалъ для погубленія его ту хитрость, о которой я тебя уже увѣдомила. Въ ономъ мѣстѣ лишилъ онъ его пера, даннаго мною Силославу, и рокеваго его шализмана; чего ради я прошу тебя, великая обладяшельница невидимыхъ, призвать сюда Влегона, чтобъ онъ здѣсь при всемъ собраніи заклялся не имѣть впредь на Силослава злобы и не гнать его болѣе, и чтобъ притомъ возвратилъ ему перо и шализманъ. Такой степени духи, примолвила она, каковъ Влегонъ, должны повиноваться намъ, а не восставать противъ насъ.

Но въ сіе время господинъ Морфей ухватя насъ расшатилъ всѣхъ по постелямъ.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЪ 7.

Продолженїе повѣсти Силославовой.

Повелительница духовъ выслушавъ Превратину прозьбу, махнула по воздуху нѣсколько разъ своимъ жезломъ, и послѣ того выговорила сїи слова: дерзской духъ! по данной мнѣ власти отъ великаго Чернобога и отъ князя всѣхъ духовъ, заклинаю тебя, чтобъ ты явился сюда въ сїе мгновенїе въ такомъ видѣ, въ которомъ ты, прельщая юнаго Силослава, намѣрился погубить, и чтобъ ты принесъ сюда его тализманъ, шлемъ и прочее его вооруженїе. Едва она успѣла окончать свое заклинанїе, какъ отворилась дверь и Влегонъ явился во образѣ Прелѣпы, неся съ собою все требуемое отъ него; и какъ только увидѣлъ главную волшебницу, то запрепадалъ и палъ предъ нею на колѣни. Силославъ увидѣвъ его обомлѣлъ отъ удивленїя, и не зналъ, вѣрить ли ему глазамъ своимъ; слышалъ онъ, что это Влегонъ, только повѣрить

этому еще не смѣлъ, опасаясь, чтобъ не назвать любовницы своей злымъ духомъ. Въ то время главная волшебница оборотясь къ Влегону, и кинувъ на него сердитой взоръ, дерзновенной! вскричала ему, оставь сей непринадлежащій тебѣ образъ и пріими твой гнусной видъ. Какъ скоро волшебница сіе выговорила, Прелѣпа исчезла, и вмѣсто ея явился ужасной Исполинъ кривой, горбатой и хромоногой, съ рогами и козлиною бородою, съ змѣинымъ хвостомъ и съ лошадиными ногами, будучи притомъ весь покрытъ свиною щетиною, а на головѣ вмѣсто волосовъ имѣлъ вїющихся и свистящихъ змей.

Тогда начальная волшебница указывая на Чернобоговъ истуканъ, симъ повелителемъ духовъ, говорила она, заклинаю тебя безпокойный и непокорливый духъ, и всѣмъ адомъ, котораго трепещу и я, чтобъ ты предалъ вѣчному забвенїю злобу твою на Силослава, и не осмѣливался ему ни мало вредить, естьли не хочешь подвергнуться всѣмъ адскимъ истязанїямъ, и потомъ преобразиться въ ничто. Великая повелительница духовъ! отвѣтствовалъ трепещу-

щій Влегонъ: весь адъ знаетъ, сколько я волю твою почитаю, и все, что тебѣ ни угодно, съ охотою исполнить готовъ. Исчезнижъ съ глазъ моихъ, вскричала волшебница Тогда Влегонъ исчезъ, а начальница обратясь къ Превратѣ говорила: я все исполнила, что тебѣ ни хотѣлось, и съ словомъ, симъ исчезла, за нею и все собраніе.

Удивленный Силославъ едва вѣрилъ тому, что въ глазахъ его произошло, и обращаяся къ Превратѣ, которая съ нимъ одна осталась: такъ это Влегонъ былъ, а не Прелѣпа, могущая волшебница! Да, отвѣтствовала она, и погубилъ бы тебя, естьли бы я хотъ чуть не ускорила тебя избавить; но теперь тебѣ опасаться болѣе нечего, ты слышалъ самъ, что главная волшебница приказывала Влегону; повелѣнія ея преступить онъ не смѣетъ, хотябъ еще во сто разъ сильнѣе былъ. Ну, прости любезный Силославъ, намъ должно теперь разстаться, и домъ сей не можетъ здѣсь болѣе получаса пробыть, и я также должна слѣдовать туда, куда зоветъ меня должность моя; ступай ищи своей возлюбленной. Естьли будешь наблюда ть

должность Ирея, получить все. Болѣе тебѣ сказать не смѣю, прощай! Съ симъ словомъ она исчезла, домъ пропалъ, а онъ остался на берегу морскомъ, усыпанномъ камешками, въ которые ярыя волны ударяя, производили страшной шумъ.

Естьлибъ не былъ онъ Славянинъ, то конечно отчаялся бы при случаѣ семъ жизни, и умеръ бы онъ ужаса на семъ пустомъ берегу, причемъ окружающіе оной дремучіе лѣса, неприступныя и ужасныя пещеры усугубляли его страхъ. Свирѣпые звѣри рыскали безъ боязни повсюду; и хотя онъ ихъ и не опасался, однакожъ не имѣлъ онъ отъ нихъ никакого увеселенія. Причемъ возстала ужасная буря, свирѣпые вихри дешали ярясь по горамъ, ломали деревья, а иныя вырывали съ коренъями, отъ чего дѣлался превеликой трескъ; шемныя и угрюмыя тучи наводили мракъ темнѣйшей ночи и проливали пресильной дождь; молнія, громъ и градъ привели Силослава въ ужасъ. Хотя храбрость его была велика, но въ разсужденіи природы онъ былъ ничто иное, какъ ея созданіе. И такъ началъ онъ искать убѣжища, но

безпрестанной блеекъ молніи затмѣвалъ почти его зрѣніе, частое сплѣтеніе деревъ прекращали его путь; наконецъ укрылся онъ подъ ихъ вѣтьвями и сталъ нѣсколько безопасенъ отъ суровости погоды.

Когда усмирѣли вѣтры и буря начала утихать, тогда багряная Зимцерла взошла уже на небо, а сіяющій Свѣтовидъ слѣдуя за нею согрѣвалъ землю. Въ то время проснувшись Силославъ прогуливался по лѣсу, и услышалъ идущаго человѣка, которой воспѣвалъ пѣснь, сдѣланную въ честь Перуну. Человѣкъ сей имѣлъ на себѣ покойное и не Свѣтское платье, и притомъ казался больше роскошнымъ, нежели посшникомъ. Я радуюсь, говорилъ онъ, увидя Силослава, что нахожу здѣсь человѣка, а радость бы моя была еще большею, естьлибъ ты былъ чужестранецъ. Такое привѣтствіе весьма удивило Силослава. Я можетъ этимъ несчастливъ, что ношу на себѣ дѣйствительно такое имя, отвѣчалъ онъ. Никакъ, а я тѣмъ только щастливъ, отвѣтствовалъ незнакомой, и прошу тебя послѣдовать за мною. Потомъ пришли они въ пространное под-

земное жилище, которое освѣщено было хрустальными лампадами. Уборы и порядокъ онаго показывали мѣсто сіе обитаніемъ разумнаго и добродѣтельнаго человѣка, Видъ мужа того казался кротким и добродѣтельнымъ. По приходѣ въ пещеру приказалъ онъ тотчасъ служителю своему перемѣнить на Силославѣ платье, которое вымочено было дождемъ. Тотчасъ подали ему изрядную и покойную одежду. По многихъ привѣтствіяхъ со обѣихъ сторонъ, и когда уже они довольно опознались, тогда Силославъ спрашивалъ его учтивымъ образомъ о причинѣ его уединенія. Я охотно разсказать тебѣ оное соглашаюсь, отвѣтствовалъ ему старикъ : изъ повѣсти моей ты познаешь, что несчастіе на того стремится свирѣпѣе, кто на высшей предъ прочими степени, и думаешь о себѣ, что онъ счастливѣе всѣхъ смертныхъ ; я могу назваться истиннымъ примѣромъ сего льстиваго щастія и игралищемъ его непостоянства. Все я видѣлъ на свѣтѣ, все пересмотрѣлъ, и былъ всему подверженъ. Отъ самаго моего рожденія былъ я прежде несчастливъ, потомъ

въ ономъ посредственъ, посемъ благополученъ и преблаженъ, а на конецъ наинесчастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, а теперь благополученъ. Силославъ весьма удивился толь чудесному обращенію судьбы его, и просилъ его неперѣливымъ образомъ разсказать свои приключенія. Съ охотою, отвѣтствовалъ старикъ, я тебя увѣдомлю о всѣхъ со мною происшествіяхъ отъ рожденія моего до сего часа; потомъ нѣсколько подумавъ, началъ онъ такимъ образомъ:

Я называюсь Славуронъ, родился въ городѣ; называемомъ Русъ, и произошелъ на свѣтъ отъ людей бѣдныхъ и неимѣвшихъ почти пропитанія; по рожденіи моемъ мать моя отдала меня на воспитаніе въ домъ къ нѣкоторой боярынѣ, потому что содержать ей меня было нечѣмъ. Госпожа сія не меньше была скупа, сколько и зла: имѣть человѣка она желала, а кормить его не хотѣла; и такъ живя у нее, не столько я ѣлъ, сколько былъ битъ; и когда я плакалъ и просилъ пищи, тогда она меня била немилосердо, желая сдѣлать во мнѣ привычку,

чтобъ я въ три дни ѣлъ однажды. Въ такомъ пріятномъ упражненіи препроводилъ я восемь лѣтъ, и отъ толь изряднаго воспитанія потерялъ было образъ человѣческій, и начали было уже называть меня тѣнью; наконецъ добродѣтельная моя воспитательница преставилась, и я наслѣдилъ послѣ нее продолжительную болѣзнь, которая въ изнеможеніе. Домомъ ея овладѣлъ братъ ея родной, гражданинъ добродѣтельной и постоянной; причемъ оный зная злой нравъ своей сестры, первое имѣлъ стараніе, чтобъ осмотрѣть всѣхъ ея служителей, между которыми и я находился. Видъ мой ему понравился, онъ приказалъ имѣть за мною смотрѣніе, и отдалъ меня для излеченія къ одному врачу. По счастію моему сей врачь не выдумывалъ тогда никакого лекарства, и не испытывалъ его надо мною, отъ чего я поскорѣе вылечился; и когда собралъ уже всѣ потерянныя мои силы, тогда хозяинъ мой взялъ меня отъ него. Послѣ чего нашедъ во мнѣ склонность къ наукамъ, послалъ въ Константинополь учиться

на собственномъ своемъ иждивенїи. Я стоилъ ему на каждой годъ по цѣлому серебряному талантu. На пятомъ году моего въ наукахъ упражненїя получилъ извѣстїе, что благодѣтель мой скончался. Тогда-то будучи я безъ всякаго призрѣнїя и на чужой еще сторонѣ, сдѣлался прямо бѣднымъ и несчастнымъ человѣкомъ. Все, что я ни выучилъ, зашмило бы во мнѣ отчаянїе, естьли бы учитель мой не обнадежилъ меня своимъ покровительствомъ. Сей Грекъ былъ весьма достойной человѣкъ и жилъ очень роскошно. Все его упражненїе состояло въ изведываніи природы и въ узнанїи сокровенныхъ ея таинствъ, чему научалъ и меня. Я узналъ отъ него философїю, математику и исторїю, и совершенно говорилъ Греческимъ языкомъ. Тогда учитель мой выключилъ меня изъ числа учениковъ, сдѣлалъ по себѣ наслѣдникомъ всего его имѣнїя, и съ этихъ поръ содержалъ меня, какъ роднаго своего сына. И такъ я, какъ будто бы предвидя мою судбину, началъ щеголять, и носилъ такїя платья, въ какїя одѣвались въ городѣ очень мало

Нареченной мой отецъ вмѣсто того, чтобъ запрещашь, радовался глядя на меня, и случалось часто, что когда я одѣвался, тогда онъ самъ мнѣ прислуживалъ, любуяся на мое щегольство. Не злобивой мой нравъ и нѣсколько стараніемъ его просвѣщенной разумъ вкоренили въ него ко мнѣ любовь; онъ почиталъ меня, какъ роднаго своего сына и имѣлъ ко мнѣ прямо родительскую любовь.

Но несчастіе мое не долго мнѣ позволило милостію его пользоваться. Благодѣтель мой преставился на третьемъ году послѣ перваго моего милостивца; и хотя я наслѣдилъ все его имѣніе, но ни мало тому не радовался. Я сожалѣлъ объ немъ, такъ какъ о родномъ моемъ отцѣ. Лишеніе его мучило меня несказанно, и сколько я ни старался развеселить себя, только никакъ не могъ; онъ не выходилъ никогда изъ памяти моей, милости его глубоко были начертаны на моемъ сердцѣ; однимъ словомъ; я столько о немъ грустилъ, что весь городъ удивленъ сталъ о томъ, и сколько пріятели мои ни старались меня развеселить и сколько ни изыскивали способовъ

къ моему упѣшенїю, только ничто не могло утишить моей горести.

Во время сей моей печали объявлено было въ городѣ, что на другой день будетъ казнь многимъ несчастнымъ полоненикамъ. Горесть моя не позволяла мнѣ итти на такое плачевное позорище; но не знаю, какая-то тайная сила принудила меня туда слѣдовать, и такъ пошелъ я на другой день на лобное мѣсто, на коемъ производилась казнь; и едва туда пришелъ, то вдругъ глаза мои и сердце поразились ужаснѣйшимъ видѣнїемъ. О боги! и теперь еще безъ слезъ вспомнить не могу, между несчастными узниками увидѣлъ я моего отца, ожидающаго себѣ лютаго окончанїя жизни. Всещедрые боги! для чего вы тогда не извлекли и моей души? Прости мнѣ, храбрый незнакомецъ, что слезы, катящїяся неволею изъ очей моихъ, прерываютъ мое повѣствованїе; потомъ обшерши глаза продолжалъ онъ слѣдующимъ порядкомъ: Едва я его въ такомъ состоянїи увидѣлъ, кровь моя замерзла, и холодной потъ, выступя на мое тѣло, лишилъ меня употребленїя чувствъ; я

упалъ безъ памяти, и друзья мои вмѣстѣ со мною, увидя оное, старалися мнѣ помогать и привесть меня въ прежнее чувство. Какъ скоро я очунулся, то первое мое стараніе было, чтобъ броситься избавлять моего отца, но уже было поздно, люшые звѣри растерзали тѣло его на части. Увидя оное подиялъ я ужасной крикъ, клялъ судьбу виновницу моего нещастія, проклиналъ осудившихъ его на казнь, и воплемъ моимъ обратилъ на себя глаза всего народа. Пріятели мои, желая меня спасти отъ большаго непорядка, силою увлекли меня въ мой домъ. По изліяніи многихъ слезъ и по долгомъ шерзаніи просилъ я одного изъ моихъ друзей, чтобъ постарался онъ достать мнѣ списокъ всѣхъ растерзанныхъ въ тотъ день невольниковъ: онъ мнѣ скоро оный принесъ, и я нашелъ, что всѣ они полонены были въ морское сраженіе, въ числѣ которыхъ и отецъ мой былъ. По привезеніи ихъ въ Константинополи приказалъ Кесарь всѣхъ тѣхъ погубить, которые не примутъ оружія противу Славянъ его непріятелей. Отецъ мой будучи храбрымъ сыномъ отечества, по

желалъ лучше лишиться жизни, нежели поднять оружіе противу своихъ однородцовъ; и такъ умеръ съ прочими послѣдовавшими въ томъ ему. Тогда-то остатки крѣпости моей исчезли: совѣты друзей моихъ не подкрѣпляли болѣе моего духа; я вдался въ неописанную горесть и дошелъ до отчаянія; отдалъ все мое имѣніе бѣднымъ людямъ, и потомъ хотѣлъ удалиться въ пустыню. Предпріятіе мое желалъ я расположить порядочно; чего ради съ вѣрнымъ моимъ пріятелемъ, на котораго дружество я надѣялся, завсегда хаживалъ изъ города не въ весьма отдаленную рощу, въ коей прохаживаясь совѣтовалъ, или располагалъ мое намѣреніе.

Нѣкогда возвращаяся изъ оной, услышалъ я, что кличутъ меня моимъ именемъ, я оглянувшись назадъ, увидѣлъ почтеннаго вида старуху, которая поклонясь мнѣ низко сказала слѣдующее: не поставь пожалуй въ дерзновеніе, что я помѣшала тебѣ иныя хотя меня и не знаешь, только я тебѣ всегда была пріятельница, которая желала тебѣ завсегда хорошаго; я не давно извѣстилась о твоемъ несчастіи и намѣ-

рении: отчаяніе твое произвело во мнѣ сожалѣніе, и я не могла преминуть, чтобъ не сообщить объ ономъ брату моему, о которомъ увѣряю тебя, что онъ человѣкъ довольно знающій мірскія суеты и случающіяся въ жизни перемѣны: онъ будучи человѣкъ мягкаго сердца, проникся твоимъ несчастіемъ, и просилъ меня тебя съ нимъ познакомить. Я вѣдая, что ты людей добродѣтельныхъ и свѣдущихъ почитаешь и любишь, обѣщала ему оное; и такъ прошу тебя не оставить моей прозьбы и удовольствовать желаніе моего брата. Я зналъ дѣйствительно, что никакой человѣкъ перемѣнить судьбы моей не въ силахъ, и возвратить моего отца и двухъ благодѣтелей никакой совѣтъ не въ состояніи; однако подумавъ, что можетъ онъ дастъ мнѣ наставленіе, какимъ образомъ продолжать мнѣ оставшую мою жизнь, поблагодарилъ ей за ея обо мнѣ стараніе, и просилъ, чтобъ она представила меня своему брату. Очень хорошо, отвѣтствовала она: завтра при окончаніи дня на етомъ же мѣстѣ увидите вы человѣка, которой проводитъ васъ въ мой домъ; и когда вы изъ совѣтовъ его пріобрѣтете свое

благополучїе, тогда судьба ваша перемѣнится и вкоренитъ въ васъ благодарность къ той, которая была причиною вашего счастїя; потомъ она разсталась съ нами.

Оставшись одинъ съ моимъ другомъ, разсуждалъ я, чтобъ было ето такое, и наконецъ подумалъ, что ето какой нибудь обманъ, и такъ хотѣлъ ето дѣло оставить; но мнѣнїя моего друга принудили меня то извѣдать и посмотрѣть хваленаго того мужа; притомъ же говорилъ онъ мнѣ, что есть много такихъ людей, которые берутъ участїе въ несчастїи другихъ, и болѣзнуя о нихъ отъ чистаго сердца стараются отвращать оное двоякими способами, и тѣмъ заслуживаютъ на семъ свѣтѣ будущее блаженство; а какъ етакими людьми Грецїя славилася издревле, то я больше не сумнѣвался, чтобъ тотъ, которой ищетъ моего знакомства, не пекся о моемъ благополучїи; и такъ опредѣлилъ съ нимъ познакомиться.

Между тѣмъ госпожа полночь гораздо принахмурилась, и дѣлала намъ тѣмъ знакъ, чтобъ мы ложились спать; и такъ побрели мы къ своимъ постелямъ.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЪ 8

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

На другой день, когда уклонялося къ западу солнце, и ночь уже господствовала взойти на небеса, тогда оставивъ я въ домѣ моемъ моего друга, пошелъ одинъ на назначенное мнѣ мѣсто; на ономъ дожидался уже меня человѣкъ; онъ спросилъ меня о моемъ имени, и узнавъ кто я, просилъ учтиво за собою слѣдовать. Вскорѣ дошли мы до одного великолѣпнаго дому, которой стоялъ въ предградіи. Сіи домы обыкновенно называются въ Греціи домами увеселенія. Какъ только мы взошли на крыльцо, то встрѣтила меня та же женщина, которая на канунѣ со мною говорила и звала къ своему брату. Сдѣлавъ мнѣ небольшее привѣтствіе, провела меня черезъ нѣсколько покоевъ въ большую горницу, которая освѣщена была лампадами: они удерживали лучи находящагося въ нихъ огня, и чрезъ то проис-

водили слабой свѣтъ, при коемъ обр
человѣческій не совсѣмъ разсмотрѣ
было можно; а для чего такъ было с
лано, оное ты узнаешь въ оконча
моей повѣсти. Когда я съ нею сѣлъ,
приказала она служителю доложить
мнѣ своему брату; и такъ во ожида
его препровождала со мною время
взаимныхъ привѣтствіяхъ.

Вскорѣ потомъ вошелъ къ нам
братъ ея: видъ его показался мнѣ в
нымъ и величественнымъ; голова
покрыта была пустынническою шерс
ною шапкою, которая закрывала л
его по самыя брови, а сѣдая и дол
борода закрывала и другую половину
лица; долгое и безпорядочно сши
платье представляло его презрѣнел
пустаго украшенія тѣла. Какъ ско
его увидѣлъ, то тотчасъ сдѣлалъ
низкій поклонъ, и препоручалъ себя
его милости при прозьбѣ моей пріят
ницы. Препорученіе мое принялъ
весьма благосклонно, и представи
мнѣ свои услуги, которыя его добр
тель показать мнѣ опредѣлила. Ото
ванье наше было скорое, и мы тот
начали весть разговоры дружескіе,

коихъ я увидѣлъ, что онъ былъ человѣкъ преразумной и пресвѣдущій; потомъ склоня рѣчь свою ко мнѣ, говорилъ мнѣ слѣдующее: Я стараюся всегда быть увѣдомленъ о тѣхъ людяхъ, которые подвержены ударамъ превращаго счастія, и будучи въ горести, не находятъ ни въ чемъ отрады, кромѣ отчаянія, а я въ такомъ случаѣ не могу ихъ оставить безъ утѣшенія.

Сестра моя увѣдомила меня о твоемъ состояніи; ты лишился двухъ благодѣтелей и отца, которыхъ ты всѣхъ равно почиталъ. Что ты печалишься объ ихъ кончинѣ, сіе похвально, и ты тѣмъ показываешь чувствительную къ нимъ благодарность; но когда сожалѣніе о нихъ производитъ въ тебѣ отчаяніе, сіе знакъ малодушія. Всякое несчастіе должны мы сносить великодушно, и человѣкъ для того принимаетъ свое бытіе, чтобъ испытать ему всѣ коловратности сего свѣта: ибо всякое въ ономъ несчастіе чѣмъ оно свирѣпѣе, тѣмъ больше служитъ человѣку въ исправленію, и смиряя его уготовляетъ ему будущее блаженство. Мы тогда, когда не бываемъ довольны, возсылаемъ на небо жа-

лобу, негодуемъ на опредѣленіе и сѣтуемъ о недолгомъ нашемъ безпокойствѣ; проклинаемъ нашу жизнь и безразсудно ропщемъ на Создателя, не предвидя или не разумѣя, что Онъ все на пользу нашу строитъ. Премилосердое и справедливое существо захочетъ ли для такой бѣдной твари, каковы мы, быть когда нибудь свирѣпымъ? Гнѣвъ его не можетъ умѣститься во всей вселенной, если мы раздражимъ его милосердіе нашими неистовствами: но и тогда Вседержитель нашъ отпуститъ намъ грѣхи наши, а не истребитъ насъ до конца. И такъ приписуя наши несчастія, въ которыя мы впадаемъ сами собою, Божіему произволенію, или думаемъ, что оно насъ наказываетъ, погрѣшаемъ прогнивъ его, и въ заблужденіи нашемъ не видимъ своего малоумія. Мы всегда стремимся къ счастію, и просимъ Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ насъ его участниками въ нашей жизни; но если и спросишь хотя одного, что есть счастіе, и въ чемъ онъ его заключаетъ, и чего проситъ; то тогда и откроется, что онъ и самъ не знаетъ, чего желаетъ. На семъ свѣтѣ нѣтъ ничего для насъ по-

лезнаго, кромѣ добродѣтели и премудрости; но врожденное стремленіе имѣемъ мы къ сисканію благополучія съ начала нашей жизни, и всякую минуту ищемъ онаго; только оно покажется намъ въ будущей жизни, а не здѣсь, да и тому, кто онаго достоинъ явится. Начало нашего бытія стремится всякой часъ къ окончанію, а конецъ сей есть благополучіе, для котораго раждаемся мы всѣ. Добродѣтельной и боголюбивой человѣкъ достигаетъ онаго скорѣе, нежели тотъ, которой ведетъ жизнь свою въ порокахъ и опятчаетъ неистовствомъ природу.

Ты теперь свѣтуешь, что лишился своего счастія, котораго ты истинно не имѣлъ и имѣть никогда не можешь, потому что нѣтъ ево на семъ свѣтѣ. Люди даютъ имя сіе богатству, и тѣмъ погрѣшаютъ сами противъ себя: ибо получивъ оное получаютъ съ нимъ всякое безпокойство; другіе именуютъ онымъ высокія степени, а наипаче престолъ: но сколько великіе господа претерпѣваютъ печали, о томъ уже всѣ извѣстны. Мудрѣйшіе даютъ сіе имя мудролюбію, спокойствію души; но сіе спокойствіе ничто иное, какъ преддве-

рѣ къ счастїю, а прямаго благополучїя ни одинъ смертной не только получишь, но и вообразишь не можешь.

И такъ не разумно сожалѣешь о томъ, чего мы не имѣли; такое самопроизвольное страданїе не будетъ согласоваться съ мудростию, и такое сѣтованїе можетъ назватися безразсуднымъ. Останки нашего великодушїя исчезаютъ припоминанїями несчастныхъ случаевъ, и приводятъ наконецъ въ отчаянїе: чего ради всѣми силами надлежитъ стараться отваживать себя искать душевнаго спокойствия, ибо одно оно только можетъ сдѣлать насъ нѣсколько совершенными. Ты сѣтуешь теперь о потерянии своего отца и двухъ благодѣшелей, оплакиваешь ихъ кончину и сожалѣешь объ нихъ; но мнѣ кажется, ты ихъ тѣмъ оживить не можешь; и такъ надобно радоватися, что они оставили всѣ суеты сего свѣта и наслаждаются сладкимъ упокоенїемъ въ блаженныхъ Елисейскихъ поляхъ. Не ушто ты желаешь, чтобъ они приняли опять здѣшнее бытїе для того, чтобъ терзатися столько же, сколько терзались они въ прошедшей своей жизни? Ето ли знакъ

твоей къ нимъ любви? Повѣрь мнѣ, что хотябъ ты и звалъ ихъ оттуда и могъ ихъ опять оживить, то они сами не захотятъ этого; и такъ слѣдственно, что стенаніемъ своимъ ты ихъ только оскорбляешь. Пожалуй оставь ненужную свою печаль, и старайся лучше употребить остатки своего вѣка на снисканіе добродѣтели и на покровительство бѣдныхъ людей; прибѣгай чаще молитвами къ Творцу вселенныя, проси его о низпосланіи тебѣ способовъ къ полученію честныхъ нравовъ, любви къ добродѣтели, коими тщися пріобрѣсти путь къ блаженной кончинѣ.

Въ такихъ и подобныхъ симъ разговорахъ прошла у насъ съ нимъ цѣлая ночь, и первое сіе свиданіе уменьшило нѣсколько моей горести; потомъ всякой вечеръ посѣщалъ я сего добродѣтельнаго и разумнаго мужа, и всякой часъ получалъ новыя облегченія совѣтами его въ моей печали; и наконецъ не въ весьма долгое время искоренилъ онъ совсѣмъ мою печаль. Я слушалъ его наставленія съ великимъ прилѣжаніемъ и пріятностію, и начертывалъ ихъ въ моемъ сердцѣ; частое мое съ нимъ обхожденіе

вселило въ меня неописанную къ нему любовь; разумъ его и добродѣтель сдѣлали во мнѣ къ нему сердечное пристязанїе; я нашелъ въ немъ моего отца и обѣихъ моихъ благодѣтелей. Напослѣдокъ не хотѣлось уже мнѣ его никогда и оставить; и такъ я положилъ, чтобъ препровождать съ нимъ жизнь мою до самаго его скончанїя, что послѣ дѣйствительно и сбылось.

Почувствовавъ въ сердцѣ моемъ необычайную къ нему склонность, и наполнившись истинною любовїю, не бывалъ уже никогда съ нимъ розно. Нѣкогда вечеромъ, когда я имѣлъ съ нимъ разсужденїе о преселенїяхъ душъ, и на какой конецъ имѣетъ человѣкъ свое бытїе, и когда мы были въ серединѣ онаго важнаго разговора: тогда нечаянно и безъ всякаго примѣчанїя взглянулъ я на его ногу, которая нѣсколько выставилась изъ-подъ долгой его епанчи. Вдругъ овладѣло мною чрезвычайное удивленїе, которое привело меня въ сильное движенїе: я не зналъ, какъ мнѣ растолковать мое привидѣнїе; нога его была обута въ женской башмакъ, да притомъ же и сама казалась женскою. Чтобъ

скрыть мое смятеніе, тотчасъ принялъ я на себя спокойной видъ. Прежде я не инако думалъ объ немъ, какъ о пустынникѣ, и не старался примѣчать того, что не входило совсѣмъ въ мою мысль; а тогда началъ я разсматривать его руки, которыя, какъ помню, прежде онъ отъ меня скрывалъ; а я, не имѣя ни малаго подозрѣнія, совсѣмъ о томъ не догадывался. По счастію моему сдѣлалъ онъ тогда, разговаривая такое движеніе, что открылъ свою правую руку, на которую тотчасъ любопытные глаза мои устремились. Рука сія показалась мнѣ наипрелестнѣйшею рукою женскою, и я увидя оную затрепеталъ, не зная самъ отъ чего; и какъ любопытство мое уже не упускало ничего, тогда и голосъ его показался мнѣ нѣжнымъ, хотя пустынникъ и старался произносить его съ нѣкоторымъ напряженіемъ, чтобъ тѣмъ онъ походилъ на мужеской. Сколько ни слабо было сіяніе отъ лампадъ, однако глаза мои примѣтили между бѣлыми бровями и сѣдою бородою такую нѣжность и красоту лица, которыя совсѣмъ перемѣнили мои мысли и обратили дружество мое къ

нему въ пріязнь совсѣмъ другаго роду.

Сей вечеръ разстался я съ нимъ не такъ какъ обыкновенно. Собесѣдникъ мой примѣтя, можетъ быть, во мнѣ смущеніе, всталъ не окончавъ разговора и пошелъ поспѣшно въ свою комнату, а я остался разсуждать еще въ пущемъ смятеніи. Однакожъ не долго въ ономъ находился: знакомица моя пришла тогда ко мнѣ и извиняла своего брата, что онъ не возвратился ко мнѣ, чему причиною, сказывала, застигшее его важное дѣло; потомъ завела со мною разговоръ, котораго хотя начало было постороннее, однако конецъ клонился къ тому, чтобъ выѣдать изъ меня, не былъ ли я въ кого влюбленъ, и нѣтъ ли теперь у меня любовницы. Что не бывало у меня оныя, то говорилъ я ей правду; а на что было такое сдѣлано предложеніе, того еще тогда постигнуть я не могъ. Поговоря она со мною совсѣмъ о другомъ, пожелала мнѣ спокойной ночи и простилась до другаго свиданія.

На другой день съ превеличайшею нетерпѣливостію желалъ я увидѣть моего наставника: минуты казались мнѣ безъ него часами; но и онъ не менѣе

скрыть мое смятеніе, тотчасъ принялъ я на себя спокойной видъ. Прежде я не инако думалъ объ немъ, какъ о пустынникѣ, и не старался примѣчать того, что не входило совсѣмъ въ мою мысль; а тогда началъ я разсматривать сво руки, которыя, какъ помню, прежде онъ отъ меня скрывалъ; а я, не имѣя ни малаго подозрѣнія, совсѣмъ о томъ не догадывался. По счастію моему сдѣлалъ онъ тогда, разговаривая такое движеніе, что открылъ свою правую руку, на которую тотчасъ любопытные глаза мои устремились. Рука сія показалась мнѣ наипрелестнѣйшею рукою женскою, и я увидя оную затрепеталъ, не зная самъ отъ чего; и какъ любопытство мое уже не упускало ничего, тогда и голосъ его показался мнѣ нѣжнымъ, хотя пустынникъ и старался произносить его съ нѣкоторымъ напряженіемъ, чтобъ тѣмъ онъ походилъ на мужеской. Сколько ни слабо было сіяніе отъ лампадъ, однако глаза мои примѣтили между бѣлыми бровями и сѣдою бородою такую нѣжность и красоту лица, которыя совсѣмъ перемѣнили мои мысли и обратили дружество мое къ

нему въ пріязнь совсѣмъ другаго роду.

Сей вечеръ разспался я съ нимъ не такъ какъ обыкновенно. Собесѣдникъ мой примѣтя, можетъ быть, во мнѣ смущеніе, вспалъ не окончавъ разговора и пошелъ поспѣшно въ свою комнату, а я оспался разсуждать еще въ пущемъ смятеніи. Однакожъ не долго въ ономъ находился: знакомица моя пришла тогда ко мнѣ и извиняла своего брата, что онъ не возвратился ко мнѣ, чему причиною, сказывала, застигшее его важное дѣло; потомъ завела со мною разговоръ, котораго хотя начало было постороннее, однако конецъ клонился къ тому, чтобъ выѣдать изъ меня, не былъ ли я въ кого влюбленъ, и нѣтъ ли теперь у меня любовницы. Что не бывало у меня оныя, что говорилъ я ей правду; а на что было такое сдѣлано предложеніе, того еще тогда постигнуть я не могъ. Поговоря она со мною совсѣмъ о другомъ, пожелала мнѣ спокойной ночи и проспилась до другаго свиданія.

На другой день съ превеличайшею нетерпѣливостію желалъ я увидѣть моего наспавника: минуты казались мнѣ безъ него часами; но и онъ не менѣе

хотѣлъ со мною свидѣться; и такъ прислалъ за мною своего служителя прежде обыкновеннаго времени. Когда я къ нему пришелъ, то начались у насъ обыкновенные съ нимъ разговоры; но которые текли у него уже смѣшенно: много разъ перерывался они у него не у мѣста, и голосъ его притомъ трепеталъ; потомъ сдѣлавъ движеніе и смѣшенное восклицаніе: ну! сказалъ онъ, пора мнѣ дѣлать превращеніе и вывесть тебя изъ заблужденія, которое причиняла тебѣ моя ряса. Выговоря сіе скинулъ съ себя во мгновеніе рясу, шапку, бороду и сѣдыя брови. Тогда изъ угрюмаго пустынника предстала передо мною напрелестнѣйшая красавица. Едва прелести ея кинулись въ мои глаза, я обмеръ, сердце мое трепетало, смущенные мои глаза остановили на лицѣ ея свое движеніе; мысли мои, прельщенные ея заразами, пресѣкли входъ другимъ воображеніямъ; и однимъ словомъ, я ничего не слышалъ и не видѣлъ кромѣ ее, и сидѣлъ окаменѣлымъ, устремя не все торопливые мои взоры.

Преобратившаяся моя красавица примѣтя во мнѣ сіе смущеніе, прервала са-

ма мое молчаніе. Тебѣ непремѣнно должно показаться удивительнымъ мое превращеніе: я ѣдному вѣрю, и въ томъ соглашаюсь; но когда ты услышишь причины, побудившія меня къ оному, то конечно перестанешь тогда ему удивляться; и вотъ причина, побудившая меня къ сему чудному превращенію. По славѣ твоихъ изрядныхъ качествъ и добродѣтелей узнала я о тебѣ уже давно, и имѣла къ достоинствамъ твоимъ всегда почтеніе; потомъ увѣдомилась о всѣхъ твоихъ обстоятельствахъ, что ты Славянинъ и здѣсь иностранецъ; что ты лишился двухъ благодѣтелей, и наконецъ своего родителя; что ты впалъ отъ того въ прискльную печаль; что возненавидя свѣтъ и непостоянное его счастіе, пришелъ въ такое странное отчаяніе, что хотѣлъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, оставя человѣческое обхожденіе, удалишься въ уединеніе, и уже принялъ къ тому мѣры.

Тогда я побуждаема будучи человѣколюбіемъ и славою твоихъ достоинствъ, захотѣла вывесть тебя изъ твоего заблужденія; но разсуждая о способахъ къ тому, не находила ихъ, потому что

ежели бы я стала тебя увѣщевать въ такомъ образѣ, въ какомъ теперь нахожусь, что непремѣнно бъ ты меня не послушалъ; а что больше всего, чтобъ могла я впасть чрезъ сіе въ оковы злословія, да и ты бы самъ не инако оное счелъ, какъ признакомъ или моего неразумія, либо тщеславія, или же знакомъ моей къ тебѣ любви, которая хотя сама по себѣ ни мало не подвержена порицанію; но злословцы дали бы ей непремѣнно имя беззаконія. И такъ видя себя съ сей стороны неспособною подать тебѣ помощь, прибѣгнула я къ сей хитрости изъ одного сожалѣнія къ человѣку, чтобъ превратился въ пустынника и человѣка, живущаго подъ закономъ строгія добродѣтели, познались съ тобою, и отвлечь тебя отъ твоего страннаго намѣренія, доказавъ тебѣ заблужденія смятенныхъ твоихъ мыслей. Намѣреніе мое мнѣ удалось; и такъ я теперь довольна, исполнила должность, такъ чтобъ заслужить отъ тебя имя пріятельницы, коею хочу я быть тебѣ отъ искренняго сердца.

Представъ себѣ, продолжалъ Славуронъ обратяся къ Силославу, каково

тогда было мое удивленіе по выслушаніи ея рѣчей. Я почти не вѣрилъ самъ себѣ, что все то слышалъ, и на нее смотрѣлъ; я не могъ себѣ вообразить, чтобъ женщина въ ея лѣты могла вмѣщать въ себѣ такую добродѣтель и разумъ для спасенія ближняго своего отъ напасти; напослѣдокъ оправясь отъ моего смятенія благодарилъ ей наичувствительнѣйшимъ образомъ, прося ее и впередъ продолжать ко мнѣ свою благосклонность, за которую обѣщалъ ей во вѣкъ остаться преданнѣйшимъ ея слугою.

Но я уже не одну чувствовалъ къ ней тогда благосклонность: прелесть ея лица, добродѣтель и разумъ лежая въ удивленныхъ моихъ мысляхъ, производили въ сердцѣ моемъ неугасимый пламень; и я уже не тотъ былъ больше Славурэнъ, которой стремился бѣжать въ пустыню. Все мое сердце и мысли прилѣпилися къ прекрасной моей правоучительницѣ: разлученіе минутное съ нею казалось мнѣ ужаснымъ гробомъ и зборищемъ всѣхъ напастей; и такъ опредѣлилъ себя стараться узнать ея обо мнѣ мысли, и выѣдать, не любовь

ли была причиною стараніе ея объ удержаніи меня въ свѣтѣ.

Предпріявъ сіе намѣреніе вникалъ я во всѣ ея рѣчи; но противу желанія моего находилъ въ нихъ неизъяснимую скромность. Наконецъ доведя разговоръ до ея состоянія, просилъ ее, чтобъ она удостоила меня объявленіемъ обстоятельствъ, касающихся до ея жизни. Прозьба моя безъ отговорокъ была удовольствована. Я, говорила она, уроженица города Аѳинъ: отецъ мой имѣлъ тамъ санъ священника Палладина. Нѣкогда пришелъ въ домъ нашъ иностранецъ, подъ видомъ, чтобъ просить отца моего принесть Аѳинѣ обѣщанную имъ жертву; но въ самомъ дѣлѣ желаніе его было увидѣть меня и свесть съ отцемъ моимъ знакомство, чтобъ чрезъ то получить свободной входъ въ нашъ домъ. Онъ былъ житель здѣшняго города, и начальникъ Легіона; въ Аѳинахъ былъ онъ тогда для нѣкотораго дѣла по повелѣнію здѣшняго Кесаря: онъ меня по праздникамъ видывалъ въ Минервиномъ храмѣ и влюбился въ меня. И такимъ образомъ сведши потомъ съ родителемъ моимъ хорошее знакомство,

зачалъ за меня свататься. Отецъ мой зная его достоинство и добродѣтель, безъ всякихъ отговоровъ на то согласился. Свадьба наша была сыграна благополучно, и по нѣсколькихъ послѣ оныя дняхъ отправя мужъ мой положенное на него отъ Кесаря дѣло, возвратился въ свое отечество; напослѣдокъ по полугодномъ со мною сожитіи, будучи въ походѣ противъ варваровъ, убитъ на сраженіи; и такъ я осталась вдовою и наслѣдницею всего его имѣнія, потому что другихъ кромѣ меня наслѣдниковъ у него не было. Вотъ вся моя исторія, примолвила она мнѣ, и я уже мѣсяца съ два вдовою.

По окончаніи своей повѣсти разговаривала она со мною о вещахъ посторонныхъ; а я напротивъ того будучи мучимъ любовію, не думалъ уже болѣе ни о чемъ кромѣ моей страсти; покушался тысячу разъ открыть ее моей побѣдительницѣ, но робость и стыдъ и важной ея видъ всегда меня удерживали отъ исполненія онаго. По крайней мѣрѣ старался я открыть оную околичностями, и оными же взаимнымъ образомъ и отъ нее получалъ. Такимъ успѣхомъ

хищростии моей будучи ободренъ, хотѣлъ было ей настоящее сдѣлать открытіе; но наступившая глубокая полночь помѣшала моему благополучію. Обладательница моя не давъ мнѣ докончить начатыхъ мною словъ, вскала поспѣшно со стула, и пожелавъ мнѣ доброй ночи, оставила меня въ пущемъ прежняго смятенїи; послѣ чего и я пошелъ домой кленя несчастливую мою участь, сдѣлавшую меня на всегда игралищемъ счастїя,

А я въ ето время перестalъ повѣствовать мои росказни, по тому что первой часъ ночи объявилъ намъ, что по Ипнову указу не должно было болѣе не дремлючи сидѣть; и такъ пошелъ я къ своей постелѣ,

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЪ 9.

Продолженїе Славуроновыхъ приключенїй.

Пришедши домой, продолжалъ Славуронъ, бросился я въ постелю; но

не для вкушенія сладкаго сна, а чтобъ отдашься волѣ моихъ мыслей, которыя всеминутно накладывали на меня крѣпчайшія любви оковы. Наконецъ по долгомъ размышленіи покрылъ меня Морфей своими крыльями; и едва я заснулъ, какъ прелестный призракъ представилъ передъ меня обожаемую мною красавицу. Сердце мое наполнялося восхищеніемъ, я бросился къ ея ногамъ и готовился изъяснить все мое чувствіе, какъ вдругъ вскрутившійся вихрь похитилъ ее изъ глазъ моихъ. Я закричалъ, и въ самое то время вошелъ ко мнѣ мой служитель и докладывалъ мнѣ, что незнакомой человѣкъ желаетъ со мною видѣться. Я его приказалъ впустить; служитель мой его кликнулъ, и незнакомой подалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія, которое я еще и до сихъ поръ помню: „Что я тебя любила Славуронъ, оное „доказали всѣ тебѣ мои поступки; но „я видѣла, естьли только не обманы„валася, что и ты ко мнѣ то же чув„ствуешь. Я было опредѣлила скоро „уже увѣнчать нашу страсть, и дока„зала бы тебѣ, что я стою твою

„быть: я не Аѳинянка и не жрецова „дочь, какъ тебя вчера увѣряла, а зна„тнаго въ здѣшнемъ городѣ господина; „по жестокіе случаи воспротивились „моему желанію. Прости Славуронъ! я „ѣду, судьба лишаетъ меня твоего при„сутствія и влечетъ въ неизвѣстную „мнѣ дорогу; но естьли ты меня пря„мо любишь, то будешь искать меня „и на краю свѣта, Прости! и помни „то, что я тебя люблю.

Ахъ! вскричалъ я тогда, ужасной громъ не можетъ сильнѣе поразить, сколько я былъ пораженъ жестокимъ симъ извѣстіемъ. Теченіе крови моей остановилось, грудь моя спиралася вздохами, лице обливалося слезами, и я не инакимъ споялъ, какъ приговореннымъ на казнь Въ такомъ плачевномъ будучи состояніи едва черезъ часъ могъ собрать расточенныя мои мысли и оборотившись къ письмоносцу спрашивалъ его, откуда онъ ево письмо получилъ, и кто ему его далъ? Я, отвѣтствовалъ онъ, имѣлъ нужду быть сего дня рано въ предмѣстіи города; и когда исправя оную возвращался въ городъ, тогда поравнялась со мною дорожная

не для вкушенїя сладкаго сна, а чтобъ отдашься волѣ моихъ мыслей, которыя всеминутно накладывали на меня крѣпчайшїя любви оковы. Наконецъ по долгомъ размышлении покрылъ меня Морфей своими крыльями; и едва я заснулъ, какъ прелестный призракъ представилъ передъ меня обожаемую мною красавицу. Сердце мое наполнялося восхищеніемъ, я бросился къ ея ногамъ и готовился изъяснить все мое чувство, какъ вдругъ вскрутившїйся вихрь похитилъ ее изъ глазъ моихъ. Я закричалъ, и въ самое то время вошелъ ко мнѣ мой служитель и докладывалъ мнѣ, что незнакомой человѣкъ желаетъ со мною видѣться. Я его приказалъ впустить; служитель мой его кликнулъ, и незнакомой подалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанїя, которое я еще и до сихъ поръ помню: „Что я тебя любила Славуронъ, оное „доказали всѣ тебѣ мои поступки; но „я видѣла, естьли только не обманы„вался, что и ты ко мнѣ то же чув„ствуешь. Я было опредѣлила скоро „уже увѣнчать нашу страсть, и дока„зала бы тебѣ, что я стою твою.

„быть: я не Аѳинянка и не жрецова „дочь, какъ тебя вчера увѣряла, а зна„тнаго въ здѣшнемъ городѣ господина; „но жестокіе случаи воспротивились „моему желанію. Прости Славуронъ! я „ѣду, судьба лишаетъ меня твоего при„сутствія и влечетъ въ неизвѣстную „мнѣ дорогу; но естьли ты меня пря„мо любишь, то будешь искать меня „и на краю свѣта, Прости! и помни „то, что я тебя люблю.

Ахъ! вскричалъ я тогда, ужасной громъ не можетъ сильнѣе поразить, сколько я былъ пораженъ жестокимъ симъ извѣстіемъ. Теченіе крови моей остановилось, грудь моя спиралася вздохами, лице обливалося слезами, и я не инакимъ споялъ, какъ приговореннымъ на казнь Въ такомъ плачевномъ будучи состояніи едва черезъ часъ могъ собрать расточенныя мои мысли, и оборотившись къ письмоносцу спрашивалъ его, откуда онъ ево письмо получилъ, и кто ему его далъ? Я, отвѣтствовалъ онъ, имѣлъ нужду быть сего дня рано въ предмѣстіи города; и когда исправя оную возвращался въ городъ, тогда поравнялась со мною дорожная

карети, изъ коей закричали возницѣ, чтобъ онъ остановился, а послѣ и меня приклицали къ каретѣ; въ оной сидѣли двѣ женщины, одна изъ нихъ въ самомъ цвѣтѣ молодости; а другая уже въ довольныхъ лѣтахъ, которая спрашивала меня, знаю ли я тебя? Я ей отвѣтствовалъ, что хотя тебѣ никогда не бывалъ знакомъ, только по славѣ имени твоего о тебѣ извѣстенъ. Тогда старая женщина говорила мнѣ, что ты ея племянникъ, и просила меня отдать тебѣ это письмо и извинить ее, что она безъ прощенія съ тобою разстается, по тому что этого ей сдѣлать не можно; да и подлинно не льзя ей было никакъ изъ кареты отлучиться, продолжалъ рѣчь свою незнакомецъ, по тому что окружали оную шесть вооруженныхъ конниковъ, которые и меня на силу допустили къ каретѣ, и съ великой прозьбой и слезами старой женщины отпустили меня съ письмомъ къ тебѣ. Вотъ вся моя исторія, примолвилъ письмоносецъ, и поклонясь пошелъ отъ меня.

Я остался неподвиженъ, разумъ мой меня оставилъ и разсужденія мои

опѣ меня удалились, лишиться живо-
ша вѣ то время почиталѣ я небеснымѣ
даромѣ; но мнѣ уже и представлялось,
что смерть моя ко мнѣ приближается
и возносишѣ острую свою косу, чтобѣ
сѣчь меня и свергнуть вѣ мрачное
Нево жилище. Напослѣдокѣ вышелѣ я
изѣ моего заблужденія, но чтобѣ оп-
дашься вѣ жесточайшую печаль; по-
томѣ вѣ отчаяніи моемѣ предпріялѣ я
ѣхать и искать ее по всему свѣту.
Приказалѣ тотчасѣ осѣдлать себѣ ко-
ня, и не разсуждая ни о приготовле-
ніи кѣ пути, ни о снабдѣваніи себя нуж-
нымѣ, сѣлѣ и поѣхалѣ не зная самѣ
куда. Смятеніе мое повсюду за мною
слѣдовало, и не оставило бы меня долго,
естьлибѣ шумѣ, сдѣлавшійся подлѣ ме-
ня, не разогналѣ его. Я поднялѣ глаза и
увидѣлѣ себя окруженнымѣ вооруженными
людьми, кои не медля ни мало схватили
меня сѣ моей лошади, посадили вѣ при-
готовленную коляску, завязали вѣ ней мнѣ
глаза, и потомѣ повезли меня; при-
чемѣ запрещали кричать и рваться,
естьли не хочу быть умерщвленѣ.
Сколько жизнь моя была ни несносна,
однакожѣ не хотѣлѣ я лишиться ее

отъ рукъ моихъ похитителей; и такъ ѣхалъ ни мало имъ не противясь.

Потомъ привезли меня въ темницу, которая показалась мнѣ ужаснѣе и самой смерти, и тутъ заключили. Я препроводилъ всю ночь въ великомъ ужасѣ, и не зналъ что мнѣ начать въ моей напасти. По утру вошелъ ко мнѣ начальникъ стражи темничной и объявилъ, что приказано содержать меня тутъ наистрожайшимъ образомъ. Я спрашивалъ его, въ чемъ я проступился, и за что долженъ терпѣть такое наказанїе? Но онъ мнѣ на то отвѣтствовалъ незнанїемъ, прибавляя къ тому, что онъ только то вѣдаетъ, что я обвиненъ, и что казнь совершится надо мною черезъ три дни. Сказавъ сїе вышелъ онъ вонъ и оставилъ меня утопать въ моемъ отчаянїи. Тогда горесть моя отъ часу прибавлялася, и неизвѣстная судьбина терзала мое сердце наилютѣйшимъ образомъ. Я отдался совсѣмъ снѣдающей меня тоскѣ, и положилъ коробко лишиться тревожной моей жизни, нежели ожидать на свѣтѣ по всякой часъ новаго страданїя.

Мало спустя потомъ услышалъ я стукъ у дверей моей темницы, я оглянулся къ нимъ, ожидая кто войдетъ; но какой ужасъ поразилъ мое сердце, когда узналъ я въ вошедшей ко мнѣ женщинѣ Вестону, наперсницу моей любезной! Я почти помертвѣлъ, и не зналъ что подумать: она была окружена стражею; печальное ея лице не предвѣщало мнѣ ничего добраго; въ смятеніи моемъ не могъ я ничего ей выговорить. Наконецъ она поглядѣвъ на меня глазами изъясняющими отчаяніе и страхъ: увы! возопила потомъ, несчастной Славуронъ! такъ и тебя никакъ судьба на то же осудила, на что и невинную Филомену. Какъ! перервалъ я скороспѣшно ея слова, не уже ли и Филомена содержится въ сихъ ужасныхъ мѣстахъ? Нѣтъ, продолжала Вестона; она уже въ царствѣ мертвыхъ. При сихъ словахъ разумъ меня оставилъ, и я уже не помнилъ, гдѣ я находился, жестокой обморокъ лишилъ меня всѣхъ чувствъ.

Спустя нѣсколько времени я очувствовался, раскрылъ упомленные мои глаза и увидѣлъ Вестону и стражу ея

старающихся мнѣ помочь. Оставьте вашъ трудъ, говорилъ я имъ ослабшимъ голосомъ, смерть въ семъ случаѣ для меня не ужасна, я ее почитаю небеснымъ даромъ. Увы! на что мнѣ жизнь лишенному Филомены? Она одна ее удерживала; а теперь болѣе она ни къ чему не служитъ, какъ только къ терзанію моего сердца и къ преданію тѣла моего на казнь неправеднаго суда. При сихъ словахъ слабость моя опять ко мнѣ возвратилась, и я пришелъ въ прежнее безпамятство; но попеченіе Вестонино скоро меня опять отъ того избавило. Успокойся, говорила она мнѣ, теперь не время тебѣ отчаяваться, а надобно стараться о избавленіи себя отъ грозящей смерти; потомъ она дала знать стражѣ, чтобъ она удалилась, что оная и учинила.

Тогда Вестона уменьшая свой голосъ говорила мнѣ такъ: естьлибъ я не старалась о твоей жизни, почитая тебя за высокія твои достоинства, и не боялась бы также и себя погубить; такъ на что бы мнѣ и приходить сюда о томъ тебя увѣдомить; но прежде всего хочу тебя увѣдомить

о несчастіи нашемъ. Ты ужъ вѣдаешь, что Филомена не Аѳинянка, а дочь знатнаго Вельможи сего города; но несчастіе не перестаетъ за людьми гнаться и при великихъ ихъ санахъ. Отецъ твоей любовницы имѣлъ у себя давнишняго непріятеля, которой завсегда старался его погубить. Оное ему нѣкоторыя дни и удалось: онъ оклеветалъ прошивника своего Кесарю, у котораго онъ въ великой милости. И такъ вчерашняго дня приказано надъ нимъ свершить казнь и умертвить ядомъ его дочь и всѣхъ домашнихъ; а тебя взяли подъ караулъ, какъ ихъ сообщника: ибо злодѣй нашъ ищетъ всѣхъ тѣхъ погубить, которые хоть чуть ему покажутся подозрительны. Я бы и сама уже давно была въ царствѣ Плутоновомъ, естьли-либъ не удержалъ жизни моей до сихъ поръ случай; о которомъ я тебя теперь же увѣдомляю.

Когда вчера насъ повезли на казнь, тогда къ окружающему насъ караулу прискакалъ человѣкъ, которой пошептавъ нѣчто начальнику нашей стражи опять уѣхалъ. Начальникъ не медля ни мало велѣлъ мнѣ выйти изъ каре-

ты, и посадя меня въ другую, которую велѣлъ тотчасъ сыскать, приказалъ меня везти въ сіи шемницы, въ коихъ я до вечера находилась никого не видя. Подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ объявленной начальникъ стражи, и приказалъ мнѣ изъ шемницы за собою слѣдовать. Выведши меня на дворъ, приказалъ подвезть карету, въ которую сѣвши со мною приказалъ ѣхать въ назначенное имъ мѣсто.

Такимъ образомъ пріѣхали мы въ городъ и остановились передъ самымъ великолѣпнымъ домомъ. Провожатой мой провелъ меня въ оной черезъ пошленную лѣсницу, и введши въ пошленную комнатку оставилъ меня одну. Мало спустя пошомъ вошла ко мнѣ дѣвица, которая по виду и платью своему показалась мнѣ дочерью знатнаго господина, въ чемъ я и не обманулась. Я поклонилась ей очень низко, и положила отъ нее ожидать прерванія молчанію. На поклонъ мой отвѣтствовала она мнѣ своимъ; потомъ сѣвши въ кресла приказала и мнѣ сѣсть. Я отговаривалась, однако она меня принудила; по-

шомъ помолчавъ нѣсколько начала она такъ:

Поступокъ мой покажется, можетъ быть, тебѣ страннымъ, и кто не любилъ, тотъ сочтетъ его безразсуднымъ и непотребнымъ, а знающій сильную руку Ерошову найдетъ его конечно извиненія достойнымъ. Я тебѣ признаюсь, люблю и любовь причиною твоего освобожденія отъ смерти. Знай, я дочь того, кто причиною несчастія вашего дому: мой отецъ погубилъ твоего господина, дочь его и всѣхъ сродниковъ и служителей, въ которомъ числѣ и ты была бы, естьлибъ я тебя не избавила.

Услышавъ сіе бросилась я къ ея ногамъ и благодарила ее за великодушное ко мнѣ покровительство, а она поднявъ меня продолжала такъ: Да, Весѣнна, ты теперь мнѣ обязана своею жизнію, а я тебѣ буду своей, естьли ты пособишь моему предпріятію: слушай, я люблю Славурона, и полюбила его съ тѣхъ самыхъ поръ, когда покойная твоя госпожа начала его любить. Я знала, что и онъ ее любитъ; и такъ не надѣясь когда искоренить изъ серд-

ца его такой страсти, коя одною смер-
тію изгоняется, старалась и свою къ
нему скрывать и умѣрять; но теперь
смерть Филоменина воздвигла ее на
высочайшую степень надежды, и ласка-
юсь, что помощію твоею могу полезо-
ваться его нѣжною любовію, которую
онъ ощущалъ къ моей совмѣстницѣ, и
кою теперь пишешь ему къ ней безпо-
лезно и поздо.

Окончавъ свою рѣчь она замолча-
ла и ожидала отъ меня отвѣта; а я
не знала, что ей сказать, нечаянное
ея открытіе смутило меня несказан-
но; наконецъ, боясь ее прогнѣвать дол-
гимъ молчаніемъ, отвѣтствовала ей
такъ: милость твоя, государыня, ока-
занная мнѣ въ спасеніи моей жизни,
столь для меня велика, что я не пе-
рестану во весь мой вѣкъ ее чувство-
вать и молить Бога, чтобъ они
наградили тебя за нее стократно.
Что же касается до Славурона, то я
хотя охотно желаю тебѣ услужить,
но не знаю, какъ сіе дѣло начать:
первое то, что я въ заключеніи, и не
могу его сыскать - - - - Нѣтъ, перехва-
тила она, ты его можешь завтра же

найти: ибо онъ по приказу моего родителя взятъ и посаженъ въ ту же темницу, въ которой и ты находилась; ты можешь къ нему завтра пойти и объявить, что я его люблю, и что спасеніе жизни его зависитъ отъ сохраненія его на мою любовь; впрочемъ ни ты, ни онъ безъ сего не останешься живы. Сказавъ сіе, она ушла и оставила меня въ ужасѣ, жесточайшемъ прежняго.

Потомъ вскорѣ послѣ сего пришелъ ко мнѣ начальникъ стражи, и отвезъ меня опять въ сію темницу, подтверждая мнѣ слова госпожи своей; а сего дня по приказанію приведена я къ тебѣ, чтобъ извѣстить тебя обо всемъ томъ, и получить на то отъ тебя отвѣтъ. Окончавъ свою рѣчь Весинона замолчала и ожидала отъ меня онаго.

Представь ты себѣ, примолвилъ Славуронъ, каково тогда было мое смущеніе? Мысли мои и такъ уже были устрашены темницею, а смерть любезной моей незнакомки почти лишила меня разума; но принужденіе отдать мое сердце другой, коея отецъ

лишилъ меня всего того, что льстило мнѣ на свѣтѣ, показалось отверстымъ адомъ. Я пришелъ въ ужасное бѣшенство, проклиналъ причинителя общаго нашего несчастія, оплакивалъ смерть моей возлюбленной, негодовалъ на ея совмѣстницу и выговаривалъ съ укоризною Вестонѣ за невѣрность ея къ своей госпожѣ, и за подлую робость къ смерти; потомъ приготовлялся великодушно умереть. Вестона съ своей стороны прилагала всѣ способы меня утѣшить и склонить на свое требованіе, не оставила ни ласкательства, ни слезъ, ни вздоховъ, которыми бы ей тронуть меня было возможно; но ни чѣмъ не могла поколебать меня, и такъ ушла, угрожая мнѣ скорою смертію. Я остался одинъ и призывалъ смерть, что бы она меня сама сразила, и лишила бы мнѣ стыда умереть подъ рукою палача.

Однако въ самое сіе время сонъ толкнулъ меня въ затылокъ такъ исправно, что началъ я дремать; и такъ сомкнувъ многоглаголивыя мои уста, оставилъ повѣствованія мои до другаго дня.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЪ 10.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

На другой день, когда я лежалъ на моей постелѣ, и наполнялъ голову мою страшными воображеніями о предстоящей моей кончинѣ, отворилась дверь моей темницы и множествомъ огней освѣтилося ужасное мое жилище; потомъ вошли четыре невольника одѣтые въ великолѣпное платье, которое несли четыре золотые подсвѣтника со множествомъ свѣчь; за ними слѣдовали нѣсколько другихъ, которые несли пребогатые золотые ковры, и оными тотчасъ услали подъ бѣдственнаго моего жилища; потомъ принесли покойныя сѣдалища покрытыя бархатомъ, а за сими слѣдовали еще нѣсколько и несли серебреную жаровню, которая благоухала разными ароматами, и уставили все оное вездѣ по надлежащему.

Все ето пріуготовленіе показалось мнѣ воображеніемъ, которое сонъ при-

чиняетъ намъ въ своихъ обѣщаніяхъ. Я думалъ, что ето одно только привидѣніе. Въ сихъ пребывая мысляхъ и не избавясь еще совсѣмъ отъ моего смущенія, вдругъ увидѣлъ я новое позорище представившееся моимъ глазамъ. Прекрасная и великолѣпно одѣтая дивица вошла ко мнѣ, въ препровожденіи нѣсколькихъ женщинъ, увидя меня сдѣлала мнѣ учтивое привѣтствіе и сѣла поспомъ въ приготовленныя кресла; а я съ моей стороны, желая ей отвѣтствовать, наклонился и упалъ безъ чувства на землю. Я не знаю, что онѣ со мною тогда дѣлали; но когда я очувствовался, то увидѣлъ, что пришедшая госпожа, Вестпона и невольники упражнялся въ томъ чтобъ подать мнѣ помощь. Увы! государыня моя, возопилъ я вѣтавши помогающей мнѣ госпожѣ, тщетно вы истощеваешь попеченія свои, подавая мнѣ не нужную помощь для спасенія живота моего. Я не хочу жить болѣе на свѣтѣ: онъ для меня несносенъ и ужасенъ, когда лишился я въ немъ того, что мнѣ болѣе жизни моей льстило... По семъ я замолчалъ и потупилъ глаза мои въ землю изъясняющіе глубокое мое сокрушеніе.

Я почитаю твою печаль справедливою, говорила мнѣ нѣсколько помолчавши незнакомая госпожа, она показываетъ твое доброе сердце и благодарность къ той, которая тебя любила страстно; но теперь не имѣешь ты нужды вдаваться въ нее столь много. Достоинства твои сыскали тебѣ другую обожательницу, которая не уступаетъ Филоменѣ ни внутренними, ни внѣшними качествами. Это я, продолжала, она нѣсколько закрасивъшись и дѣлая видъ и голосъ гораздо нѣжнѣе прежняго; я, которая съ усердіемъ хочетъ заступишь ея мѣсто, сдѣлать тебя владѣтелемъ моего сердца, имѣнія и достоинства. Ты уже знаешь, что я знатнаго отца дочь, и могу сдѣлать все, что только ни захочу, и думаю, что ты мою благосклонность не пренебрежешь, когда найдешь во мнѣ высочайшее твое счастіе; потомъ она замолчала и ожидала съ жаждущими глазами моего мнѣнія.

Я не хочу тебѣ изъяснять, продолжалъ Славуронъ, какими чувствіями наполнялось тогда тревожущееся мое сердце; отчаяніе, кончина моей возлю-

бленной, досадное открытіе, мщеніе за смерть моей любовницы и мое заключеніе разрывали оное на части и воздвигали чувство мое на всякое бѣдство. Въ семъ будучи огорченіи взглянулъ я на нее весьма презрительно, и сказалъ ей съ гордымъ видомъ, что прелести ея не только не въ состояніи привесть меня въ восхищеніе, но ниже выгнать изъ сердца моего огорченіе, а напротивъ того усугубля: въ во мнѣ желаніе скорѣе умереть, и тѣмъ избавиться отъ зрѣнія гнусныхъ убійцъ моей любовницы. Но семъ бросился я въ мою постелю и болѣе ничего не отвѣтствовалъ на всѣ ихъ ласкательства и просьбы. И такъ окончавъ она безплодно свое предпріятіе, пошла отъ меня съ великимъ гнѣвомъ, грозя мнѣ скорою смертію и мучительною казнію. Вестона оставшися со мною, старалась еще меня уговаривать; но наконецъ ушла болѣе посрамленною, нежели первая. Спустя нѣсколько времени увидѣлъ я Вестону опять со мною вмѣстѣ: она бросилась предо мною на колѣни и просила меня еще о томъ со слезами. Когда ты столько твердъ въ своей

любви, говорила она мнѣ проливая свои слезы, що по крайней мѣрѣ избавь меня невинную отъ мученія; прошу тебя хошь для этого сообщѣствовать на любовь новой твоей благодѣтельницы. Завтра конечно намъ умереть назначено. Оставь въ семъ необходимомъ случаѣ на время непоколебимую твою вѣрность къ Филоменѣ; избавь меня отъ смерти: извинятъ поступокъ сей всѣ люди и самая твоя совѣсть. Услышавъ имя моей возлюбленной, сердце мое окаменѣло, прогнало сожалѣніе о Весионѣ и вложило въ меня безстрашіе выступить изъ сего свѣта.

Наступившую ночь препроводилъ я всю въ превеличайшемъ безпокойствіи; смущенныя мои мысли и безпрестанно терзающееся сердце ни на одну минуту не имѣли отдохновенія. Я отважывалъ себя къ смерти, но природное чувствованіе вселяло въ меня ужасъ и трепетаніе; впрочемъ не думалъ я искать избавленія измѣною моей возлюбленной. Ужасная и плачевная для меня ночь сымала уже свой покровъ, и смертоносный день показывалъ свое лице; все покоилось къ своей отрадѣ, одне

только мое страждущее сердце наполнялось большимъ мученіемъ. На что я ни глядѣлъ, куда ни обращался и что ни воображалъ при близкой моей кончинѣ, мнѣ все казалося мило. Мимоидущіе люди, которыхъ могъ изъ темницы видѣть, казались мнѣ родными, и я всякаго облобызалъ мысленно; на конецъ и страшная моя темница сдѣлалась мнѣ милымъ обиталіемъ. Я оплакивалъ и то, что долженъ разстаться теперь съ нею. Когда я былъ наполненъ такими воображеніями, отворилась дверь моей темницы и вошли ко мнѣ неподобная моя благодѣтельница и противная взору моему измѣна; увидѣвъ ихъ пришелъ я безпамятство и упалъ отъ превеликаго смятенія на землю. Что онѣ мнѣ говорили и какъ старалися опять склонять меня, того уже я не чувствовалъ: онѣ были тутъ очень долго, и на конецъ такъ какъ и прежде, безъ всякаго успѣха оставили меня. Возвративъ опять слабыя мои чувства и спустя малое время, увидѣлъ я передъ собою начальника темничной стражи, который говорилъ мнѣ сквозь слезы, чтобъ я го-

иовился къ моей смерти, и что уже часъ тотъ наступаетъ. Услышавъ это запрялись и подогнулись мои ноги, кровь во мнѣ остановилась, блѣдность покрыла лице мое; я хотѣлъ говорить, однако языкъ мой не поворошился. И такъ возвѣститель моей кончины положилъ меня безчувственнаго на постелю.

Потомъ, когда я пришелъ нѣсколько въ себя, предсталъ мнѣ жрецъ и повелѣлъ, чтобы я сдѣлалъ послѣднее покаяніе Богу; что я не медля и исполнилъ; и когда настало опредѣленное время, принесли мнѣ бѣлую одежду, въ которой обыкновенно водили осужденныхъ на казнь, и въ нее меня одѣли. Когда уже я былъ совсѣмъ готовъ, тогда Весціона прибѣжавши ко мнѣ, упала къ моимъ ногамъ и просила меня со слезами, чтобы я согласился на ихъ представленіе, и чтобы я остался жить еще на свѣтѣ; и еще въ самое тоже время принесъ невольникъ мнѣ письмо отъ моей благодѣтельницы. Я взялъ его трепещущими руками, и сколько ни слабъ былъ въ моемъ разсужденіи, однако прочиталъ

его: оно было слѣдующаго содержанія, я и теперь еще его помню. Когда уже „ты не жалѣешь себя, то по край„ней мѣрѣ, прошу тебя, пожалѣй ту „невинную, которая теперь терзает„ся твоею смертію. Я чувствую муче„ніе въ моемъ сердцѣ, и можетъ быть „сама умру вмѣстѣ съ тобою. Прочитавъ его взглянулъ я на начальника темницы и сказалъ ему отчаяннымъ голосомъ: Ну! - - - уже ли время весть меня на казнь? При семъ словѣ приказалъ онъ воинамъ окружить меня; и такъ повели изъ темницы, и выведши изъ оной посадили въ украшенную карету, и закрывши всѣ стекла повезли въ неизвѣстную мнѣ дорогу.

Наконецъ ѣхавъ очень долго остановилася карета, растворили у оной двери и просили меня съ великимъ подобострастіемъ, чтобы я изъ нее вышелъ. Какъ только я выступилъ, начальникъ стражи и другой подобной ему господинъ взяли меня подъ руки и повели на великолѣпное крыльцо. Ты меня извинишь, примолвилъ Славуронъ, что я сомнѣнно ещо буду тебѣ разсказывать, по тому что я въ то время

почти самъ себя не чувствовалъ. На крыльцѣ стояло множество господъ и встрѣчали меня какъ большаго и надобнаго человѣка; потомъ сдѣлавъ мнѣ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ дружеское привѣтствіе повели въ покои, которые убраны были весьма великолѣпно, и у которыхъ всѣ двери растворены были настежь. Когда я черезъ оные шелъ, провождаемъ встрѣтившими меня господами, невольники передо мною открывали стоящія по сторонамъ жаровни, которыя благоухали разными ароматами; впереди увидѣлъ я пребольшую залу и столъ накрытой на множество особъ весьма великолѣпной, какъ надобно быть Царскому браку. Перешедъ всѣ покои, какъ только я переступилъ черезъ порогъ въ украшенную разными и рѣдкими сокровищами мою залу, то вдругъ огромная музыка. - - -

При семъ словѣ я запнулся; сонъ дернулъ меня за языкъ и зжалъ мои губы. Тутъ надобно разказывать хорошенько, а мнѣ захотѣлось спать; и такъ оставилъ я описаніе своего великолѣпія до другаго вечера.

Иной можетъ быть нетерпѣливой охотникъ слушать сказки вознегодуетъ на сіе, что повѣсть перервана на такомъ мѣстѣ. Раскащикъ говоритъ, что сонъ ему виною; а сонъ глаголетъ, сочинителъ ему причина; а сочинитель высокою своею особою изволилъ предлагать, что раскащикъ виноватъ. Однако изъ трехъ изъ этихъ которое нибудь да правда; впрочемъ сочинитель окончавъ первую часть захотѣлъ нѣсколько успокоиться, чтобъ приняться ему за вторую съ свѣжими мыслями.

ТОЛЬКО ВЪ ЭТОЙ ЧАСТИ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ

СКАЗКИ.

ЧАСТЬ II.

изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Пономарева,
1789.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ

СКАЗКИ.

ЧАСТЬ II.

изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Пономарева.
1789.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ

СКАЗКИ.

ЧАСТЬ II.

изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Пономарева.
1789.

государевы, которые были прежде меня и послѣ, не имѣли такого успѣха. Впрочемъ при всемъ моемъ благополучіи, сердце мое не находило прямаго увесселенія, страдая о кончинѣ моей любовницы. Въ одно время, желая о томъ дѣйствительно выспросить, позвалъ я секретаря моего въ кабинетъ, и требовалъ отъ него чтобы онъ разсказалъ мнѣ свержеиіе любимца царскаго перваго министра; но онъ отвѣчалъ мнѣ: Государь! сколько я помнить могу, и сколько слышалъ и знаю всѣхъ министровъ, что въ Константинополѣ такого приключенія не бывало. Такъ ето неправда, вскричалъ я съ восхищеніемъ? министры всѣ здравствуютъ, и ни съ однимъ никакого несчастія не было? Справедливо, отвѣчалъ мнѣ секретарь. Тутъ мысли мои совсѣмъ перемѣнились и отчаянная любовь встрѣвожилась съ великою надеждою. Съ тѣхъ поръ я спалъ больше задумчивъ, безпокоенъ; ничто уже не могло увеселить меня, и я старался быть всегда уединеннымъ. Нѣкогда прохаживаясь въ придворномъ саду, встрѣтился я съ однимъ человѣкомъ, которой подалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія:

„ Несчастная Филомена благополуч-
„ ному Славурону желаетъ здравія.

„ Я нахожусь теперь въ семъ горо-
„ дѣ, и просила бы тебя, чтобъ ты
„ меня посѣтилъ, ежели еще остатки
„ твоей ко мнѣ любви тебѣ оное доз-
„ волятъ; но бѣдное мое состояніе и
„ порочная жизнь принуждаютъ меня,
„ чтобы я стыдилась моего неистовс-
„ тва. Прости на вѣки.

Какъ скоро я взглянулъ въ письмо, и увидѣлъ имя Филомены, бросился облобызать подателя письма, равно какъ будто бы ту, которая его писала. Прочитавъ его поспѣшно, просилъ я съ нетерпѣніемъ служителя, чтобы онъ проводилъ меня къ ней. Служитель извинялся передо мною, и представлялъ, что мнѣ въ тотъ домъ войти не можно безъ поврежденія моей чести; ибо, говорилъ онъ, живетъ она въ вольномъ домѣ. Я всюду слѣдую моей страсти, и ничего не опасаюсь, говорилъ я ему: проводи меня.

Ночь уже была въ полной силѣ, и такъ началъ я дремать, какъ и всѣ покойные граждане, и пересталъ разсказывать.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЪ 12.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Привелъ онъ меня въ самое бѣдное и послѣднее жилище, которое опредѣлено было для сраму и безчестія. Какъ только я вошелъ въ него, то кровь моя замерзла; бѣдность и нечестіе моей любовницы представлялись мнѣ во всей своей славѣ. Потомъ сѣлъ я въ размышленіи, и приказалъ привесть ее къ себѣ; но посланной объявилъ, что она показаться мнѣ не хочетъ, причиною чему стыдъ ея и раскаяніе: однако по долгомъ сопротивленіи вошла она ко мнѣ. Премилосердые боги! въ какомъ состояніи я ее увидѣлъ? платье ея состояло изъ шершавато и худаго рубища. Вмѣсто того, чтобъ мнѣ обрадоваться, облился я слезами, и сколько возможно, оплакивалъ ея состояніе; потомъ освободясь нѣсколько отъ великой моей горести, началъ увѣрять ее неистребленною моею любовію. Бѣдность твоя продолжалась,

говорилъ я ей, по этотъ часъ; есть ли еще остались въ тебѣ хотя малые знаки ко мнѣ горячности, то забудь ее, и будь со мною вмѣстѣ благополучна; оставь это жилище и перейди въ другое, которое я тебѣ назначу. Ты несчастлива тѣмъ, что жила въ такомъ состояніи; а я еще болѣе тебя несчастливъ, что имѣю злополучной случай видѣть тебя въ ономъ. Никакъ, говорила она, я недостойна того; я не для того желала тебя видѣть, чтобы ты возпамѣрился перемѣнить мое состояніе; жизнь моя порочна, и исправленія твои теперь уже не годятся, а желала я видѣть тебя для того, чтобъ представясь въ такомъ неистовомъ состояніи, омерзѣть предъ тобою и истребить слабые остатки твоей ко мнѣ любви. Ты не старайся исправлять меня; я опредѣлила себя безчестію, что можешь и тебѣ приключиться то же. Я все забываю, говорилъ я ей, и желаю видѣть тебя со мною. Я никакъ на то не соглашусь, и не старайся, сказала она.

Ты повѣрить не можешь Силославъ, сколько стоило мнѣ уговорить ее. На-

конецъ я сказалъ, что все презираю, и желаю быть съ нею вмѣстѣ. Выслушавъ сіе, бросилась она лобызать меня, и въ великомъ восхищеніи говорила: теперь терпѣніе и сомнѣніе мое кончилось, возлюбленной Славуронъ! я столько достойна быть твоею, сколько ты мнѣ вѣренъ. Я приношу тебѣ въ даръ сердце наполненное непорочностію; я вѣрна тебѣ и ничто не можетъ привесши меня на другія мысли. Не сожалѣй о моей бѣдности; я столько богата, что можно только вообразить, а не имѣть. Я въ семъ домѣ не за тѣмъ, чтобъ подражать въ немъ живущимъ, а предпріяла еще испытать тебя; ты вѣренъ мнѣ, того я и желала. Боги для меня милостивы, и я получаю тебя такого, котораго оставляла на время для извѣдованія: однако я раскажу обо всемъ пространно у себя въ домѣ; подожди нѣсколько меня; я переодѣнусь въ свое и приличное роду моему платье. Потомъ она оставила меня, и вскорѣ пришла одѣтою великолѣпно; и такъ сѣли мы въ карету, и пріѣхали на дворъ перваго того министра, котораго спараемъ и милостію получилъ я сіе до-

Когда я былъ при смерти, то и тогда не выходила изъ памяти моей Филомена. Проснувшись по утру, разсуждалъ я о сенаторѣ, и очень много погрѣшилъ моимъ мнѣніемъ противъ его добродѣтели; я думалъ, что онъ тотъ, которой истребилъ отца ея, и по прозьбѣ своей дочери сдѣлалъ меня счастливымъ. Когда я разсуждалъ о семъ, то прислалъ министръ за мною, чтобы я поѣхалъ съ нимъ во дворецъ. Одѣвшись очень поспѣшно, пошелъ къ нему, и поѣхали мы въ царской домъ. Кесарь принялъ меня весьма благосклонно и поздравилъ самъ въ новомъ моемъ чинѣ. Приглашенъ я былъ къ столу Кесареву, и въ немногихъ особахъ обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Во время нашего обѣда Государь не говорилъ ни съ кѣмъ больше, какъ со мною; я ему понравился столько много, что приказалъ онъ мнѣ жить во дворцѣ. Очень въ коротkое время сдѣлался я у него въ великой милости, и получилъ высокую степень. Когда Государь пожаловалъ меня своимъ другомъ, тогда я сдѣланъ былъ восначальникомъ, и имѣлъ столько счастія въ семъ случаѣ, что любимцы

скоро вошли въ шу комнату, гдѣ они находились, шо Кесарь взглянувъ на меня съ великимъ восторгомъ, говорилъ мнѣ: другъ мой Славуронъ! тебя я вижу въ семъ домѣ; конечно благополучной эпохъ день хочешъ увѣнчашь твою добродѣтель. Скажи мнѣ, сколько ты шеперь вѣселъ? Благополучіе твое совершается; я зналъ всю вашу шайну, и почишаю ее нѣкошорымъ провидѣніемъ боговъ, тебя счасшливымъ, а Филомену благополучною; ты долженъ шеперь оставишь всѣ твои безпокойсшва; прямое счасшіе шебя находишъ; будь вселъ и раздѣли радосшь твою со мною. Послѣ сихъ словъ благодарилъ я его онъ всей моей искренносши. Пошомъ пошли мы за сполъ, за кошорымъ ужинали всѣ пріяшели, всѣ друзья, и шакъ какъ будшо бы родились изъ одной упробы. Я никогда не видѣвалъ сполько веселымъ Государя, какъ въ это время; онъ, какъ мнѣ казалось, забавлялся и шѣмъ, чшобы въ другое время могло привесши его на гнѣвъ, чего однако шушъ не было. Въ полошинѣ нашей ужины, или къ окончанію оной, говорилъ онъ мнѣ: Славуронъ! мнѣ кажешся, шы не имѣешь при-

Когда я былъ при смерти, то и тогда не выходила изъ памяти моей Филомена. Проснувшись по утру, разсуждалъ я о сенаторѣ, и очень много погрѣшилъ моимъ мнѣніемъ противъ его добродѣтели; я думалъ, что онъ тотъ, которой истребилъ отца ея, и по прозьбѣ своей дочери сдѣлалъ меня счастливымъ. Когда я разсуждалъ о семъ, то прислалъ министръ за мною, чтобы я поѣхалъ съ нимъ во дворецъ. Одѣвшись очень поспѣшно, пошелъ къ нему, и поѣхали мы въ царской домъ. Кесарь принялъ меня весьма благосклонно и поздравилъ самъ въ новомъ моемъ чинѣ. Приглашенъ я былъ къ столу Кесареву, и въ немногихъ особахъ обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Во время нашего обѣда Государь не говорилъ ни съ кѣмъ больше, какъ со мною; я ему понравился столько много, что приказалъ онъ мнѣ жить во дворцѣ. Очень въ коротское время сдѣлался я у него въ великой милости, и получилъ высокую степень. Когда Государь наименовалъ меня своимъ другомъ, тогда я сдѣлан былъ восначальникомъ, и имѣлъ столько счастія въ семъ случаѣ, что любимцы

но всѣ они были безъ успѣха. Чѣмъ больше я старался склонять ее, тѣмъ больше чувствовала она ко мнѣ отвращенїе. Признаюсь, что я столько былъ славъ въ моей страсти, что ни въ одну минуту не могъ успокоиться; страстное мое сердце не позволяло никогда имѣть мыслямъ моимъ другаго воображенїя, какъ только обитала въ нихъ Филомена. Наконецъ по долгомъ мученїи, и когда уже начало разсужденїе колебать мою любовь, тогда предпрялъ я извѣститься отъ Филомены, кому она отдала свое сердце. Она мнѣ объявила, что обладаетъ имъ чужестранецъ Славуронъ. Въ то время безразсудная любовь совѣтовала мнѣ величаться моимъ саномъ; я представлялъ ей, что я Государь, а ты человѣкъ бѣдной: но послѣ увидѣлъ, что въ страсти этой пышное имя Царь столькоже велико, сколько и простой гражданинъ. Она не скрывала уже отъ меня ничего, и увѣдомила меня, что происходило у васъ въ увеселительномъ домѣ, какъ она воздержала тебя отъ твоего отчаянїя, какимъ образомъ съ тобою разсталась, и что уже ты находишся теперь въ темницѣ. Съ

сихъ поръ сдѣлался я участникомъ ва-
шей тайны, и предпрiялъ осудить те-
бя на смерть, чтобъ тѣмъ поколебать
твою вѣрность къ Филоменѣ, и послѣ
получить ея сердце. Въ сей для тебя
крайности просилъ я ея сестру, чтобы
она искушала тебя. Все было произве-
дено въ дѣйство, и шло изрядным по-
рядкомъ, но въ прочемъ не имѣло ни-
какого успѣха. Ты ошибчалъ съ презрѣ-
нiемъ на любовь покой твоей благодѣ-
тельницы, клялся вѣрностiю къ Фило-
менѣ, не смотря на то, что объявляли
тебѣ, что она уже мертвая; ты хо-
тѣлъ принести ей и въ царство мерт-
выхъ вѣрное сердце, шелъ безъ робости
на смерть, и еще желалъ скорѣе, не-
жели тебѣ назначено было. Все ето му-
чило меня несказанно; самолюбiе мое и
санъ мой совѣтовали мнѣ умертвить
тебя тайно; я признаюсь въ моей сла-
бости: но воля боговъ и врожденное
во мнѣ сожалѣнiе преодолѣли такое вар-
варство. Потребно мнѣ было укрѣплять-
ся, чтобъ не опорочить себя; началъ
наполнятся я великодушiемъ, хотя и
былъ къ тому неудобенъ. Силы меня по-
кидали: однако казался я бодръ и спо-

коенъ, и нынѣ столько превозмогъ себя, что желаю совокупить васъ бракомъ, чѣмъ докажу Славуронъ, что я тебѣ другъ. Неонъ на сто согласенъ, и мы уже съ нимъ условились.

Послѣ сихъ словъ я и Филомена бросились къ ногамъ Кесаря и Неона, благодарили ихъ, ожидая своего благополучія. Въ одинъ часъ все было расположено, и назначенъ день, въ которой предстать намъ въ храмъ. Всѣ наконецъ разъѣхались, а я выпросилъ позволеніе какъ у Государя, такъ и у Неона, остаться еще нѣсколько тутъ, чтобъ больше насладиться мнѣ отъ Филомены желаннымъ извѣстіемъ: также и она не меньшее имѣла желаніе увѣдомить меня обо всемъ. И такъ когда остались мы двое, то говорила она мнѣ слѣдующее: Теперь я столько въ тебѣ увѣрена, что увѣриться больше не можно, и съ охотою отдаюсь во власть твою; мнѣ казалось весьма страшно повѣрить себя мущинѣ, вѣдая, сколько нѣкоторые изъ васъ вѣтрены и непостоянны. Они предпринимаютъ все очень скоро, но еще скорѣе того отстаютъ отъ своего предпріятія, а ты не изъ

того числа, я тебѣ вѣрю. При первомъ моемъ свиданіи предпріяла я извѣдать, вѣренъ ли ты. И такъ выдумала эту хитрость, сказаться тебѣ другимъ именемъ, и послѣ объявить несчастіе моему отцу подъ прямымъ моимъ именемъ, чтобъ вѣроятнѣе тебѣ показалось. Послѣ, когда уже ты былъ въ темницѣ осужденъ на смерть, и не колебался въ твоей вѣрности, тогда я торжествовала надъ всѣми, которымъ мущины измѣняютъ. Послѣ того просьбою моею родитель мой принялъ о тебѣ стараться, и возвелъ тебя на высокую степень. Тутъ еще страстное мое сердце тому не вѣрило. Я думала, что такое великое достоинство и богатство можетъ истребить меня изъ твоей памяти, и такъ предпріяла я принять на себя неприличное имя и бѣдное платье, и тѣмъ тебя извѣдать, не возгордился ли ты передо мною. Однако милостію боговъ, и больше снисходительной Аѳродиты, все по моему желанію сдѣлалось. Ну! теперь уже довольно мы говорили о прошедшей нашей жизни, станемъ помышлять о будущемъ. И такъ разсуждали мы о наступающей нашей жизни прилично страстнымъ любовникамъ, разс-

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЪ 12.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Привелъ онъ меня въ самое бѣдное и послѣднее жилище, которое опредѣлено было для сраму и безчестія. Какъ только я вошелъ въ него, то кровь моя замерзла; бѣдность и нечестіе моей любовницы представлялись мнѣ во всей своей славѣ. Потомъ сѣлъ я въ размышленіи, и приказалъ привести ее къ себѣ; но посланной объявилъ, что она показаться мнѣ не хочетъ, причиною чему стыдъ ея и раскаяніе: однако по долгомъ сопротивленіи вошла она ко мнѣ. Премилосердые боги! въ какомъ состояніи я ее увидѣлъ? платье ея состояло изъ шерстянаго и худаго рубища. Вмѣсто того, чтобъ мнѣ обрадоваться, облился я слезами, и сколько возможно, оплакивалъ ея состояніе; потомъ освободясь нѣсколько отъ великой моей горести, началъ увѣрять ее неистребленною моею любовію. Бѣдность твоя продолжалась,

говорилъ я ей, по этотъ часъ; естьли еще осталисъ въ тебѣ хотя малые знаки ко мнѣ горячности, то забудь ее, и будь со мною вмѣстѣ благополучна; оставь это жилище и перейди въ другое, которое я тебѣ назначу. Ты несчастлива тѣмъ, что жила въ такомъ состояніи; а я еще болѣе тебя несчастливъ, что имѣю злополучной случай видѣть тебя въ ономъ. Никакъ, говорила она, я недостойна того; я не для того желала тебя видѣть, чтобы ты вознамѣрился перемѣнить мое состояніе; жизнь моя порочна, и исправленія твои теперь уже не годятся, а желала я видѣть тебя для того, чтобъ представясь въ такомъ неистовомъ состояніи, омерзѣть предъ тобою и истребить слабые остатки твоей ко мнѣ любви. Ты не старайся исправлять меня; я опредѣлила себя безчестію, что можетъ и тебѣ приключиться то же. Я все забываю, говорилъ я ей, и желаю видѣть тебя со мною. Я никакъ на то не соглашусь, и не старайся, сказала она.

Ты повѣрить не можешь Силославъ, сколько стоило мнѣ уговорить ее. На-

конецъ я сказалъ, что все презираю, и желаю быть съ нею вмѣстѣ. Выслушавъ сіе, бросилась она лобызать меня, и въ великомъ восхищеніи говорила: теперь терпѣніе и сомнѣніе мое кончилось, возлюбленной Славуронъ! я столько достойна быть твоею, сколько ты мнѣ вѣренъ. Я приношу тебѣ въ даръ сердце наполненное непорочностію; я вѣрна тебѣ и ничто не можетъ привести меня на другія мысли. Не сожалѣй о моей бѣдности; я столько богата, что можно только вообразить, а не имѣть. Я въ семъ домѣ не за тѣмъ, чтобъ подражать въ немъ живущимъ, а предпріяла еще испытать тебя; ты вѣренъ мнѣ, того я и желала. Боги для меня милостивы, и я получаю тебя такого, котораго оставляла на время для извѣдованія: однако я разкажу обо всемъ пространно у себя въ домѣ; подожди нѣсколько меня; я переодѣнусь въ свое и приличное роду моему платье. Потомъ она оставила меня, и вскорѣ пришла одѣтою великолѣпно; и такъ сѣли мы въ карету, и пріѣхали на дворъ перваго того министра, котораго стараніемъ и милостію получилъ я сіе до-

спокойство. Вотъ домъ моего отца, говорила она мнѣ, когда мы вѣзжали въ ворота. Сколько я этому дивился, мнѣ кажется и безъ описанія всякому вообразить возможно. Пошомъ вошли мы на крыльцо и въ покои; въ то время хозяина не было дома, а встрѣтила насъ ея родная сестра и Вестона. Сестра ея была та дѣвица, которая приходила ко мнѣ въ темницу искать моей склонности. Непонятное приключеніе! я желалъ съ нетерпѣливостію о семъ увѣдомиться: однако просили меня, чтобъ я нѣсколько потерпѣлъ, а потомъ желаніе мое будетъ удовольствовано. Ожидая ихъ родителя, препроводили мы время во взаимныхъ привѣтствіяхъ, и сіе свиданіе столько приключило мнѣ радости, что я почиталъ благополучіе мое безпримѣрнымъ; восхищеніе и надежда овладѣли моимъ сердцемъ, и наполнили желаніемъ.

Когда насталъ вечеръ и время подходило уже къ ужину, тогда объявили намъ, что хозяинъ съ Государемъ дожидается насъ въ своихъ покояхъ; мы не медля пошли всѣ трое къ нему. Какъ

скоро вошли въ ту комнату, гдѣ они находились, то Кесарь взглянувъ на меня съ великимъ восторгомъ, говорилъ мнѣ: другъ мой Славуронъ! тебя я вижу въ семъ домѣ; конечно благополучной этотъ день хочетъ увѣнчать твою добродѣтель. Скажи мнѣ, сколько ты теперь вѣсель? Благополучіе твое совершается; я зналъ всю вашу шайну, и почитаю ее нѣкоторымъ провидѣніемъ боговъ, тебя счастливымъ, а Филомену благополучною; ты долженъ теперь оставить всѣ твои безпокойства; прямое счастіе тебя находитъ; будь веселъ и раздѣли радость твою со мною. Послѣ сихъ словъ благодарилъ я его отъ всей моей искренности. Потомъ пошли мы за столъ, за которымъ ужинали всѣ пріятели, всѣ друзья, и такъ какъ будто бы родились изъ одной утробы. Я никогда не видывалъ столько веселымъ Государя, какъ въ это время; онъ, какъ мнѣ казалось, забавлялся и тѣмъ, чтобы въ другое время могло привести его на гнѣвъ, чего однако тутъ не было. Въ половинѣ нашей ужины, или къ окончанію оной, говорилъ онъ мнѣ: Славуронъ! мнѣ кажется, ты не имѣешь при-

чины сомнѣваться въ моей къ тебѣ искренности ; я тебѣ другъ , но другъ еще такой , которой , не смотря на свой высокой санъ, почитаюсь меньшимъ передъ тобою ; я ищу твоей дружбы , много разъ старался доказать тебѣ мою приязнь, но не имѣлъ еще такого случая, которой бы открылъ тебѣ мое сердце ; теперешнее приключеніе довольно и предовольно къ тому. Потомъ, оборотясь къ Неону (такъ назывался первой министръ) и къ Филоменѣ , съ позволенія вашего , говорилъ онъ имъ , начну я сказывать приключенія ваши и мои. Неонъ всталъ со стула, говорилъ великій Государь! ежели ты принимаешь на себя этотъ трудъ, то мы не только что на сіе согласаемся, но и съ превеликою радостію слушать будемъ. Мой другъ Славуронъ! оборотился ко мнѣ продолжалъ Государь, ни одинъ человѣкъ врожденныхъ въ насъ страстей удержать не можетъ , и долженъ имъ слѣдовать ; я люблю Филомену, и можетъ быть равно какъ и ты ею плѣнился : но судьба и ея сердце противящися моему желанію. Я прилагалъ всѣ стараніа , какія только представила глазамъ моимъ страстная любовь ; но

но всѣ они были безъ успѣха. Чѣмъ больше я старался склонить ее, тѣмъ больше чувствовала она ко мнѣ отвращенїе. Признаюсь, что я столько былъ слабъ въ моей страсти, что ни въ одну минуту не могъ успокоиться; страстное мое сердце не позволяло никогда имѣть мыслямъ моимъ другаго воображенїя, какъ только обитала въ нихъ Филомена. Наконецъ по долгомъ мученїи, и когда уже начало разсужденїе колебать мою любовь, тогда предпрялъ я извѣститься отъ Филомены, кому она отдала свое сердце. Она мнѣ объявила, что обладаетъ имъ чужестранецъ Славуронъ. Въ то время безразсудная любовь совѣтовала мнѣ величаться моимъ саномъ; я представлялъ ей, что я Государь, а ты человѣкъ бѣдной: но послѣ увидѣлъ, что въ страсти этой пышное имя Царь столькоже велико, сколько и простой гражданинъ. Она не скрывала уже отъ меня ничего, и увѣдомила меня, что происходило у васъ въ увеселительномъ домѣ, какъ она воздержала тебя отъ твоего отчаянїя, какимъ образомъ съ тобою разстались, и что уже ты находишся теперь въ темницѣ. Съ

сихъ поръ сдѣлался я участникомъ ва-
шей тайны, и предпріялъ осудить те-
бя на смерть, чтобъ тѣмъ поколебать
твою вѣрность къ Филоменѣ, и послѣ
получить ея сердце. Въ сей для тебя
крайности просилъ я ея сестру, чтобы
она искушала тебя. Все было произве-
дено въ дѣйство, и шло изрядным по-
рядкомъ, но въ прочемъ не имѣло ни-
какого успѣха. Ты отвѣчалъ съ презрѣ-
ніемъ на любовь покой твоей благодѣ-
тельницы, клялся вѣрностію къ Фило-
менѣ, не смотря на то, что объявляли
тебѣ, что она уже мертвая; ты хо-
тѣлъ принести ей и въ царство мерт-
выхъ вѣрное сердце, шелъ безъ робости
на смерть, и еще желалъ скорѣе, не-
жели тебѣ назначено было. Все сіе му-
чило меня несказанно; самолюбіе мое и
санъ мой совѣтовали мнѣ умертвить
тебя тайно; я признаюсь въ моей сла-
бости: но воля боговъ и врожденное
во мнѣ сожалѣніе преодолѣли такое вар-
варство. Потребно мнѣ было укрѣпляться
ся, чтобъ не опорочить себя; началъ
наполняться я великодушіемъ, хотя и
былъ къ тому неудобенъ. Силы меня по-
кидали: однако казался я бодръ и спо-

коенъ, и нынѣ столько превозмогъ себя, что желаю совокупить васъ бракомъ, чѣмъ докажу Славуронъ, что я тебѣ другъ. Неонъ на сто согласенъ, и мы уже съ нимъ условились.

Послѣ сихъ словъ я и Филомена бросились къ ногамъ Кесаря и Неона, благодарили ихъ, ожидая своего благополучія. Въ одинъ часъ все было расположено, и назначенъ день, въ которой предстать намъ въ храмъ. Всѣ наконецъ разъѣхались, а я выпросилъ позволеніе какъ у Государя, такъ и у Неона, остаться еще нѣсколько тутъ, чтобъ больше насладиться мнѣ отъ Филомены желаннымъ извѣстіемъ: также и она не меньшее имѣла желаніе увѣдомить меня обо всемъ. И такъ когда остались мы двое, то говорила она мнѣ слѣдующее: Теперь я столько въ тебѣ увѣрена, что увѣриться больше не можно, и съ охотою отдаюсь во власть твою; мнѣ казалось весьма страшно повѣрить себя мущинѣ, вѣдая, сколько нѣкоторые изъ васъ вѣтрены и непостоянны. Они предпринимаютъ все очень скоро, но еще скорѣе того отстаютъ отъ своего предпріятія, а ты не изъ

того числа, я тебѣ вѣрю. При первомъ моемъ свиданіи предпріяла я извѣдать, вѣренъ ли ты. И такъ выдумала эту хитрость, сказавшись тебѣ другимъ именемъ, и послѣ объявить несчастіе моему отцу подъ прямымъ моимъ именемъ, чтобъ вѣроятнѣе тебѣ показалось. Послѣ, когда уже ты былъ въ темницѣ осужденъ на смерть, и не колебался въ твоей вѣрности, тогда я торжествовала надъ всѣми, которымъ мущины измѣняютъ. Послѣ того просьбою моего родителя мой принялъ о тебѣ стараться, и возвелъ тебя на высокую степень. Тутъ еще страстное мое сердце тому не вѣрило. Я думала, что такое великое достоинство и богатство можетъ истребить меня изъ твоей памяти, и такъ предпріяла я принять на себя неприличное имя и бѣдное платье, и тѣмъ тебя извѣдать, не возгордишся ли ты передо мною. Однако милостію боговъ, и больше снисходительной Аѳродиты, все по моему желанію сдѣлалось. Ну! теперь уже довольно мы говорили о прошедшей нашей жизни, станемъ помышлять о будущемъ. И такъ разсуждали мы о наступающей нашей жизни прилично страстнымъ любовникамъ, разс-

лагали ее по нашему желанїю, или лучше, играли веселыми воображенїями, и наконецъ разстались.

Неонъ и Государь какъ возможно спѣшили, чтобъ сочетать насъ бракомъ, и для того всякой день были съ нами вмѣстѣ, и дѣлали приуготовленїе; наконецъ насталъ тотъ день, и мы пошли (*) въ храмъ съ великою и торжественною церемонїею. Свадьба наша не меньше была царской. Сколько радовался Государь, то вдвое еще его подданные; ибо имѣлъ я счастїе, получа великое достоинство, понравиться народу. Когда окончились брачные обряды, то первосвященникъ Венеринъ въ присутствїи всего народа прорекъ мнѣ соизволенїе боговъ, что въ день моего брака зачнется у меня сынъ. Услышавъ сїе, упалъ я на землю передъ богинею, благодарилъ ее и просилъ отъ сокрушеннаго сердца, чтобъ послѣ такого великаго моего благополучїя не претерпѣть бы мнѣ какой бѣды. Сердце мое мнѣ предвѣщало,

(*) Славенской идолопоклоннической законъ позволялъ имъ входить въ чужїе храмы, и приносить всякую жертву, лишь бы тотъ кумиръ имѣлъ приличную жертвѣ должность.

однако радость затмѣвала его предвѣщанїе. По окончанїи всего въ брачныхъ одеждахъ и въ вѣнкахъ повели насъ въ царскїе покои, гдѣ все торжественно совершалось. Оно продолжалось не менѣе, какъ цѣлой мѣсяцъ, въ которое время не только что дворъ праздновалъ, но и весь городъ находился въ неописанномъ увеселенїи; а въ какомъ я былъ восторгѣ, что и въ самое время извѣстить бы мнѣ его было не возможно. Всѣ мои несчастїя кончились въ одну минуту; я ихъ позабылъ, и наполнился всѣмъ тѣмъ, что можно вообразить изрядная. Фидомена, божественное мнѣ имя, я теперь безъ сердечнаго движенїя вспомнить его не могу, привѣтствїями и ласканїями сродными нѣжному женскому полу, умножала безпредѣльную мою къ себѣ любовь. Столько благополучїе мое было велико, что когда размышлялъ я о немъ одинъ, то казалось оно мнѣ страннымъ, и послѣ уже узналъ дѣйствительно, что кто чрезвычайно благополученъ, тотъ скоро потомъ бываетъ и чрезвычайно несчастливъ.

Тутъ я пересталъ разсказывать за тѣмъ, что мнѣ спать захотѣлось.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЪ 13.

Продолженїе Славуроновыхъ приключенїй.

Время шекло очень скоро, и я почти совсѣмъ не видалъ, какъ кончилось бремя Филомены. Родился мнѣ сынъ, которой былъ плодомъ безпримѣрной нашей любви, божескаго снисхожденїя и началомъ моего несчастїя. При семъ словѣ Славуронъ вздохнулъ съ великою прискорбностїю, и со слезами началъ продолжать свои приключенїя. Филомена любила его чрезвычайно, и для того не хотѣла отдать въ руки нянькамъ, и предпрїяла воздоить своею грудью, никогда не спускала его съ рукъ, и клала съ собой на одной постелѣ. Можетъ быть опредѣлено было судьбою, чтобъ начиналося мое несчастїе. Некогда поутру, когда она проснулась, что не нашла подлѣ себя своего сына, и послѣ, какъ увѣдомилась отъ всѣхъ домашнихъ, что они не вѣдаютъ о немъ, тогда на-

чала она неутѣшно рваться. Вопль ея услышалъ я въ моихъ покояхъ, которой тотчасъ встревожилъ душу мою и сердце; я съ нетерпѣливостію поспѣшилъ къ ней, и какъ обо всемъ увѣдомился, что пришелъ въ несказанное отчаяніе, необыкновенной и нечаянной такой случай встревожилъ мою природу. Скоро узналъ объ этомъ Государь и весь дворъ; жена моя должна была подвергнуться духовному суду за то, что уснала младенца. Жрецы опредѣлили ей три ночи въ Плутоновомъ храмѣ, чтобы тѣмъ умилостививши боговъ и получить прощеніе себѣ, а младенцу избавленіе отъ муки. Довольное время въ ожиданіи сего исполненія (*) позволило родиться еще у меня дочери на мѣсто потерянного сына. Рожденіе ея нѣсколько уменьшило моей печали, однако смущеніе меня не оставляло; пробыть Психеѣ одной цѣлые три ночи въ ужасномъ Плутоновомъ храмѣ, казалось мнѣ для женщины было невозможно. Нако-

(*) Въ то время было узаконеніе у Грековъ, что женщина послѣ бремени не прежде очищалась, какъ черезъ три года, и не входила прежде въ храмъ.

нецъ пришло то время и насталъ назначенный день; долженъ я былъ стараться наполнить ее безстрашїемъ, и такъ цѣлой день не выходилъ изъ ея покоя, и укрѣплялъ сколько мнѣ возможно было. Уже приближился и вечеръ; первосвященникъ и два жреца посѣтили мой домъ, и повели Филомену въ храмъ Плутоновъ; учредя надъ нею всѣ обряды, велѣли вытти мнѣ вонъ, и сами вышли, заперли двери, у которыхъ поставлена была отъ меня стража; всю ночь находился я въ великомъ безпокойствїи; домашняя жертва у меня не угасала, я просилъ охранителей домовъ и нашего здравїя, чтобъ не приключилось чего нибудь страшнаго съ Филоменою. Насилу могъ я дождаться утра, и когда ее увидѣлъ несмущенною, то несказанно обрадовался. Я желалъ нетерпѣливо знать, не случилось ли ей какого нибудь воображенїя. Она мнѣ начала сказывать такъ: вчера, когда настало время итти мнѣ въ храмъ, то я забывъ всѣ твои наставленїя очень много опасалась. Первосвященникъ поставилъ меня передъ завѣшенною каплицею, и окружилъ на полу мѣломъ, потомъ прочи-

давъ принадлежащія къ нему молитвы, оставилъ меня, и вышли вы всѣ вонъ. Напалъ на меня превеликой ужасъ, и я думала, что невозможно мнѣ будетъ перенести его чрезъ цѣлую ночь. Мнѣ казалось, что весь храмъ въ движеніи, и все старается меня устрашить, однако мало по малу ужасъ мой началъ уменьшаться, но въ самую полночь пришелъ онъ на высшую ступень. Завѣсы капницы тотчасъ поднялися къ верху, и я увидѣла стоящаго подлѣ Плутона другаго бога, котораго имени я не знаю. Онъ былъ въ долгомъ бѣломъ платьѣ смѣшеннымъ съ розовымъ, на головѣ его былъ вѣнокъ изъ разныхъ и рѣдкихъ цвѣтовъ; онъ примѣтилъ, что я испужалась, и для того говорилъ мнѣ нѣжнымъ и тихимъ голосомъ: прекрасная изъ всѣхъ смертныхъ Филомена! красота твоя принудила меня, оставивъ величество и неописанное небесное великолѣпіе, сойти на землю, и пребыть нѣсколько въ сей бѣдной моей капницѣ единственно только для насыщенія моего взора несказанными твоими прелестями; ты видишь передъ собою Плутона присуществующаго на небеси и во адѣ

бога. Я тотъ, которому ты должна отвѣчать за твоего сына; онъ былъ въ моемъ владѣніи, но съ тѣхъ поръ, когда обратилъ я глаза мои на прекрасной твой образъ, то отослалъ онъ къ Зевесово владѣніе въ поля Елисейскія; ты не должна просить о прощеніи такого бога, которой самъ проситъ тебя о твоемъ снисхожденіи. Со всею моею славою почту я себя несчастнымъ, когда не буду имѣть участія въ твоемъ сердцѣ. Потомъ приближился ко мнѣ, и говорилъ все то, что можетъ страстной и разумной любовникъ, ласкалъ меня и цѣловалъ мои руки. Тронись, прекрасная, говорилъ онъ мнѣ, и почувствуй въ сердцѣ твоемъ хотя малую ко мнѣ пріязнь: я безсмертенъ; но красота твоя уничтожая сіе достоинство, сдѣлала меня страстнымъ. Всю ночь препроводилъ онъ въ такихъ привѣтствіяхъ; наконецъ когда увидѣлъ, что начало уже разсѣвать, то укорялъ онъ Аврору, какъ богиню господствующую надъ началомъ дня, для чего прекращаетъ она его удовольствіе, не получивъ еще ни малѣйшаго начала предпріятію; ибо не видѣлъ онъ отъ меня

никакой себѣ ласки, и не прежде меня оставилъ, какъ ты пришелъ ко храму, и началъ отпирать двери. Услышавъ стукъ, вскочилъ онъ поспѣшно, поцѣловалъ у меня руку, и ушелъ въ каплицу, которой завѣсы немедленно опустились.

Потомъ спрашивала она у меня, что ты думаешь о такомъ привидѣнїи? Мнѣ кажется, что это былъ не богъ, а какой нибудь злой духъ, которой изъ обыкновенной къ намъ ненависти старался искусить меня. Всеконечно, отвѣчалъ я ей, и ты всѣми силами должна стараться укрѣплять себя; погибель твоя тотчасъ послѣдуетъ, ежели ты вознамѣрится съ нимъ разговаривать. Много уже случалось, какъ ты, я думаю, и сама слыхала, что женщины, преступающїя въ семъ случаѣ жреческїя повелѣнїя лишались жизни.

Настала другая ночь; я проводилъ ее въ храмъ, и опасался такъ, какъ и въ прошедшей. Признаюсь, что такое привидѣнїе смущало меня очень, и для того ранѣе вчерашняго поспѣшилъ въ храмъ. Тутъ увѣдомился я отъ нее, что

Плутонъ показался ей уже безъ бороды въ щегольскомъ и обыкновенномъ платьѣ, и что онъ столько былъ дерзостенъ, что она насилу могла онъ него избавиться. Приключеніе это встревожило меня, и я не хотѣлъ имѣть сопернкомъ ни самаго главнаго греческаго Бога Дія, не только Плутона. Греки законъ свой наблюдаютъ очень крѣпко, и что ежелибы жена моя не пошла нарочно ночь въ храмъ, то непремѣнно сожгли бы ее жрецы, въ чемъ уже и государь не воленъ; и какъ избѣжать онъ того никоимъ образомъ было не возможно. Я пошелъ къ первосвященнику, чтобъ сказать ему такое приключеніе, хотя Плутонъ и накрѣпко заказалъ Филомену, чтобъ никому о томъ не сказывать, однако первосвященника не могъ я увидѣть. Сказано, что онъ чрезъ полгода появится людямъ, а въ то время будетъ производить нѣкоторыя напрасныя жертвы для испрошенія милости онъ боговъ народу. Предпріялъ я будущую ночь быть въ храмѣ, а какъ бы это сдѣлать, того я не зналъ, и для того послалъ за жрецомъ, котораго надѣялся склонить къ тому деньгами, въ чемъ и не обманулся;

за нѣкоторое число обѣщалъ онъ мнѣ сдѣлать сію услугу. Послѣ вечерней молитвы проведу я тебя, говорилъ онъ мнѣ, въ помянутое мѣсто, и тамъ поставлю. Когда же настало время, то увѣдомилъ я объ этомъ Филомену, и жрецъ меня отвелъ на назначенное мѣсто. Когда храмъ заперли, то я не выходилъ къ Филоменѣ, и дожидался полуночи. Во время оной появился богъ въ капищѣ; онъ подошедъ къ Филоменѣ склонялъ ее ласкою. Но послѣ, когда увидѣлъ, что она не соглашается, хотѣлъ принудить ее силою. Я не могъ того снесть, и въ отчаяніи моемъ дерзнулъ прогнѣвъ бога, предпріялъ лучше лишиться жизни, нежели чтобъ сдѣлалось въ глазахъ моихъ такое мнѣ безчестіе. Какъ только я подбѣжалъ къ нему, обнажилъ мою саблю и однимъ замахомъ перенесъ пополамъ влюбленнаго бога, объялъ меня страхъ, и я не только что не могъ укрѣплять Филомену, но едва и самъ не преселился тогда въ царство мертвыхъ. Я боялся божескаго мщенія, и размышлялъ самъ въ себѣ, возможно ли, чтобы могъ я умертвить безсмертнаго. Въ семъ страхѣ

и размышленїи прошла уже вся ночь; по утру вошедъ въ храмъ, жрецы увидѣли оной обагренъ кровїю, и меня спящаго вмѣстѣ съ Филоменою, удивились такому случаю, и тотчасъ побѣжали увѣдомить первосвященника. Они его искали очень долго, однако то было напрасно; я его нашелъ скорѣе всѣхъ, для того что онъ лежалъ подлѣ моихъ ногъ; и наконецъ какъ узнали это все, сдѣлалась при дворѣ и въ городѣ несказанная тревога; ни гдѣ ни очемъ больше не говорили, какъ судили первосвященника и меня; иной старался оправдать меня, а другїе прочитъ боли обвиняли, и не прежде умолкло дурное это эхо, какъ духовной и гражданской судъ опредѣлили первосвященнику и мнѣ наказанїе. Прозьбы и воля государева тому не помогли, что было мнѣ назначено, и такъ въ опредѣленной день при собранїи народа на публичной площади провозглашатель читалъ наше опредѣленїе, которое было слѣдующаго содержанїя:

„ Первоначальные жрецы, государь,
„ Сенатъ и народъ двухъ степеней вы-

„слушалъ дѣло, бывшаго недостойнаго „первосвященника и Славурона, опредѣ„лемъ перваго сжечь и прахъ его раз„сѣять по вѣтру за то, что онъ влю„бился въ Филомену, и не имѣя способа „къ открытію своей страсти, прика„залъ украсть у Славурона младенца. „Во время сихъ дѣлъ во храмѣ принялъ „на себя образъ Плутона, обрилъ боро„ду, и хотѣлъ получить ея склонность „лаской, а наконецъ и силою. Втораго, „какъ иноплеменника, за осквернение „кровію божескаго храма, выслать вонъ „изъ Греціи, не учиня ему никакого о„злобленія, наблюдая долгъ странно„пріимства; а ту Славуронову рабу, „которая украла у Филомены младенца, „и отдала его иностранцамъ пріѣхав„шимъ сюда на корабль, уморить въ „пепельной храминѣ (*), что и под„тверждаемъ.

По прочтеніи сего сожгли шѣло первосвященниково, и повели также ра-

---

(*) Храмина сія наполнена была пепломъ, и когда впускали туда осужденнаго, то подняли великую пыль вѣхами, которые проведены были подъ спѣною, отъ чего онъ задохнувшись умиралъ.

бу мою на смерть, а мнѣ положено было сроку мѣсяцъ, и по окончаніи онаго, чтобы не быть мнѣ въ Греціи. Я не сожалѣлъ, что оставляю Константинополь, но болѣзновалъ о томъ, что долженъ разстаться съ Государемъ, которой меня много жаловалъ; однако онъ перемѣнилъ мое соболѣзнованіе въ печаль другаго рода. Въ тотъ срокъ, въ которой я собирался въ свое отечество, онъ преставился. Послѣ его смерти дворъ совсѣмъ перемѣнился, и не для чего было мнѣ тутъ оставаться, хотябъ меня и удерживали. Вступилъ послѣ его на престолъ сынъ его родной, которато мнѣ рѣдко и видѣть случалось за частымъ отсутствіемъ изъ города; и такъ сожалѣлъ я только о Государѣ, а изъ Греціи съ великою радостію ѣхалъ. Простившись съ Исономъ, когда уже было все готово, отправился мы въ путь; въ ономъ находились не меньше мѣсяца. Филомена оставивъ свое отечество, нѣсколько объ ономъ тосковала, однако моими разговорами и всякою новостію встрѣчающеюся ея глазамъ истребляла помалу свою печаль. Наконецъ прибыли мы въ Русь; съ недѣлю вре-

мени старался я сыскивать мою родню, которыхъ всѣхъ находилъ бѣдными, исправлялъ ихъ состояніе, старался познакомливаться съ другими, препоручалъ себя въ ихъ милость, нѣкоторыхъ принималъ самъ, и тѣмъ старался заслужить славу моему имени. Хотя я и долженъ былъ поѣхать ко двору, однако безъ позволенія сдѣлать того не хотѣлъ; а получивъ оное, немедленно началъ собираться, и выбравъ удобной къ тому день поѣхалъ.

Однако сонъ сжималъ уже мои губы и приказалъ отправиться на постелю.

ГЛАВА IV.

ВЕЧЕРЪ 14.

Продолженіе Славуроновыхъ приключеній.

Государь Руской принялъ меня такъ, какъ военачальника, и разсмотрѣвъ препорученіе отъ Константинопольскаго

двора, пожаловалъ меня и у себя тѣмъ же названіемъ. Я имѣлъ и тутъ счастіе, чтобъ понравиться Государю и народу; и такъ препроводилъ слишкомъ десять лѣтъ во всякомъ спокойствіи. На пятнадцатомъ году пребыванія моего въ своемъ отечествѣ постигло меня самое величайшее несчастіе; Филомена занемогла и въ скоромъ времени преставилась. Сколько этотъ ударъ мнѣ былъ чувствителенъ, то вообразя любовь мою, можешь представить и его. Съ сего времени жизнь моя сдѣлалась превратною, и я уже не находилъ въ ней увеселенія. Цѣлые два года мучился кончиною любезныя моей супруги; она всегда жила въ моихъ мысляхъ, и самой сонъ не могъ укрыть ее отъ моего воображенія.

За этимъ послѣдовало мнѣ другое несчастіе, которое ни мало не уступало первому. Пришелъ въ Русь молодой человѣкъ, называемой Осанъ. Жрецы какъ скоро о немъ провѣдали, то тотчасъ и взяли его на свое содержаніе, для того, что онъ ничего не имѣлъ. Человѣкъ этотъ былъ весьма чудной, то жрецы увѣдомивъ о немъ Князя, представили

Осана оному, гдѣ и я тогда находился. Онъ пришедши предъ Государя, говорилъ ему такъ: доволенъ ли ты своимъ состояніемъ? ежели доволенъ, то желаю тебѣ здравствовать; а ежели еще чего нибудь тебѣ не достаетъ, такъ желаю тебѣ умереть скорѣе, для того что завистливые люди сами себѣ и другимъ мучители. Государь весьма удивился такому привѣтствію, и спрашивалъ его, откуда онъ и изъ какого города. Городовъ проѣхалъ я очень много, отвѣчалъ онъ Государю, только въ которомъ родился, этого не знаю; жилъ въ такомъ, гдѣ очень мало земли, и вся окружена она водою; растутъ на ней деревья и живутъ звѣри, гдѣ и я также жилъ съ ними вмѣстѣ. Нѣкогда подъѣхали къ этому мѣсту люди, и меня увезли съ собою. Судно то, на которомъ мы ѣхали, разбило, и послѣ я увидѣлъ себя лежащаго на берегу, и такъ вставши пошелъ искать такихъ же людей, какіе меня увезли съ острова. Былъ во многихъ городахъ, однако не разумѣя того, что тѣ люди говорятъ, не хотѣлъ тамъ остаться: а здѣсь нашелъ я такихъ, которыхъ разумѣю, и для

того не пойду уже никуда больше, и стану здѣсь жить. Конечно тотъ человѣкъ былъ изъ вашего города, продолжалъ онъ, которому отданъ я былъ на кораблѣ подъ смотрѣніе, и которой выучилъ меня говорить, и всему тому, что я теперь знаю. Государь [illegible] онъ него больше увѣдомиться, однако не могъ, ибо онъ и самъ ничего не вѣдалъ больше. По приказу Князеву оставили его жить во дворцѣ. Осанъ имѣлъ привычку днемъ спать, а ночью ходить; онъ не дожидался положеннаго между нами времени, и всегда когда ему захочется.

Нѣкогда случилось ему войти въ Перуновъ храмъ, и увидѣть тамъ людей приносящихъ жертву, къ которымъ онъ подошедъ спросилъ, что есть такое они дѣлаютъ? и какъ увѣдомился обо всемъ, что во всю мочь захохоталъ, и сказалъ имъ, что они глупы, что отдаютъ божескую честь нечувствительному болвану. Жрецы тотчасъ вывели его изъ храма, и послѣ просили Государя, чтобы не впускать его ни въ какое капище. Государь, выключая сего, веселился его незнаніемъ, и предпріялъ

нѣкогда въ торжественной день пригласишь всѣхъ женщинъ и дѣвицъ къ своему-столу, чтобъ тутъ не было ни единаго другаго мущины, а только онъ и Осанъ; надобно было ему увидѣть, какимъ образомъ будетъ обходиться Осанъ съ женщинами, и какъ онъ ихъ приметъ. День тотъ насталъ, и всѣ знатныя женщины собрались ко двору. Государь вышелъ къ нимъ въ собраніе, и вывелъ съ собою Осана. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ великимъ удивленіемъ, и говорилъ Государю, что онъ имъ очень доволенъ, что показалъ ему столько прекрасныхъ женщинъ, говорилъ со всякою очень ласково, только безъ всякаго ласкательства. Наконецъ сѣли они за столъ, и дочери моей случилось сидѣть подлѣ Осана. Государь надъ нимъ издѣвался, также и всѣ гости. Съ начала обѣда говорили ему, чтобы онъ съ ними разговаривалъ: на что Осанъ отвѣчалъ имъ, что время еще будетъ. Послѣ, когда уже онъ накушался, то говорилъ Государю: Я слышалъ, что ты здѣсь господинъ, да еще какой-то Государь, такъ пожалуй отдай мнѣ эту дѣвушку, ежели она тебѣ не надобна,

я ее очень полюбилъ, а она мнѣ кажется лучше всѣхъ, сколько здѣсь ни есть женщинъ. Кто была моя дочь: такъ тебѣ она понравилась, спрашивалъ его Государь? Очень, отвѣчалъ Осанъ; мнѣ еще ничего въ жизни моей пріятнѣе ее не казалось. Потомъ говорилъ онъ дочери моей, позволь красавица поцѣловать себя. Это дурно, сказалъ ему Государь, при людяхъ этого сдѣлать не можно. При людяхъ не можно, говорилъ онъ; такъ пойдемъ красавица въ другую комнату, чтобъ люди не видали; а это еще и дурнѣе того, сказалъ ему разсмѣявшись Государь. Какъ же это, вскричалъ съ великимъ негодованіемъ Осанъ? когда дурно цѣловать при людяхъ, то это кажется дурнѣе, чтобъ сидѣть вмѣстѣ съ женщинами. Это дѣлаетъ обыкновеніе, говорилъ Государь. Для чего же вы не сдѣлаете обыкновенія, чтобъ цѣловать при людяхъ женщинъ, отвѣчалъ онъ? Оно есть, сказалъ Государь, да надобно ему научиться. Осанъ, какъ скоро услышалъ, что неотступно привязался къ Государю, чтобъ онъ научилъ его такому искусству.

Послѣ уже, когда Государь откланялся всѣмъ, и долженствовали они ѣхать домой, тогда любовникъ ухватилъ дочь мою за руку, и просилъ Государя, чтобъ онъ оставилъ ее у себя; однако прозьба его была напрасна, и онъ хотя съ великимъ нехотѣніемъ, однако долженъ былъ съ нею разстаться. Разнеслось по городу эхо, и всѣ женщины выхваляли разумъ и лицо Осанво; всякая старалась ему понравиться, но дочь моя къ моему несчастію заворила всѣмъ имъ пушь въ добродѣтельное и непорочное Осаново сердце. Онъ очень часто присщавалъ къ Государю, и просилъ его, чщобы онъ позволилъ видѣться ему съ моею дочерью; однако страстная любовь и пылкой его разумъ, представивъ обыкновеніе предъ его глаза, дали ему знать, что долженъ онъ произвесши намѣреніе свое тайно. Онъ столько сдѣлался въ семъ случаѣ умень и свѣдущь, что ни Государь, ни я, ниже весь дворъ не могли примѣтить, какимъ образомъ скрылъ оно свое желаніе, и показался намъ, какъ будщобы совсѣмъ не было въ сердцѣ его никакой страсти. Часто ему о шомъ шутя за-

говаривали, но только онъ извинялся такъ, что ни самое малое подозрѣнїе не могло быть смѣшено съ его словами. Я радовался, что избавился онъ такого человѣка, которой казался мнѣ несноснымъ: но радость моя не долго продолжалась. Нѣкогда, очень поздо прохаживаясь въ моемъ саду, услышалъ тихое эхо въ бесѣдкѣ, къ которой я подходилъ. Подошедши къ ней осторожно, началъ слушать разговоры, которыхъ хотя начала и не засталъ, однако конецъ оныхъ показалъ мнѣ ясно, что дочь моя любовница Осанова. Они сидѣли оба вмѣстѣ и изъяснялись другъ другу. Овладѣлъ мною гнѣвъ, и я хотѣлъ очень строго разрушить ихъ веселїе; но разсужденїе мое мнѣ воспрепятствовало, и принудило употребить осторожность. Однако въ будущую ночь опредѣлилъ я разрушить ихъ веселїе; и такъ старался примѣчать, когда они придутъ въ свое сборище. Наконецъ, когда уже довольно смерклось, тогда я стоя въ темной аллеи, увидѣлъ Осана, что онъ вошелъ въ ту бесѣдку. Очень въ коротком время вошла туда и дочь моя. Я вознамѣрился къ несчастїю моему ли-

шить его жизни, и можетъ быть уже Боги нарочно сдѣлали меня свирѣпымъ, чтобъ оказать надо мною, сколько человѣкъ можетъ быть злополученъ. Обнаживъ мою саблю, въ великой запыленности вбѣжалъ туда: но сколькожъ я удивился, когда ихъ не нашелъ; овладѣла мною пущая ярость, и я началъ искать, нѣтъ ли гдѣ потаеннаго ходу. Нашелъ его, о которомъ прежде не вѣдалъ, немедленно туда опустился. Они услышали и искали убѣжища, но онъ ярости моей укрыться не могли. Я поразилъ Осана, и онъ при концѣ своей жизни выговорилъ въ отчаяніи сіи слова: Прости мать моя Филомена, которую я только одну знаю. Услышавъ имя Филомены, я вздрогнулъ; рука моя опустилась и выпала изъ нея сабля. Я спрашивалъ его о причинѣ; но онъ уже мнѣ отвѣчать не могъ. Прежде, нежели принесли туда огонь, Осанъ скончался. Раскаяніе мое и сердечное чувствіе устремили глаза мои на него; и я хотя и не думалъ, однако началъ находить въ немъ возлюбленнаго и потерянаго моего сына. Немилосердые боги! можно ли еще больше наказать человѣка?

Дѣйствительно я поразилъ того, котораго родилъ. На груди нашли у него досканецъ (*) съ именемъ матери его, и съ его собственнымъ. Въ семъ случаѣ сдѣлалась во мнѣ великая перемѣна; разумъ мой нѣсколько помѣшался, и приключился нѣкоторой вредъ моему здоровью. Сколько я ни великодушенъ былъ, однако овладѣла мною слабость. Съ сихъ поръ оборотился пути слезамъ изъ глазъ моихъ, и я не осушалъ уже оныхъ, подобно какъ женщина, всегда задумывался и терялъ настоящій путь мыслей. Несчастія мои слѣдовали другъ за другомъ по порядку, и чѣмъ далѣе, тѣмъ свирѣпѣе ожесточалися на меня боги и случаи. Едва только я успѣлъ похоронить моего сына, объявили мнѣ, что дочь моя выбросилась въ окно, и находится уже при смерти. Когда я услышалъ это, оставили меня мои силы, и я не могъ подвигнуться съ мѣста; служители мои принесли меня почти нечувствительнаго въ ея комнату. Та-

(*) Въ древнія времена было такое обыкновеніе, что новорожденнымъ привѣшивали на шею маленькіе досканцы; на которыхъ означалось имя младенцово и его матери.

кого плачевнаго позорища еще во всю мою жизнь мнѣ видѣть не случалось. Дочь моя лежала безчувственная на кровати; образъ ея не имѣлъ прежняго подобія; какъ лицо, такъ руки и груди изрѣзаны были всѣ стеклами; она не имѣла голоса, и едва испускала духъ. По долгомъ времени моего изступленія пришедъ нѣсколько въ себя, бросился я подавать дочери моей ненадобную уже помощь, послалъ тотчасъ за врачами; и когда ихъ привели, то обнадеживалъ, что одарю ихъ великими сокровищами, ежели возвратятъ жизнь моей дочерѣ. Они приложили все свое стараніе и искусство, однако ничто уже не помогло. Ей опредѣлено было судьбою, чтобы она къ моему несчастію скончалась; а чтобы пуще еще возмущать мои мысли и встревожить сердце, получила на время чувство, и начала со мною разговаривать. Я просилъ ее, чтобы она разсказала причину ея и моего несчастія. Слова ея показались мнѣ самымъ чуднымъ воображеніемъ, которое дѣлаетъ помѣшательство нашихъ мыслей. Она разсказывала мнѣ все то за правду, что мечталось ей въ помѣшательствѣ

разума, и увѣряла, что дѣйствительно то съ нею случилось. Я не столько чтобы вѣрить, но слушая страшился; и такъ начала она мнѣ разсказывать такимъ образомъ:

Однако повѣствованїе ея услышите вы въ слѣдующїй вечеръ.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЪ 15.

Продолженїе Славуроновыхъ приключенїй.

Осанъ, любовникъ мой и братъ, никогда не выходитъ изъ моей памяти; кончина его сдѣлала меня совсѣмъ неспособною жить на свѣтѣ. Сегодняшнїй вечеръ желала я отдаться въ полную власть моей печали; для того выслала всѣхъ монхъ прислужницъ, сѣла подлѣ того окна, которое прямо противу гробницы Осановой, облилась слезами, и проклинала жизнь мою и мое не ча-

стїе. Очень въ короткое время увидѣла я Осана; онъ подъѣхалъ къ моему окошку, и звалъ меня съ собою. Не мѣшкая ни мало, выбѣжала я къ нему на улицу, и поѣхала съ нимъ вмѣстѣ. Онъ меня везъ весьма по безпокойной дорогѣ. Наконецъ приѣхали мы въ лѣсъ, которой былъ столько частъ, что не было способу сквозь его проѣхать; однако Осанъ не смотря на это, продолжалъ свой путь. Онъ ѣхалъ очень скоро, вѣтьви и сучья хлестали меня по лицу; чувствовала я отъ оныхъ великую боль, и такъ лицо мое отъ того испортилось. Приѣхали мы къ одному огромному и престратному храму, въ которомъ обитаютъ усопшїя тѣни. Двери онаго храма были растворены; по сторонамъ увидѣла прикованы на претолстыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ два скелета ужасной величины, въ бѣломъ и долгомъ одѣянїи. Когда мы подошли къ нимъ, то они встали, такъ какъ бы дѣлали намъ почтенїе. Хотя это были и одни кости, однако печаль написана была на ихъ лицахъ. Въ храмѣ семъ обитали страхъ, ужасъ и темнота; и я дрожала, когда вошла въ не-

о; подлѣ дверей во храмѣ прикована была цѣпь къ столбу, и какъ казалось, человѣкъ былъ этотъ знающій, злой и зависливой; глаза его наполнены были кровію, которая изображала его ярость; онъ скрежеталъ зубами и рвалъ на себѣ волосы. Наконецъ увидѣла я множество цѣпей въ семъ храмѣ, иныя изъ нихъ ходили, другія сидѣли: но прочемъ всѣ имѣли печальные виды. Мнѣ казалось, что самое это зданіе произносило ужасной стонъ отъ гнѣва въ немъ находящихся. Въ семъ храмѣ очень было много столбовъ, и во всякомъ находилось по одной цѣпи. Осанъ привелъ меня къ первому, отворивъ двери, показалъ цѣпь духовной особы; она стояла подлѣ маленькаго столика, на которомъ была съ огнемъ жаровня; правая рука той духовной особы лежала въ ней на огнѣ, и онъ стоя плакалъ столько горько, что мнѣ еще не случалось видѣть толикой печали. Въ другомъ столбѣ стояла жрица, у которой въ обѣихъ грудяхъ находилось по кинжалу, и она столько же была прискорбна, какъ и первой, и очень много видѣла я какъ подобныхъ сихъ наказа-

ній, такъ и разныхъ образовъ страшныхъ и неизъяснительныхъ. Наконецъ перешли мы этотъ ужасной храмъ, и выступили въ пріятную и прекрасную долину; въ ней цвѣты, источники и всѣ украшенія превосходили искуство человѣческихъ рукъ; на всякой тропинкѣ и во всякомъ мѣстѣ находились блестящіе жертвенники, на которыхъ горѣлъ неугасаемый огонь. По срединѣ сей долины стоялъ храмъ совсѣмъ первому не подобенъ, и сдѣланъ былъ изъ блистательнаго металла. Я почти смотрѣть не могла на него, и казалось, какъ будто бы онъ горѣлъ разнаго цвѣта огнями. Я понуждала Осана, чтобы скорѣе достигнуть намъ до того великолѣпія. На паперти храма по сторонамъ дверей стояли двѣ кровати покрытыя черными покрывалами, на одной лежала прекрасная женщина; а на другой мущина, не уступающій ни въ чемъ красотѣ прежнія. У женщины въ груди вонзенъ былъ кинжалъ, а у мущины также. Неудовольствіе ихъ и презрѣнія изображены были и на мертвыхъ ихъ лицахъ. Я остановилась, и разсматривала ихъ очень долго, и съ

ревеликимъ сожалѣніемъ ихъ оставила.
ошли мы въ храмъ, котораго великолѣпія и красоты объяснить я тебѣ не
о силахъ. Все, что есть рѣдкое и плѣняющее на свѣтѣ, составляло его украшеніе; онъ не казался мнѣ, чтобъ сдѣланъ былъ человѣческими руками, а какое-нибудь великое божество сооружало
е непонятное зданіе. Подлѣ передней
тѣны во храмѣ стояла богиня Лада на
рестолѣ украшенномъ разными камнями и покрытомъ багряницею; передъ
ею находился жертвенникъ; въ разсужденіи храма онъ былъ умѣренъ, но въ
азсужденіи его величества вся вселенная не удобна была его вмѣстить въ
себя. Осанъ принесъ жертву Богинѣ,
о время которой просилъ, чтобы
на соединила съ нимъ меня. На что
ачала богиня, что завтрешній день
рошеніе его исполнитъ. И такъ поблагодаривъ мы оба ее, вышли изъ
рама на другую сторону, и увидѣли
е далеко весьма высокую и крутую
ору, на которую всходила съ превеликимъ трудомъ женщина; любопытство
понудило меня пойти туда. Мы также
ъ превеликимъ трудомъ взошли на гору,

и увидѣли, что женщина та поливала изъ маленькаго ковчежца золотую спрѣлу, которая вошкнута была въ самую вершину горы. Такое видѣніе показалось мнѣ удивительнымъ; я спросила ее, что она такое дѣлаетъ. На что отвѣчала облившись слезами: ты видѣла на паперти подлѣ храма двухъ молодыхъ юношей, изъ которыхъ одна дочь моя родная. Я узнала любовь ихъ между собой, старалась имъ препятствовать, и наконецъ разлучила, чего оба снести они не могли. Дочь моя лишила себя жизни; молодой тотъ юноша услыша о смерти своей любовницы, прекратилъ также и свою жизнь. Богиня отмщевая мнѣ ихъ смерть, приказала всякую зорю поливать сію спрѣлю изъ находящагося подъ горою источника; и когда произрастетъ этотъ мешалъ, тогда получу прощеніе, и такъ пребываю я въ семъ прудѣ третій уже годъ.

Послѣ, когда мы сошли съ горы, то увидѣла я, подлѣ одного ручейка спала неописанная красавица, подлѣ ея сидѣлъ молодой и прекрасной юноша; мы подошедъ къ нимъ смотрѣли на нихъ.

Красавица та улыбалась во сне, и казалось, какъ будто бы она наслаждается теперь самымъ лучшимъ веселіемъ на свѣтѣ. Юнона тотъ былъ очень прискорбенъ, и старался ее разбудить. Мы находились тутъ часа съ три; однако во все это время не могъ онъ разбудить ее. Я спросила у Осана этому причины. Красавица эта, говорилъ онъ, въ жизни своей весьма была безобразна; всѣ ее презирали и гнушались ея бесѣды. Ѣтотъ юнона въ жизни своей былъ превеликой насмѣшникъ; онъ обладалъ сердцемъ сей красавицы; она его любила больше нежели саму себя; но онъ всегда ее презиралъ, смѣялся и ругался надъ нею чѣмъ однако не могъ онъ истребить въ ней къ себѣ любви. Она жаловалась на его свирѣпство со слезами людямъ, но то не помогло; наконецъ прибѣгнула къ Богинѣ, и ее просила неотступно. Великая Лада сжалившись надъ ея мученіемъ, дала ей образъ столь прекрасной, какой ты теперь видишь, и приказала возгордиться передъ симъ юношею, чтобъ тѣмъ наказать его. Онъ какъ скоро увидѣлъ ее прекрасною, почувствовалъ къ ней вели-

кую любовь, и все презрѣніе обращилъ большую еще пріязнь; началъ ласкать ее, просить ея снисхожденія, и уловлять еще больше похищенное ея сердце. Красавица будучи снисходительна отъ природы, забыла наставленіе богинино, и сдѣлалась ему покорною. Какъ скоро начала она показывать ему благосклонность, то богиня прекратила ея жизнь, и приказала принесши сюда, гдѣ усыпила ее естественнымъ сномъ, въ которомъ позволила наслаждаться всѣмъ тѣмъ, что можетъ природа приносить намъ пріятнаго. Юноша долженъ былъ страдать послѣ ея смерти цѣлые полгода; наконецъ богиня приказала также перенесши и его сюда. Онъ нашелъ ее спящею, и такъ старается ее разбудить, и пребываетъ въ семъ трудѣ болѣе года.

Онъ увѣдомилъ меня также и о другихъ тѣняхъ, которыхъ мы видѣли въ ужасномъ храмѣ; потомъ, пошелъ къ своей гробницѣ, пришедши въ оную легъ, и приказалъ мнѣ закрыть себя. Я же, не желая съ нимъ разлучиться, хотѣла вмѣстѣ съ нимъ закрыть себя смертоносным покровомъ, но не знаю, какое-

разума, и увѣряла, что дѣйствительно то съ нею случилось. Я не столько чтобы вѣрить, но слушая старалися; и такъ начала она мнѣ разсказывать такимъ образомъ:

Однако повѣствованїе ея услышите вы въ слѣдующїй вечеръ.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЪ 15.

Продолженїе Славуроновыхъ приключенїй.

Осанъ, любовникъ мой и братъ, никогда не выходитъ изъ моей памяти; кончина его сдѣлала меня совсѣмъ неспособною жить на свѣтѣ. Сегодняшнїй вечеръ желала я отдаться въ полную власть моей печали; для того выслала всѣхъ моихъ прислужницъ, сѣла подлѣ того окна, которое прямо противу гробницы Осановой, облилась слезами, и проклинала жизнь мою и мое не-ча-

стїе. Очень въ короткое время увидѣла я Осана; онъ подъѣхалъ къ моему окошку, и звалъ меня съ собою. Не мѣшкая ни мало, выбѣжала я къ нему на улицу, и поѣхала съ нимъ вмѣстѣ. Онъ меня везъ весьма по безпокойной дорогѣ. Наконецъ приѣхали мы въ лѣсъ, которой былъ столько частъ, что не было способу сквозь его проѣхать; однако Осанъ не смотря на это, продолжалъ свой путь. Онъ ѣхалъ очень скоро, вѣтьви и сучья хлестали меня по лицу; чувствовала я отъ оныхъ великую боль, и такъ лицо мое отъ того испортилось. Приѣхали мы къ одному огромному и престратному храму, въ которомъ обитаютъ усопшїя тѣни. Двери онаго храма были растворены; по сторонамъ увидѣла прикованы на претолстыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ два скелета ужасной величины, въ бѣломъ и долгомъ одѣянїи. Когда мы подошли къ нимъ, то они встали, такъ какъ бы дѣлали намъ почтенїе. Хотя это были и одни кости, однако печаль написана была на ихъ лицахъ. Въ храмѣ семъ обитали страхъ, ужасъ и темнота; и я дрожала, когда вошла въ не-

го; подлѣ дверей во храмѣ прикована была цѣпь къ столбу, и какъ казалось, человѣкъ былъ этотъ знатной, злой и завистливой; глаза его наполнены были кровію, которая изображала его ярость; онъ скрежеталъ зубами и рвалъ на себѣ волосы. Наконецъ увидѣла я множество цѣпей въ семъ храмѣ, иныя изъ нихъ ходили, другія сидѣли: но впрочемъ всѣ имѣли печальные виды. Мнѣ казалось, что самое это зданіе произносило ужасной стонъ отъ тѣхъ въ немъ находящихся. Въ семъ храмѣ очень было много столбовъ, и во всякомъ находилось по одной цѣпи. Осанъ привелъ меня къ первому, отворивъ двери, показалъ цѣпь духовной особы; она сидѣла подлѣ маленькаго столика, на которомъ была съ огнемъ жаровня; правая рука той духовной особы лежала въ ней на огнѣ, и онъ стоя плакалъ столько горько, что мнѣ еще не случалось видѣть толикой печали. Въ другомъ столбѣ стояла жрица, у которой въ обѣихъ грудяхъ находилось по кинжалу, и она столько же была прискорбна, какъ и первой, и очень много видѣла я какъ подобныхъ сихъ наказа-

ній, такъ и разныхъ образовъ страшныхъ и неизъяснительныхъ. Наконецъ перешли мы зимой ужасной храмъ, и выступили въ пріятную и прекрасную долину; въ ней цвѣты, источники и всѣ украшенія превосходили искусство человѣческихъ рукъ; на всякой тропинкѣ и во всякомъ мѣстѣ находились блестящіе жертвенники, на которыхъ горѣлъ неугасаемый огонь. По серединѣ сей долины стоялъ храмъ совсѣмъ первому не подобенъ, и сдѣланъ былъ изъ блистательнаго металла. Я почти смотрѣть не могла на него, и казалось, какъ будто бы онъ горѣлъ разнаго цвѣта огнями. Я понуждала Осана, чтобы скорѣе достигнуть намъ до того великолѣпія. На паперти храма по сторонамъ дверей стояли двѣ кровати покрытыя черными покрывалами, на одной лежала прекрасная женщина; а на другой мущина, не уступающій ни въ чемъ красотѣ прежнія. У женщины въ груди воткнутъ былъ кинжалъ, а у мущины сабля. Неудовольствіе ихъ и прискорбность написаны были и на мертвыхъ ихъ лицахъ. Я остановилась, и разсматривала ихъ очень долго, и съ

превеликимъ сожалѣнїемъ ихъ оставила. Вошли мы въ храмъ, котораго великолѣпїя и красоты объяснить я тебѣ не въ силахъ. Все, что есть рѣдкое и плѣняющее на свѣтѣ, составляло его украшенїе; онъ не казался мнѣ, чтобъ сдѣланъ былъ человѣческими руками, а какое-нибудь великое божество сооружало сіе непонятное зданїе. Подлѣ передней стѣны во храмѣ стояла богиня Лада на престолѣ украшенномъ разными камнями и покрытомъ багряницею; передъ нею находился жертвенникъ; въ разсужденїи храма онъ былъ умѣренъ, но въ разсужденїи его величества вся вселенная не удобна была его вмѣстить въ себя. Осанъ принесъ жертву Богинѣ, во время которой просилъ, чтобы она соединила съ нимъ меня. На что отвѣчала богиня, что завтрешній день прошенїе его исполнится. И такъ поблагодаривъ мы оба ее, вышли изъ храма на другую сторону, и увидѣли не далеко весьма высокую и крутую гору, на которую всходила съ превеликимъ трудомъ женщина; любопытство понудило меня пойти туда. Мы также съ превеликимъ трудомъ взошли на гору,

и увидѣли, что женщина та поливала изъ маленькаго ковчежца золотую спрѣлу, которая вошкнута была въ самую вершину горы. Такое видѣніе показалось мнѣ удивительнымъ; я спросила ее, что она такое дѣлаетъ. На что отвѣчала облившись слезами: ты видѣла на паперти подлѣ храма двухъ молодыхъ юношей, изъ которыхъ одна дочь моя родная. Я узнала любовь ихъ между собой, старалась имъ препятствовать, и наконецъ разлучила, чего оба снести они не могли. Дочь моя лишила себя жизни; молодой тотъ юноша услыша о смерти своей любовницы, прекратилъ также и свою жизнь. Богиня отмщевая мнѣ ихъ смерть, приказала всякую зорю поливать сію спрѣлю изъ находящагося подъ горою источника; и когда произрастетъ этотъ мешалъ, тогда получу прощеніе, и такъ пребываю я въ семъ трудѣ третій уже годъ.

Послѣ, когда мы сошли съ горы, то увидѣла я, подлѣ одного ручейка спала неописанная красавица, подлѣ ея сидѣлъ молодой и прекрасной юноша; мы подошедъ къ нимъ смотрѣли на нихъ.

Красавица та улыбалась во снѣ, и казалось, какъ будто бы она наслаждается теперь самымъ лучшимъ веселіемъ на свѣтѣ. Юноша тотъ былъ очень прискорбенъ, и старался ее разбудить. Мы находились тутъ часа съ три; однако во все это время не могъ онъ разбудить ее. Я спросила у Осана этому причины. Красавица эта, говорилъ онъ, въ жизни своей весьма была безобразна; всѣ ее презирали и гнушались ея бесѣды. Нынѣ юноша въ жизни своей былъ превеликой насмѣшникъ; онъ обладалъ сердцемъ сей красавицы; она его любила больше нежели саму себя; но онъ всегда ее презиралъ, смѣялся и ругался надъ нею чѣмъ однако не могъ онъ истребить въ ней къ себѣ любви. Она жаловалась на его свирѣпство со слезами людямъ, но то не помогло; наконецъ прибѣгнула къ Богинѣ, и ее просила неотступно. Великая Лада сжалившись надъ ея мученіемъ, дала ей образъ столь прекрасной, какой ты теперь видишь, и приказала возгордиться передъ симъ юношею, чтобъ тѣмъ наказать его. Онъ какъ скоро увидѣлъ ее прекрасною, почувствовалъ къ ней вели-

и торжествующій; люди показалися на улицахъ въ богатыхъ одеждахъ и съ веселыми видами; началось великое торжество; вездѣ радостныя восклицанія; повсюду разлилась веселость: отроки и дѣвицы плясали въ хороводахъ, старые изъявляли изъ нимъ свое увеселеніе; пошли вездѣ игры и смѣхи, и словомъ, городъ сей изъ ада превратился въ одну минуту въ поля Елисейскія. Силославъ удивился сему еще больше, нежели прежнему, и видя всѣхъ людей въ превеликой радости, также и своего жреца, надѣялся получить отъ него извѣстіе, и такъ спрашивалъ его о причинѣ онаго. Жрецъ согласился на сіе охотно, и началъ ему разсказывать. Дочь нашего Государя очень прекрасна, и отъ чрезмѣрной ея красоты произошло наше несчастіе; помолвлена она за сына Новогородскаго Князя, которой теперь здѣсь. Дѣло уже подходило совѣмъ къ сочетанію; но не знаемъ, отъ кого провѣдалъ Полканъ о красотѣ нашей Государыни. Онъ присылалъ къ намъ своего посла требовать ее себѣ въ жену. Князю нашему сдѣлать было этого не возможно для того, что уже она по-

то забвенїе прекратило стройное теченїе моихъ мыслей, и мнѣ показалось точно, какъ будтобы я уснула. Наконецъ открывъ мои глаза, увидѣла себя на семъ мѣстѣ и тебя родитель мой. Ахъ! я чувствую великую слабость, говорила она; духъ мой занимается. Прости!... По сихъ словахъ начала она кончаться. Премилосердые боги! я упалъ тогда въ обморокъ, и на силу могъ чрезъ часъ притти въ чувство. Получивъ оное, увидѣлъ оспылое тѣло моей дочери; я уже не извѣщаю тебѣ больше моего мученїя, ты, легко понять можешь, сколько я былъ прискорбенъ. По погребенїи ея нѣла домъ мой началъ разоряться; поселянки домашнихъ моихъ многїя болѣзни, они умирали; имѣнїе мое со всѣхъ сторонъ грабили непрїятели, я въ пущее приходилъ отчаяние, и словомъ, разверзлась предо мною ужасная пропасть бѣдствій: чтобъ пущее произвести во мнѣ отчаяние, то пріѣхалъ въ городъ тотъ человѣкъ, которой училъ на кораблѣ моего сына; онъ увѣрилъ меня дѣйствительно, что Осанъ былъ моего отрода, хотя я то и прежде узналъ, потому

что на грудномъ его досканцѣ найдено было имя Филомены и его собственное. Въ семъ случаѣ жизнь моя показалась мнѣ непадобною, и я началъ искать способа лишишься оной, но только чтобъ не опорочить моего имени. Во время это продолжалась у насъ война съ Тмутараканскимъ Государемъ; я началъ просить моего Князя, чтобы отправилъ онъ меня на войну. Государь, не видя способа воздержать меня, далъ мнѣ соизволеніе, и я немедленно отправился туда.

Въ самое первое сраженіе воевалъ я весьма отчаянно; къ счастію моихъ сограждан, а къ моему неблагополучію, осадилъ я городъ Тмутаракань. Военачальникъ тотъ, которой былъ прежде меня въ воинствѣ, почувствовалъ за сіе ко мнѣ великую злобу. Онъ былъ согласенъ съ Тмутараканскимъ Государемъ, и хотѣлъ измѣнить своему отечеству; описалъ онъ въ Тмутаракань письмо, чтобъ тотъ Государь описалъ ко мнѣ, такъ какъ къ измѣнику, и это письмо получивъ военачальникъ, положилъ ко мнѣ осторожно въ карманъ. Я же не

зная совѣмъ такого подлога, скинулъ то платье, и надѣлъ по утру другое. Письмо это найдено воинами, и отослано къ Государю, и послѣ того еще два. Владѣтель нашъ началъ меня подозрѣвать, также и воинство, о чемъ я ни мало не вѣдалъ. Въ послѣдующее сраженіе наступалъ я весьма храбро, и въ сей запальчивости поразилъ не вѣдая сына моего Государя. Усмотрѣвъ это воины, пришли въ великое замѣшательство, и бросились всѣ назадъ; я старался удерживать ихъ, чтобъ имъ не потерять всего воинства; но никто уже меня не слушалъ, почитая измѣнникомъ. Городъ разтворили, и Тмутараканцы порубили многихъ Русовъ. Наконецъ по усмиреніи всего обезоружили меня, и заключили въ самыя тяжкія оковы; привезли въ городъ какъ злодѣя, посадили въ темницу, и приговорили къ мучительной смерти.

Когда уже приближился конецъ моей жизни, и по утру долженъ я былъ итти на казнь, то въ самую полночь отворилась дверь у моей темницы, и вошелъ ко мнѣ прежде бывшій мой прія-

тель. Онъ объявилъ мнѣ соизволеніе Государя, чтобъ послѣдовалъ я за нимъ. И такъ привезши меня на сіе мѣсто, сказалъ, что онъ подговорилъ стражу, которыхъ ты нынѣ видишь Силославъ въ моихъ услугахъ, поселилъ меня здѣсь, и снабдилъ всѣмъ тѣмъ, что потребно мнѣ къ моему житью. Я пребываю здѣсь уже пятой годъ, и всякіе полгода имѣю извѣстіе о городѣ отъ моего пріятеля. Время уже то приходитъ, и я думаю, что онъ скоро ко мнѣ пріѣдетъ. Такимъ образомъ кончилъ Славуронъ свое похожденіе, которому Силославъ очень много удивлялся, и благодарилъ его за его извѣстіе.

Въ этотъ вечеръ больше уже я не сказывалъ.

ГЛАВА VI

ВЕЧЕРЪ 16.

Продолженїе Силославовыхъ приключенїй.

Послѣ сего препроводили они еще два дни въ нѣкоторыхъ увѣдомленіяхъ другъ друга. Въ третїй день пріѣхалъ Славуронов пріятель. Новоприѣзжїй увѣдомилъ ихъ, что въ городѣ Русѣ весьма нынѣ дурныя обстоятельства, и что оной подверженъ великой опасности. Кочующїй въ непроходимыхъ горахъ Валдайскихъ, говорилъ онъ, сильный богатырь Полканъ, просилъ у нашего Государя дочь себѣ въ супружество: но какъ Государь ему въ оной отказалъ, извиняясь тѣмъ, что уже она помолвлена, то объявилъ онъ войну; и теперь съ часу на часъ ожидаютъ его пришествїя подъ городъ. Народъ находится въ ужасномъ страхѣ, Государь опасается опроверженїя, и словомъ, всѣ въ великомъ безпорядкѣ. Силославъ хотя и не совсѣмъ увѣдомился объ обстоя-

тельствахъ Руса, однако пожелалъ тамъ быть непремѣнно. Онъ предложилъ Славурону и его пріятелю, что намѣренъ туда ѣхать, которые снабдили его всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ къ дорогѣ. Пріѣзжій препоручилъ ему свой домъ въ городѣ, и отпустилъ съ нимъ своего раба. Силославъ простившись съ ними, отправился въ путь, и онъ половины дороги приказалъ возвратиться слугѣ къ своему господину, благодарить его за одолженіе, а самъ продолжалъ свой путь къ городу; ибо онъ намѣренъ былъ ушанить отъ Рускаго Государя какъ свое имя, такъ и породу; и такъ достигъ онъ въ скоромъ времени до Руса.

Сей городъ стоялъ на берегу озера Ильменя, при устьяхъ рѣкъ Ловаши и Палы, которое мѣсто нынѣ называется старая Русь. Онъ былъ весьма крѣпокъ, и сооруженъ изъ дикаго камня: одну сторону окружало озеро, а еще другія двѣ объявленныя рѣки. Силославъ увидѣлъ весьма страшное зрѣлище; стѣны сего города, высокія капища, и всѣ возвышенныя зданія покрыты были черными покрывалами; народное стена-

нїе услышалъ онъ еще поприща за два. Онъ подумалъ, что уже господствуетъ тутъ Полканъ, которой какъ природою, такъ и обыкновенїями съ людьми не согласенъ; чего ради поспѣшалъ въ городъ. Вошедши въ ворота, увидѣлъ двухъ стражей въ черномъ платьѣ, которые сидя плакали, и сколько онъ ни видѣлъ въ городѣ, всѣ были въ одной одеждѣ, и равно какъ и перрые стенали; улицы, домы и люди всѣ были въ траурѣ. Силославъ нетерпѣливо желалъ вѣдать чрезвычайности такой причину; и такъ спрашивалъ онъ у многихъ, однако ни отъ одного не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ видя, что извѣститься ему никоимъ образомъ не возможно, началъ искать себѣ пристанища. Онъ пришелъ къ одному жрецу, и просилъ его, которой его и принялъ; но и отъ того также освѣдомиться не могъ; и такъ принужденъ былъ смущаться симъ невѣдѣнїемъ до половины дня. Какъ скоро ударило двенатцать часовъ, то на всѣхъ городовыхъ башняхъ слышна стала городовая музыка. Въ одну минуту городъ перемѣнился изъ печальнаго въ свѣтлой

и торжествующій; люди показались на улицахъ въ богатыхъ одеждахъ и съ веселыми видами; началось великое торжество; вездѣ радостныя восклицанія; повсюду разлилась веселость: отроки и дѣвицы плясали въ хороводахъ, старые изъявляли имъ свое увеселеніе; пошли вездѣ игры и смѣхи, и словомъ, городъ сей изъ ада превратился въ одну минуту въ поля Елисейскія. Силославъ удивился сему еще больше, нежели прежнему, и видя всѣхъ людей въ превеликой радости, также и своего жреца, надѣялся получить онъ него извѣстіе, и такъ спрашивалъ его о причинѣ онаго. Жрецъ согласился на сіе охотно, и началъ ему разсказывать. Дочь нашего Государя очень прекрасна, и онъ чрезмѣрной ея красоты произошло наше несчастіе; помолвлена она за сына Новогородскаго Князя, которой теперь здѣсь. Дѣло уже подходило совѣтъ къ сочетанію; но не знаемъ, онъ кого провѣдалъ Полканъ о красотѣ нашей Государыни. Онъ прислалъ къ намъ своего посла требовать ее себѣ въ жену. Князю нашему сдѣлать было этого не возможно для того, что уже она по-

молвлена, и еще для той причины, что человѣку жить со звѣремъ не возможно. И такъ получивъ отказъ, объявилъ онъ намъ войну, которой выдержать мы никакого способа не имѣемъ. Новогородской дворъ дать намъ помощи не въ силахъ по тому, что Новгородъ осажденъ отъ разбойника называемаго Волхва; и такъ самъ защищать себя едва можетъ, а не только намъ помогать. По утру, что ты видѣлъ насъ въ печали, это знаменовало, что въ такое время долженъ будетъ разстаться Государь съ своею дочерью, любовникъ, или лучше супругъ съ своею любовницею, а мы съ нашею государынею. Ибо Полканъ объявилъ, что во время возшествія Зимцерлы разоритъ нашъ городъ; а теперь, что ты видишь насъ въ великой радости что во время это избавился Государь отъ руки своего сына Аскалона, которой хотѣлъ лишить его жизни. Чтожъ Государь намѣренъ предпріять, спрашивалъ его Силосланъ, когда придетъ Полканъ подъ городъ? Отдать свою дочь, отвѣчалъ жрецъ; ибо другаго способа не находитъ онъ избавиться отъ такого сильнаго не-

пріятеля. Силославъ предпріялъ побѣдить Полкана, и написалъ къ государю слѣдующее письмо:

„Государь! нѣкто изъ твоихъ „подданныхъ желаетъ тебѣ благопо„лучія, и проситъ, чтобы ты не от„давалъ твою дочь, а нашу Государы„ню Полкану, когда подступитъ „онъ подъ городъ, а побѣдитъ его при„нимаетъ онъ это на себя; и ты у„видишь въ полѣ одного прошивника „изъ твоихъ подданныхъ столь много„численному и свирѣпому воинству.

Нашелъ онъ способъ тайнымъ образомъ вручить его Сенату; Сенатъ объявилъ Государю, которой почелъ его сперва баснею, но наконецъ, разсуждая очень долго, обнадежился симъ увѣреніемъ, и въ доказательство своей благодарности разослалъ повсюду указы, что естьли обѣщаніе свое тотъ исполнитъ, то онъ съ позволенія народа отдастъ ему свое царское сокровище, и притомъ просилъ его чтобы онъ объявился какъ Государю, такъ и народу, чтобы они видѣли своего благодѣтеля; однако

Силославъ не хотѣлъ показаться. Очень въ коротkое время покрылось поле подлѣ города Полканами; всѣ жители взошли на стѣны, и смотрѣли съ превеликимъ ужасомъ на оныхъ. Они рыскали столь быстро по полю, что пущенныя изо всей силы ими стрѣлы догоняли и хватали ихъ на лету, подбѣгали къ городу, и смотрѣли на оной съ презрѣніемъ, почитая игрушкою овладѣть онымъ. Государь почти лишился чувствъ, увидѣвъ такихъ страшилищъ, и ждалъ непремѣнно своей кончины; весь городъ отчаялся и не имѣлъ надежды къ спасенію. Ето было утро. Силославъ увѣдомившись о семъ, началъ призывать Превраду, какъ охранительницу его жизни, которая тотчасъ ему предстала. Могущая волшебница, говорилъ онъ ей! я знаю, что тебѣ все возможно; подкрѣпи во мнѣ мои силы, и позволь побѣдить Полкана. Я не имѣю оружія, и такъ съ твоимъ поощреніемъ ожидаю онъ тебя скаго. Волшебница вывела его изъ дому, и привела въ такое мѣсто, гдѣ не было никого людей, махнула по воздуху волшебнымъ прутикомъ; тотчасъ подвели

ей два духа коня во всемъ богатырскомъ снарядѣ, потомъ принесли и Силославу одежду; она велѣла ему переряднться въ оную и сѣсть на коня, дала наставленіе, и сама скрылась. Силославъ какъ скоро появился на улицѣ во всемъ воинскомъ и сіяющемъ снарядѣ, что увидѣвъ люди, бѣжали къ нему со всѣхъ сторонъ, и провожали съ радостными восклицаніями. Тотчасъ дали знать во дворецъ, что ѣдетъ ихъ избавитель къ Государю, которато видѣвъ отчаявшись не имѣли они никакой надежды. Услышавъ сіе Государь и отчаянная молодая Государыня, бросилась на крыльцо; и съ нетерпѣніемъ ожидали его пришествія. Когда въѣхалъ Силославъ на царской дворъ, что увидя Государь величественной его видъ и красное богатырское вооруженіе, исполнился великою надеждою, и ни мало не сомнѣвался, чтобы такой храброй полубогъ не побѣдилъ его непріятеля. Конь подъ Силославомъ былъ побольше нѣсколько обыкновенныхъ; стройность его, сила, бодрость превосходили все, и не можно найти примѣра; пламенныя его ноздри устрашали всякаго, кто бы ни захо-

пѣлъ къ нему приближишься. Онъ имѣлъ на себѣ одинакую кольчугу съ Силославомъ, которая прикрывала его всего по самыя колѣни. Силославъ имѣлъ на себѣ шлемъ изъ самой чистой стали, которой покрывала золотая решетка; щитъ и копіе сдѣланы были удивительнымъ искусивомъ изъ чистой стали. Когда подъѣхалъ онъ къ крыльцу, то отдалъ должную честь Государю, и говорилъ ему, что онъ ѣдетъ сражаться за честь его и природную вольность княжны его дочери. Государь хотя и просилъ Силослава въ свои покои, однако онъ съ извиненіемъ не пошелъ въ оныя, и поѣхалъ прямо изъ города на равное поле. Государь немедленно шелъ къ Свѣтовидово капище, и приказалъ возжечь въ ономъ великую жертву, просилъ Бога войны, чтобъ рать сія благополучно окончилась. Всѣ жрецы и народъ стояли предъ кумиромъ на колѣняхъ, и съ теплымъ усердіемъ просили его защищенія; нѣкоторые изъ оныхъ почитали Силослава Свѣтовидомъ, по тому что еще не видали такого смертнаго; и такъ во время молитвы внутренно его благодарили за его милосердіе.

Княжна бросилась тотчасъ на городскую башню смотрѣть прошивнаго ей сраженія; она какъ скоро увидѣла Силослава, то благодарность къ оному преодолѣла много любовь ея къ Новогородскому Князю, или лучше, почувствовала она великую къ нему склонность; рвалась уже не о томъ, чтобъ избавиться ей отъ Полкана и соединиться съ обрученнымъ женихомъ, а что Силославъ подвергается такой опасности, и хочетъ лишить себя жизни для той, которую можетъ быть онъ и никогда не видалъ. Вошедъ на башню, ждала съ нетерпѣливостію, какъ Силославъ покажется на ранномъ полѣ.

Однако я пересталъ разсказывать для того, что усмотрѣлъ полночь въ черной епанчѣ.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЪ 17.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Когда растворили ворота, то къ превеликому ужасу гражданъ показался

Силославъ на равномъ полѣ. Увидѣвъ его Полканы, побѣжали многіе съ великимъ стремленіемъ, но не сражаться съ нимъ, а смотрѣть на его вооруженіе. Очень въ скорое время обсыпали его со всѣхъ сторонъ; но Силославъ принялъ ихъ не такъ какъ смотрителей, а такъ какъ непріятелей. Тотчасъ закипѣла военная буря, и все равное поле пришло въ великое движеніе, и начало покрываться мертвыми тѣлами. Силославъ, обнаживъ свой мечь, сверкалъ какъ молнія въ пространномъ полѣ, находя вездѣ себѣ путь сквозь множество освирѣпѣвшихъ Полкановъ. Наконецъ, когда скрыла его густая пыль отъ глазъ Зинаиды, тогда упала она въ обморокъ, отчаявшись его видѣть, и нечувствительную понесли ее въ покои. Полканъ вооружась поднялся изъ своего стану. Силославъ вложа свой мечь вооружился копьемъ. Очень скоро съ превеликою яростію съѣхались они другъ съ другомъ; первой ударъ былъ очень силенъ, такъ что казалось будто бы зыбилась подъ ними земля. Полканъ упалъ на землю; Силославъ отъѣхавъ отъ него на нѣсколько дожидался, что-

ніе, порядокъ, чистоту, и сверхъ то
го освѣщенъ онъ былъ премножествомъ
свѣчь и лампадъ, только не было тутъ
ни одного человѣка; для чего Силославъ
слѣдовалъ еще далѣе, и находилъ всюду
растворенныя двери. Прошедъ премно-
жество великолѣпно-убранныхъ покоевъ
пришелъ онъ къ залѣ, которая показа-
лась ему чрезвычестественною; сте-
нами освѣщены были, того онъ не могъ
разобрать, но только превеличайшее
было онъ оныхъ блистаніе; пола и по-
толока въ семъ залѣ онъ не видѣлъ, но
вмѣсто оныхъ ясной и голубой небесной
сводъ; которой украшало пресвѣтлое
Солнце; внизу очень далеко земной шаръ
со всѣми на немъ обитателями, моря
горы, поля и долины, и словомъ, все
что земля на себѣ имѣетъ; чего ради
Силославъ не смѣлъ переступить въ
оную. Онъ началъ разсуждать, когда
нынѣ въ сей залѣ потолока, и види
небеса; что должно, чтобъ показали
они мнѣ покрытые ночью, и украша
бы ихъ не солнце, но блестящія звѣзд
и такъ конечно есть тутъ что-нибу
такое, котораго я проникнуть не мо
Разсуждая очень долго, увидѣлъ сте

дѣлъ себя лежащаго подъ деревомъ и окруженнаго страшнообразными и невиданными животными, которыхъ какъ на деревѣ, такъ и около его премножество находилось. Они его безпокоили различными образами, и старались устрашить. Такое необычайное позорище и дѣйствительно представилось ему страшнымъ; онъ вскочилъ, и желалъ отъ нихъ удалиться: но чѣмъ больше отступалъ, тѣмъ больше оныхъ ему встрѣчалось; они его утѣсняли, только не дѣлали ему никакого вреда, отъ чего пришелъ онъ въ превеликое отчаянїе, и не зналъ что ему начать должно было. Вдругъ увидѣлъ передъ собою человѣка, которой не сказавъ ему ни слова, взялъ за руку и повелъ въ неизвѣстной путь. Вскорѣ появились они въ такомъ мѣстѣ, которое ежели описывать, то мало станетъ на это человѣческой жизни. Ограда зданїя, въ которое они вошли, сколько была высока, столько и великолѣпна; удивительное сплетенїе и разныя изображенїя сдѣланныя всѣ какъ будтобы изъ одного яхонта голубаго и прозрачнаго цвѣта, представляли его обитанїемъ какого нибудь

первостатейнаго бога, а не человѣка. Столбы, ихъ подножїя и изображенїя на нихъ животныхъ сдѣланы были изъ краснаго и также прозрачнаго камня. Когда вошелъ Силославъ съ проводникомъ въ разтворенныя ворота, то благовонїе, красота деревьевъ, порядокъ стихїй, умѣренное солнца сїянїе, цвѣты и невообразительные фонтаны привели его въ великое удивленїе. Онъ остановился, и не смѣлъ итти далѣе, спрашивалъ у провожатаго, которой однако ничего ему не отвѣчалъ, и только принуждалъ итти далѣе, которому Силославъ предпрїялъ слѣдовать. Встрѣчались съ ними птицы ходящїя по дорогамъ; онѣ имѣли на головахъ у себя вмѣсто хохловъ блестящїя звѣзды, перья же были на нихъ огненныя [illegible]чаго цвѣта, отъ которыхъ падали искры, отъ чего земля пускала благовонїе, и наполняла воздухъ наипрїятнѣйшимъ въ свѣтѣ ароматомъ; другїе, которые столько же были прекрасны, летали въ воздухѣ, колебали оной крыльями, и дѣлали тѣмъ прїятное прохлажденїе. На деревьяхъ малаго рода, но [illegible]еликой прїятности птички пѣли самы[illegible] ж-

мѣйшими голосами. Силославъ увидѣлъ въ пологихъ янтарныхъ берегахъ не весьма большой ручной прудъ, которой находился весь въ движеніи; на подобіе кипящей воды, на поверхности сей ручки стояли Тритоны, Нереиды и Сирены, которыя составляли изъ себя хоръ; оной столько былъ пріятенъ слуху, что какъ скоро Силославъ его услышалъ, то ослабѣли его члены, и пріятной сонъ началъ закрывать его глаза. Проводникъ положилъ его на мягкую, или лучше на воздушную софу, гдѣ Силославъ началъ весьма пріятно. Какъ скоро закрылъ онъ глаза, то мечталось ему сіе:

Мимо того мѣста, гдѣ онъ почивалъ, проходила красавица со множествомъ дѣвицъ, не только что неописанная, но и невообразимая; вела она за руку маленькаго и нагаго мальчика; подошедъ къ Силославу, и взглянувъ на него, усмѣхнулась съ самымъ пріятнымъ видомъ, и приказала мальчику сдѣлать то, что ему приказано. Младенецъ вынулъ стрѣлку изъ колчана, которой находился у него за плечами, положилъ на тетиву, и ударилъ тупымъ концемъ

нулось съ мѣста ; онъ обомлѣлъ, и стоялъ долго неподвиженъ. Тутъ опочивала самая та красавица, которая во снѣ ему мечталась. Пришедъ нѣсколько въ себя, говорилъ онъ мысленно : боги властители надъ нами ! вамъ извѣстно, кого я вижу, кто она и всѣ сіи прелести ; скажите мнѣ, есть ли въ ней что - нибудь смертное, чего я проникнуть не могу, есть ли тутъ какая-нибудь земная красота, или только одна небесная покрываетъ ея лице. Онъ бы еще и больше продолжалъ свое восхищеніе, но пріятной сонъ началъ клонить его голову ; и хотя Силославъ и хотѣлъ противиться сну, какъ повелѣвала ему благопристойность, однако утомленныя покойною дремотою его мысли принудили его уступить подлѣ кровати на креслахъ.

Проснувшись по утру, прежде всего бросилъ онъ взоръ свой на кроватъ ; однако уже никого на оной не увидѣлъ. Тутъ пришелъ онъ въ превеликое отчаяніе, и укорялъ самъ свою неосторожность, негодовалъ на нестерпимое свое желаніе, и думалъ, что она только одна отнимаетъ у него надежду. Неробкое и от-

остаться на томъ мѣстѣ, на коемъ онъ находился. Спустя очень мало времени всѣ деревья неописаннаго сего сада при корняхъ загорѣлись, и разноцвѣтной огонь поднимался отъ часу выше даже до самыя вершины оныхъ; у стоящихъ по аллеямъ статуй открылись урны, которыя они въ рукахъ держали, и начало изъ нихъ пыхать благовонїе; словомъ, вездѣ было освѣщено и вездѣ наполнено ароматами; все играло и все старалось утѣшить Силослава.

А меня старался сонъ клонить, и такъ пересталъ я сказывать.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЪ 18.

Продолженіе Силославовыхъ приключенїй.

Силославъ сколько ни смущенъ былъ любовїю, однако не преминулъ чтобъ не осмотрѣть деревья, отъ чего они горѣли и не истлѣвали; онъ подо-

шедъ, началъ осматривать листы оныхъ, и увидѣлъ, что на каждомъ листочкѣ сидѣло по три огненныхъ червячка, онѣ которыхъ свѣтилось такъ, какъ будто бы онѣ свѣчки; потомъ продолжалъ онъ путь, хотя и не зналъ куда, и въ семъ упражненіи препроводилъ время даже до половины ночи. Наконецъ впереди увидѣлъ великолѣпное зданіе, и чѣмъ ближе къ нему подходилъ, тѣмъ красота и великолѣпіе его умножалось; стѣны сего зданія составляли нѣкоторой неописанной родъ сомкнувшихся столбовъ, которые точно походили на тѣ, изъ которыхъ на небѣ бываетъ явленіе; они передвигались съ мѣста на мѣсто, и тѣмъ дѣлали, какъ будто бы все сіе зданіе находилось въ движеніи; между оными на голубой стѣнѣ блистали разные каменья наподобіе яркихъ звѣздъ. Верхъ его, ежели представить сферу, сдѣланную изъ небесныхъ Зонъ со всѣми небесными знаками изъ самыхъ прозрачныхъ и разноцвѣтныхъ яхонтовъ, что это будетъ онъ; на немъ еще стоялъ Солнцевъ престолъ, на которомъ лежало сердце, пылающее огнемъ, по сторонамъ коего сидѣли два

купидона играющіе между собою другими сердцами. Огромное и превысокое крыльцо, сдѣланное изъ полированнаго и чиснаго хрусталя, которое все находилось въ превеликомъ движеніи, для того что по серединѣ онаго подъ хрусталемъ опускалась вниѣ рѣчка; онъ ея движенія и онъ множества огней, онъ прозрачности стекла, казалось оно одушевленнымъ; по сторонамъ на каждой онаго ступени лежали живые и престрашные львы, которые въ то время спали; и ежелибъ то былъ не Силославъ, то онъ одного ужаснаго ихъ дыханія должно было притти въ превеликой трепетъ. Побѣждаемый любовію Силославъ приступилъ безъ робости къ сему великолѣпному и ужасному зданію; онъ ступилъ на первую ступеньку, не опасаясь сихъ страшилищъ; и когда увидѣлъ, что она неподвижна, тогда пошелъ онъ въ него, и хотя шелъ не весьма осторожно не опасаясь львовъ, однако ни одинъ изъ нихъ не проснулся. У перваго покоя двери были растворены; онъ въ него вошелъ, и увидѣлъ все рѣдкое и плѣняющее на свѣтѣ великолѣпное украше-

нїе, порядокъ, чистоту, и сверхъ того освѣщенъ онъ былъ премножествомъ свѣчь и лампадъ, только не было шуму ни одного человѣка; для чего Силославъ слѣдовалъ еще далѣе, и находилъ вездѣ растворенныя двери. Прошедъ премножество великолѣпно-убранныхъ покоевъ, пришелъ онъ къ залѣ, которая показалась ему чрезвычайственною; стѣны чѣмъ освѣщены были, того онъ не могъ разобрать, но только превеличайшее было онъ оныхъ блистанїе; пола и потолока въ семъ залѣ онъ не видѣлъ, но вмѣсто оныхъ ясной и голубой небесной сводъ; которой украшало пресвѣтлое Солнце; внизу очень далеко земной шаръ со всѣми на немъ обитателями, моря, горы, поля и долины, и словомъ, все, что земля на себѣ имѣетъ; чего ради Силославъ не смѣлъ переступить въ оную. Онъ началъ разсуждать, когда нѣтъ въ сей залѣ потолока, и видны небеса; то должно, чтобъ показались они мнѣ покрытые ночью, и украшало бы ихъ не солнце, но блестящїя звѣзды; и такъ конечно есть тутъ что-нибудь такое, котораго я проникнуть не могу. Разсуждая очень долго, увидѣлъ споля

и стулья стоящїе на воздухѣ, такъ какъ будто бы на полу; онъ отважился, и переступилъ въ нее. Что его держало, того онъ не зналъ; однако шелъ по полу, а это были написаны картины, которыхъ мастера столь были искусны, что водили другихъ стремленїя глазъ весьма собой далеко. Перешедъ Силославъ залу, [illegible]елъ въ покой; въ ономъ стояла кровать съ опущенными занавѣсами, которые онъ поднялъ, и увидѣлъ на ней весьма въ крѣпкомъ снѣ прекрасную женщину; чтобъ не потревожить ее, опустилъ осторожно опять завѣсы, и слѣдовалъ далѣе, гдѣ находилъ еще нѣсколько сонныхъ женщинъ подобныхъ первой. Наконецъ нашелъ въ одномъ покоѣ кровать также съ опущенными завѣсами; она была совсѣмъ первымъ неподобна; украшенїе ея и видъ столь плѣнили Силослава, что онъ не хотѣлъ выйти оттуда цѣлую ночь. Не посмотря еще, кто лежитъ на кровати, приближился онъ къ ней; и какъ скоро открылъ завѣсы, то рука его держа оные онѣмѣла; страстное его сердце, казалось ему, какъ будто бы съ превеликимъ стремленїемъ дви-

нулось съ мѣста; онъ обомлѣлъ, и сто
ялъ долго неподвиженъ. Тутъ опочивал
самая та красавица, которая во сн
ему мечталась. Пришедъ нѣсколько в
себя, говорилъ онъ мысленно: бог
властители надъ нами! вамъ извѣсти
кого я вижу, кто она и всѣ сіи пр
лести; скажите мнѣ, естьли въ не
что-нибудь смертное, чего я прони
нуть не могу, естьли тутъ какая-н
будь земная красота, или только одн
небесная покрываетъ ея лице. Онъ б
еще и больше продолжалъ свое восхищ
ніе, но пріятной сонъ началъ клонит
его голову; и хотя Силославъ и хотѣл
вышти вонъ, какъ повелѣвала ем
благопристойность, однако утомленн
покойною дремотою его мысли принудил
его уснуть подлѣ кровати на креслах

Проснувшись по утру, прежде все
бросилъ онъ взоръ свой на кровати
однако уже никого на оной не увидѣл
Тутъ пришелъ онъ въ превеликое отча
ніе, и укорялъ самъ свою неосторожност
негодовалъ на нестерпимое свое желані
и думалъ, что она только одна он
нимаетъ у него надежду. Неробкое и он

важное геройство! тобою потерялъ я наипрелестнѣйшій для меня предметъ; тобою величался вошелъ я сюда; онъ твоей дерзости привелъ на гнѣвъ прекрасную изъ всѣхъ смертныхъ богиню. Когда же ты ввело меня въ сію погибель, то непремѣнно должно меня и освободить изъ оной; и такъ вспавши пошелъ вонъ изъ сего зданія. Пришедши въ залу, увидѣлъ полъ и потолокъ, которые скрывались въ вечеру онъ его взора; пришедъ на крыльцо, увидѣлъ онъ страшныхъ львовъ бодро стоящихъ, которые какъ скоро его увидѣли, легли, и головы приклонили въ знакъ повиновенія. Крыльцо не находилось уже въ движеніи; и такъ Силосланъ безъ робости сошелъ съ него, и слѣдовалъ своему желанію и водящимъ глазамъ своимъ.

А я послѣдовалъ дремотѣ и пошелъ на постелю.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЪ 19.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Утреннее время довольно было способно къ тому, чтобъ Силославъ осмотрѣлъ всѣ сіи прекрасныя мѣста и увѣдомился о ихъ неописанной добротѣ; однако пламенная любовь вела его не къ любопытству, а къ сысканію того предмета, которой, какъ казалось ему, украшаетъ собою все сіе великолѣпіе. Прошедъ нѣсколько дорогъ, увидѣлъ онъ впереди трехъ весьма великолѣпно одѣтыхъ женщинъ; они шли ему навстрѣчу, и сошедшись сдѣлали ему привѣтствіе, такъ какъ чужестранному человѣку, и просили, чтобъ онъ сдѣлалъ имъ товарищество проходиться по саду; онъ чего Силославъ не желалъ отговориться. Будучи съ ними, со всякою учтивостію спрашивалъ ихъ, кто они таковы, и кому принадлежитъ все это великолѣпіе, которое онъ видитъ; однако онѣ ему ихъ не объясняли

остаться на томъ мѣстѣ, на коемъ онъ находился. Спустя очень мало времени всѣ деревья неописаннаго сего сада при корняхъ загорѣлись, и разноцвѣтной огонь поднимался отъ часу выше даже до самыя вершины оныхъ; у стоящихъ по аллеямъ статуй открылись урны, которыя они въ рукахъ держали, и начало изъ нихъ пыхать благовонїе; словомъ, вездѣ было освѣщено и вездѣ наполнено ароматами; все играло и все старалось утѣшить Силослава.

А меня старался сонъ клонить, и такъ пересталъ я сказывать.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЪ 18.

Продолженіе Силославовыхъ приключенїй.

Силославъ сколько ни смущенъ былъ любовїю, однако не преминулъ чтобъ не осмотрѣть деревья, отъ чего они горѣли и не истлѣвали; онъ подо-

шедъ, началъ осматривать листы оныхъ, и увидѣлъ, что на каждомъ листочкѣ сидѣло по три огненныхъ червячка, отъ которыхъ свѣтилось такъ, какъ будто бы они свѣчки; потомъ продолжалъ онъ путь, хотя и не зналъ куда, и въ семъ упражненіи препроводилъ время даже до половины ночи. Наконецъ впереди увидѣлъ великолѣпное зданіе, и чѣмъ ближе къ нему подходилъ, тѣмъ красота и великолѣпіе его умножалось; стѣны сего зданія составляли нѣкоторой неописанной родъ сомкнувшихся столбовъ, которые точно походили на нѣ, изъ которыхъ на небѣ бываетъ явленіе; они передвигались съ мѣста на мѣсто, и тѣмъ дѣлали, какъ будто бы все сіе зданіе находилось въ движеніи; между оными на голубой стѣнѣ блистали разные каменья наподобіе яркихъ звѣздъ. Верхъ его, ежели представить сферу, сдѣланную изъ небесныхъ Зонъ со всѣми небесными знаками изъ самыхъ прозрачныхъ и разноцвѣтныхъ яхонтовъ, то это будетъ онъ; на немъ еще стоялъ Солнцевъ престолъ, на которомъ лежало сердце, пылающее огнемъ, по сторонамъ коего сидѣли два

купидона играющіе между собою другими сердцами. Огромное и превысокое крыльцо, сдѣланное изъ полированнаго и чиснаго хрусталя, которое все находилось въ превеликомъ движеніи, для того что по серединѣ онаго подъ хрусталемъ опускалась внизъ рѣчка; онъ ея движенія и онъ множества огней, онъ прозрачности сквозь, казалось оно одушевленнымъ; по сторонамъ на каждой онаго ступени лежали живые и пресвирѣпые львы, которые въ то время спали; и ежелибъ то былъ не Силославъ, то онъ одного ужаснаго ихъ дыханія должно было притти въ превеликой трепетъ. Побѣждаемый любовію Силославъ приступилъ безъ робости къ сему великолѣпному и ужасному зданію; онъ ступилъ на первую ступеньку, не опасаясь сихъ страшилищъ; и когда увидѣлъ, что она неподвижна, тогда пошелъ онъ въ него, и хотя шелъ не весьма осторожно не опасаясь львовъ, однако ни одинъ изъ нихъ не проснулся. У перваго покоя двери были растворены; онъ въ него вошелъ, и увидѣлъ все рѣдкое и плѣняющее на свѣтѣ великолѣпное украше-

нїе, порядокъ, чистоту, и сверхъ того освѣщенъ онъ былъ премножествомъ свѣчь и лампадъ, только не было тутъ ни одного человѣка; для чего Силославъ слѣдовалъ еще далѣе, и находилъ всѣдѣ растворенныя двери. Прошедъ премножество великолѣпно-убранныхъ покоевъ, пришелъ онъ къ залѣ, которая показалась ему чрезвычестивенною; стѣны чѣмъ освѣщены были, того онъ не могъ разобрать, но только превеличайшее было отъ оныхъ блистанїе; пола и потолока въ семъ залѣ онъ не видѣлъ, но вмѣсто оныхъ ясной и голубой небесной сводъ; которой украшало пресвѣтлое Солнце; внизу очень далеко земной шаръ со всѣми на немъ обитателями, моря, горы, поля и долины, и словомъ, все, что земля на себѣ имѣетъ; чего ради Силославъ не смѣлъ переступить въ оную. Онъ началъ разсуждать, когда нѣтъ въ сей залѣ потолока, и видцы небеса; то должно, чтобъ показались они мнѣ покрытые ночью, и украшало бы ихъ не солнце, но блестящїя звѣзды; и такъ конечно есть тутъ что-нибудь такое, котораго я проникнуть не могу. Разсуждая очень долго, увидѣлъ столя

и стулья стоящіе на воздухѣ, такъ какъ будто бы на полу; онъ ошважился, и переступилъ въ нее. Что его держало, того онъ не зналъ; однако шелъ по полу, а ещо были написаны картины, которыхъ мастера столь были искусны, что водили другихъ стремленія глазъ весьма собой далеко. Перешедъ Силославъ залу, вошелъ въ покой; въ ономъ стояла кровать съ опущенными занавѣсами, которые онъ поднялъ, и увидѣлъ на ней весьма въ крѣпкомъ снѣ прекрасную женщину; чтобъ не потревожить ее, опустилъ осторожно опять завѣсы, и слѣдовалъ далѣе, гдѣ находилъ еще нѣсколько сонныхъ женщинъ подобныхъ первой. Наконецъ пришелъ въ одномъ покоѣ кровать также съ опущенными завѣсами; она была совсѣмъ первымъ неподобна; украшеніе ея и видъ столь плѣнили Силослава, что онъ не хотѣлъ выйти оттуда цѣлую ночь. Не посмотря еще, кто лежитъ на кровати, приближился онъ къ ней; и какъ скоро открылъ завѣсы, то рука его держа оные опѣмѣла; страстное его сердце, казалось ему, какъ будто бы съ превеликимъ стремленіемъ дви-

нулось съ мѣста; онъ обомлѣлъ, и стоялъ долго неподвиженъ. Тутъ опочивала самая та красавица, которая во снѣ ему мечталась. Пришедъ нѣсколько въ себя, говорилъ онъ мысленно: боги властители надъ нами! вамъ извѣстно, кого я вижу, кто она и всѣ сіи прелести; скажите мнѣ, естьли въ ней что-нибудь смертное, чего я проникнуть не могу, естьли тутъ какая-нибудь земная красота, или только одна небесная покрываетъ ея лице. Онъ бы еще и больше продолжалъ свое восхищеніе, но пріятной сонъ началъ клонить его голову; и хотя Силославъ и хотѣлъ выйти вонъ, какъ повелѣвала ему благопристойность, однако утомленныя покойною дремотою его мысли принудили его уснуть подлѣ кровати на креслахъ.

Проснувшись по утру, прежде всего бросилъ онъ взоръ свой на кровать; однако уже никого на оной не увидѣлъ. Тутъ пришелъ онъ въ превеликое отчаяніе, и укорялъ самъ свою неосторожность, негодовалъ на нестерпимое свое желаніе, и думалъ, что она только одна отнимаетъ у него надежду. Неробкое и от-

какого отвѣта. Такая чрезвычайность привела его въ великое удивленіе, и онъ не хотѣлъ оставить ее, не извѣстясь о такомъ чудномъ превращеніи; но разставшіяся съ ними женщины пришедъ присовокупили нѣсколько слезъ къ окаменѣлой женщинѣ, повели его съ собою въ то зданіе, въ которомъ препроводилъ онъ ночь, и тутъ оставили не сказавъ ему ни одного слова. Силославъ будучи тутъ, принужденъ былъ ожидать неизвѣстнаго; вскорѣ увидѣлъ онъ множество идущихъ къ себѣ женщинъ въ бѣлыхъ и въ великолѣпныхъ одеждахъ, между которыми и та, коя плѣнила Силославово сердце. Увидѣвши ее пришелъ онъ въ превеликое замѣшательство мыслей, сдѣлался неподвиженъ, и словомъ, окаменѣлъ. Видъ ея сколько былъ важенъ, столько и нѣженъ; глаза наполнены были неприступнымъ величествомъ, съ которымъ обитало вмѣстѣ и великое снизхожденіе. Величественная гордость и врожденная нѣжному полу пріятность раздѣлили Силославово понятіе, и онъ хотя не хотѣлъ, однако замѣтилъ успѣхъ свои, и не могъ отважиться прежде сдѣлать

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЪ 19.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Утреннее время довольно было способно къ тому, чтобъ Силославъ осмотрѣлъ всѣ сіи прекрасныя мѣста и увѣдомился о ихъ неописанной добротѣ; однако пламенная любовь вела его не къ любопытству, а къ сысканію того предмета, которой, какъ казалось ему, украшаетъ собою все сіе великолѣпіе. Прошедъ нѣсколько дорогъ, увидѣлъ онъ впереди трехъ весьма великолѣпно одѣтыхъ женщинъ; они шли ему навстрѣчу, и сошедшись сдѣлали ему привѣтствіе, какъ какъ чужестранному человѣку, и просили, чтобъ онъ сдѣлалъ имъ товарищество проходиться по саду; онъ чего Силославъ не желалъ отговориться. Будучи съ ними, со всякою учтивостію спрашивалъ ихъ, кто они таковы, и кому принадлежитъ все это великолѣпіе, которое онъ видитъ; однако онѣ ничего ихъ не объясняли ему ни-

сто шого, о чемъ онъ хотѣлъ провѣдать. Одна изъ сихъ женщинъ, которая казалась побольше другихъ достоинствомъ, съ позволенія прочихъ просила съ собою Силослава; онъ за нею послѣдовалъ, а другіе ихъ оставили, и пошли въ свой путь.

Женщина прошедъ нѣсколько, нашла уединенное мѣсто, сѣла на софу, и просила также Силослава; потомъ начала говорить ему слѣдующее: Я знаю, государь, что вы чужестранецъ, и находишся теперь въ такомъ мѣстѣ, которое, ежелибы я старалась объяснить тебѣ всѣми силами, то и тогда бы не могла; а однимъ словомъ скажу тебѣ, что это мѣсто находится не на землѣ; оно принадлежитъ нѣкоторой весьма безобразной волшебницѣ, и которая при всей своей гнусности имѣетъ породу сто двацать лѣтъ. Она бывая часто на землѣ, увидѣла нѣкогда тебя, и смертельно влюбилась; и для того чтобъ предстатися тебѣ важною, расшворила землю послѣ сраженія твоего съ Полканомъ, и волшебною силою перенесла тебя въ сіе мѣсто. Она

желаешь съ тобою совокупишься. Это правда, что ты увидишь ее красавицею; она имѣетъ этотъ даръ, что можетъ перемѣнять гнусность свою на меня ужасную красоту: но это можетъ она сдѣлать на одинъ часъ, а послѣ представшися тебѣ столь скаредною и гнусною, что ты проклинать будешь свою жизнь, и придешь отъ того въ превеликое отчаяніе. На той кроватиѣ, подлѣ которой ты ночевалъ, почивала она, имѣвши на себѣ самый прекрасной видъ, въ коемъ ты ее нашелъ, и усыпила тебя нарочно для того, чтобы ты не могъ видѣть гнуснаго ея вида, когда по необходимости должна она была оставить прекрасной тотъ образъ. Меня не другое что принудило тебѣ изъяснить, это, какъ только одно врожденное во мнѣ сожалѣніе, и ты не подумай, чтобъ была причиною тому какая страсть, которая сдѣлала меня къ тебѣ преданною. Выговоривши это, нѣсколько она закраснѣлась, и говорить перестала.

Силославъ выслушавши все, не зналъ какъ растолковать ея слова; онъ

былъ не легкомысленъ, и сверхъ того любовь не позволяла ему вѣрить ни мало такому препорученію; и такъ притворясь, будто бы вѣрилъ всему тому, что она ни сказала, говорилъ ей сіе: Государыня! ежели ты береш участіе во всемъ томъ, что до меня принадлежитъ, и ежели малое мнѣ повреженіе трогаетъ твое сердце, то прошу тебя, ежельи есть къ тому способъ, покажи мнѣ ея безобразе, чтобъ тѣмъ возвимѣлъ я къ ней прямое омерзѣніе, и почувствовалъ бы въ сердцѣ моемъ непримиримое отвращеніе. Я признаюсь тебѣ, сударыня, что прелести ея вошли въ мое сердце, и господствуютъ надъ моимъ понятіемъ. Все мое стараніе и всѣ труды прилагаю я къ тому, чтобъ увидѣть прекрасной ея образъ; я его почитаю божествомъ, и ничто кромѣ очевиднаго свидѣтельства не можетъ привести меня на другія мысли. При семъ словѣ изобразилась на лицѣ ея досада, и она съ превеликимъ гнѣвомъ начала выговаривать многія поносныя слова той, которая плѣнила Силослава. Это чудовище, говорила она, недостойно не только что твоей любви,

еще больше своими дарованіями. Сколько была пространна сія долина, толикое множество имѣла въ себѣ и людей, только всякой имѣлъ свое мѣсто и подругу, и ни одинъ другому въ забавахъ не препятствовалъ. Женщины украшали мущинъ цвѣтами, и украсивъ ихъ любовались ими, осязали ихъ, цѣловали, ласкали, и словомъ, показывали имъ всѣ тѣ пріятности, коими наградила природа нѣжной полъ женской. Со всякою парою присутствовалъ Купидонъ; онъ имъ всякую минуту представлялъ новыя увеселенія, умножалъ въ сердцахъ ихъ жаръ любовной и старался ежеминутно привести любовь ихъ къ совершенію. Тутъ присутствовала радость, невинныя игры и пріятные смѣхи; у всякаго на лицѣ изображено было восхищеніе: всякой прославлялъ природныя дарованія, и всякой охотно старался умножить страсть свою къ прекрасному для него предмету и показать, что онъ онъ всего усердія жертвуетъ ей сердцемъ и всею жизнію. По серединѣ сей пріятной долины находилась преогромная и превысокая гора, вершины которыя Силославъ увидѣть не могъ,

какого отвѣта. Такая чрезвычайность привела его въ великое удивленіе, и онъ не хотѣлъ оставить ее, не извѣстясь о такомъ чудномъ превращеніи; но разставшіяся съ ними женщины пришедъ присовокупили нѣсколько слезъ къ окаменѣнной женщинѣ, повели его съ собою въ то зданіе, въ которомъ препроводилъ онъ ночь, и тутъ оставили не сказавъ ему ни одного слова. Силославъ будучи тутъ, принужденъ былъ ожидать неизвѣстнаго; вскорѣ увидѣлъ онъ множество идущихъ къ себѣ женщинъ въ бѣлыхъ и въ великолѣпныхъ одеждахъ, между которыми и та, коя плѣнила Силославово сердце. Увидѣвши ее пришелъ онъ въ превеликое замѣшательство мыслей, сдѣлался неподвиженъ, и словомъ, окаменѣлъ. Видъ ея сколько былъ важенъ, столько и нѣженъ; глаза наполнены были неприступнымъ величествомъ, съ которымъ обитало вмѣстѣ и великое снизхожденіе. Величественная гордость и врожденная нѣжному полу пріятность раздѣлили Силославово понятіе, и онъ хотя не хотѣлъ, однако затворилъ уста свои, и не могъ отважиться прежде сдѣлать

ей привѣтствія. Она подошедъ къ софѣ сѣла на нее, и говорила другимъ женщинамъ такъ: Я хочу остаться здѣсь на нѣсколько времени уединенною; оставьте меня на часъ, и поди́те, куда каждая изъ васъ изволитъ. Всѣ женщины сдѣлавъ ей съ великимъ подобострастіемъ почтеніе, пошли немедленно вонъ, за которыми послѣдовалъ было и Силославъ, однако она удержала его, сказавъ, что имѣетъ до него великую нужду; и такъ остались они шутъ двое.

Когда захочется спать, тогда и важныя дѣла на умъ не пойдутъ, не только сказки. Тутъ я сдремалъ, и пересталъ разсказывать.

ГЛАВА X.

ВЕЧЕРЪ 20.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Государь мой, говорила она ему! такою ли я тебѣ кажусь, какою описывала на женщина, которая была

съ тобою въ моемъ саду? я не стараюсь защищать себя. Государыня моя, отвѣчествовалъ ей восхищенной Силославъ! возможно ли, чтобы я повѣрилъ такому препорученію, и видя предъ собою божество, захотѣлъ бы мысленно превратить его въ безобразіе. Много этой чести для меня, говорила она; я не богиня, а смертная, и не волшебница по словамъ недавной твоей пріятельницы. Потомъ нѣсколько поговоря такимъ образомъ начала она открывать ему свою любовь, отъ котораго открытія Силославъ насилу могъ удержать въ себѣ восхищенной духъ. Сердце его затрепетало, и уста наполнились безмолвіемъ. Онъ хотѣлъ говорить, но возбужденныя мысли предупреждали его изреченія и дѣлали его безсловеснымъ; словомъ, восхищенія его и пламени изъяснить ему ни коимъ образомъ было не возможно. Она вставши сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ послѣдовалъ за нею, куда немедленно онъ и пошелъ. Пришедъ въ опочивальню, исполнила она произволеніе боговъ и страстную волю; потомъ взявши ево за руку, пошла вонъ изъ сего зданія. Какъ только вышли они на

крыльцо, то Силославъ услышалъ по всему саду необыкновенное согласіе весьма пріятной музыки; неизъясненное веселіе летало по всему саду, и отъ великой радости казалось, что и дерева находятся въ движеніи. Стоящія подлѣ крыльца Нимфы въ брачныхъ одѣяніяхъ запѣли тотчасъ пѣсни однимъ только богамъ приличныя; и когда она вела его по дорогѣ окруженнаго всѣми небесными прелестями, тогда Купидоны бросали подъ ноги имъ цвѣты, и пускали всякіе ароматы въ воздухъ. Пришли они къ той окаменѣной недавно женщинѣ и увидѣли ее весьма горько плачущую. Повелительница сказала ей съ гордымъ видомъ: я тебя прощаю, помни долгъ, и не отваживайся на такія предпріятія. Рыдающая женщина стала тотчасъ въ прежнемъ своемъ образѣ, и наполнилась превеликою радостію, благодарила боговъ, и упала передъ нею на колѣни, извинялась въ своемъ погрѣшеніи, которой однако приказано было тотчасъ встать. Любовница Силославова извинясь передъ нимъ оставила его съ своими Нимфами, и пошла въ неизвѣстную Силославу дорогу.

Потомъ нѣсколько спустя времени пришелъ къ нему человѣкъ весьма великолѣпно одѣтый, и казался больше быть богомъ, нежели человѣкомъ, которой сказалъ Силославу повелительнымъ и величественнымъ голосомъ, чтобы онъ послѣдовалъ за нимъ. Идучи наполнялся Силославъ великимъ страхомъ онъ невоображаемаго великолѣпія, и чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ больше встрѣчалъ его великой ужасъ. Глаза его не находили конца великолѣпію, а мысли воображенiямъ. Все, что онъ ни видѣлъ, было для него ново, прелестно и ужасно; по дорогамъ разные испуканы разнаго изображенія и разныхъ металловъ приводили понятіе его въ замѣшательство. Деревья, фонтаны, которыхъ никакъ объяснить не возможно, останавливали его въ пути, притягали къ себѣ взоръ, и дѣлали мысли его неспособными къ разсужденію объ оныхъ. Потомъ когда перестало быть въ глазахъ его слѣпленіе древесное, то открылась весьма обширная долина; она исполнена была всѣми тѣми пріятностями, какія только человѣкъ выдумать можетъ между людьми; но природа украсила ее

еще больше своими дарованіями. Сколько была пространна сія долина, толикое множество имѣла въ себѣ и людей, только всякой имѣлъ свое мѣсто и подругу, и ни одинъ другому въ забавахъ не препятствовалъ. Женщины украшали мущинъ цвѣтами, и украсивъ ихъ любовались ими, осязали ихъ, цѣловали, ласкали, и словомъ, показывали имъ всѣ тѣ пріятности, коими наградила природа нѣжной полъ женской. Со всякою парою присутствовалъ Купидонъ; онъ имъ всякую минуту представлялъ новыя увеселенія, умножалъ въ сердцахъ ихъ жаръ любовной и старался ежеминутно привести любовь ихъ къ совершенію. Тутъ присутствовала радость, невинныя игры и пріятные смѣхи; у всякаго на лицѣ изображено было восхищеніе: всякой прославлялъ природныя дарованія, и всякой охотно старался умножить страсть свою къ прекрасному для него предмету и показать, что онъ онъ всего усердія жертвуетъ ей сердцемъ и всею жизнію. По серединѣ сей пріятной долины находилась преогромная и превысокая гора, вершины которыя Силославъ увидѣть не могъ,

но только блистало на ней свѣтозарное солнце. Гора эта сдѣлана была вся изъ слоновой кости съ превеликими уступами, и внутри съ преогромными жилищами; съ самаго верху по одной сторонѣ низпадалъ съ пріятнымъ и тихимъ журчаніемъ великой источникъ, и прошекалъ всю долину до окончанія; изъ котораго съ превеликою жадностію пили всѣ находящіеся въ долинѣ люди: но вода его столь была вкусна и пріятна, что никогда они насытиться оной не могли. Входъ на сію гору весьма былъ пространенъ, и имѣлъ частыя ступени. Проводникъ Силославовъ повелъ его за руку; Силославъ идучи находилъ всякую пріятность, встрѣчалъ разныхъ и украшенныхъ самою природою животныхъ, разнаго рода птицъ, и слономъ, все чего только вообразить не можно. Потомъ пришли они на возвышенную площадь, которая устлана была вся золотыми коврами; по серединѣ оной стояло весьма великолѣпное и огромное зданіе; стѣны онаго осыпаны были всѣ дорогими и рѣдкими каменьями; крупныя жемчужныя зерна лежали узорами на оныхъ; рубины и карбункулы

доканчивали все оное великолѣпіе; двери сего зданія находились растворенными. Они вошли немедленно въ оное. Силославъ какъ скоро взглянулъ на сіе невоображаемое великолѣпіе и богатство, то не только наполнился удивленіемъ, но и довольно ужаснулся. Все, что есть на землѣ, всѣ оныя сокровища не могли бы составить и половины того, что онъ видѣлъ. Тутъ сидѣли и ходили равно какъ и первые влюбленные люди; они были также веселы какъ и тѣ, но только нѣкоторое малое неудовольствіе являлось на ихъ лицахъ, и казалось, какъ будто бы чего-нибудь имъ не доставало. Женщины не такъ были къ нимъ привѣтливы, какъ къ первымъ; и хотя ласкали ихъ, однако чаще взглядывали на лежащія на столахъ сокровища. Всякая выбирала лучшее себѣ украшеніе, и чаще подходила къ зеркалу, нежели къ любовнику. Тутъ мущины больше ходили за женщинами, нежели женщины за мущинами, хотя долгъ и природа повелѣваютъ женщинѣ повиноваться мущинѣ.

А я повиновался дремотѣ, которая господствовала мною больше нежели любовь.

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЪ 21.

Продолженїе Силославовыхъ приключенїй.

Оставивъ сихъ, слѣдовали они еще выше, и былъ довольное время въ пути, вышли на пространную площадь, которая обнесена была кругомъ мирповыми и лавровыми деревьями; также вокругъ стояли позлащенные жертвенники, на которыхъ пламенники не угасали; подлѣ всякаго жертвенника стояли на колѣнахъ приклонивъ голову Государи въ коронахъ и въ порфирахъ; по срединѣ сего неизображаемаго круга находился храмъ сдѣланной весь изъ одного изумруднаго камня на подобїе сплетенныхъ деревъ и былъ столько зеленъ, какъ самая цвѣтущая мурава; между которыми вмѣщены были розовые яхонты, кои изображали живые цвѣты; по четыремъ сторонамъ храма стояли изъ чистаго золота великїе истуканы; они нѣсколько изгнувшись и держали на плечахъ голубые яхонтовые ша-

ры, на которыхъ имѣли движенїе блестящїя звѣзды, и казалось, какъ будто бы сїи истуканы были одушевленны. На верху свода, которой изображенъ былъ куполами, стоялъ престолъ, изъ какого металла, объ этомъ Силославъ увѣдать не могъ, но только онъ столь былъ ясенъ, что самое солнце не превышало его блистанїя; на престолѣ стоялъ Купидонъ изъ такого же металла, и держалъ въ обѣихъ рукахъ сердце, которое пылало необыкновеннымъ пламенемъ, и летящїя отъ онаго внизъ искры зажигали на жертвенникахъ пламенники. Силославъ съ великимъ страхомъ вступилъ въ сей храмъ, и не нашелъ въ немъ ничего земнаго, но одна небесная красота шутъ обитала. По серединѣ храма весьма на возвышенномъ престолѣ покрытомъ багряницею, и выше того, какъ будто бы на прозрачномъ и бѣломъ облакѣ сидѣла нагая богиня Лада въ одномъ только шелковенномъ пожсѣ, которой сплетенъ былъ преудивительнымъ мастерствомъ; на немъ видны были самыя плѣняющїя прелести, пріятности, любовь, желанїя, веселїя, шайные переговоры, неповин-

ные обманы, приманчивыя улыбки и прелестныя забавы, плѣняющія духъ и мысли самаго разумнаго человѣка. Видъ ея столько былъ величественъ, что Силославъ какъ скоро взглянулъ на нее, то упалъ на колѣни. Не не доставало въ томъ прекрасномъ ея образѣ ни роз, ни лилей, ни смѣшенныхъ любезнѣйшихъ вещей, ни попаенной красоты плѣняющей глаза, ниже пріятности превосходящей и самую красоту, а всего онъ преисполненъ былъ. Радость являлась у нее на глазахъ, а на щекахъ смѣхъ; и хотя прелести ея онъ того не умножались, однако пріятнѣе становились. На каждой ступени передъ престоломъ сидѣли Граціи въ бѣломъ платьѣ, и богъ любви Дидъ (*) игралъ по срединѣ ихъ невинными забавами. Богиня взглянувъ весьма снисходительно на Силослава, говорила ему такъ: Познай Силославъ ну, которая по произволенію боговъ и по своей волѣ совокупилась съ тобою въ моемъ обитаніи; для чего это сдѣлано, теперь я еще тебѣ не открою, и кто

(*) *Дидъ* сынъ Лады, Богъ Славенской, веселія и любви. Онъ тотъ же что Купидонъ.

отъ тебя произойдетъ, и то будетъ сокрыто до времени. Снизхожденіе мое приноситъ тебѣ великую славу, и ты долженъ теперь считать себя счастливѣе всѣхъ смертныхъ; оно же не принесетъ огорченія и любовницѣ твоей Прелѣпѣ, но величайшую славу. Лада сіяющая завсегда безсмертною красотою и небесною славою, сдѣлалась ей совмѣстницею: что ей не досаду, а великое увеселеніе приключить должно; ибо она владѣетъ тѣмъ, что и самыя безсмертныя имѣть бы хотѣли. Силославъ съ превеликимъ подобострастіемъ поклонился ей до земли, благодарилъ за ея снизхожденіе, и просилъ всемощнаго ея покровительства. Что богиня обѣщала ему съ охотою, и потомъ указавъ на проводника, сказала Силославу: Вашъ человѣкъ откроетъ тебѣ все съ тобою здѣсь случившееся; поди, и больше ни въ чемъ не сомнѣвайся. Силославъ конечно бъ не похотѣлъ оставить сихъ прелестей, или бы съ великимъ принужденіемъ то сдѣлалъ; но плѣнившая его сердце Прелѣпа по соизволенію богини вселилась опять въ его память по временномъ отсутствіи.

Потомъ вышли они на окружающую храмъ площадь. Свида (такъ назывался проводникъ) снялъ смертную завѣсу съ глазъ Силославовыхъ, положилъ на нихъ безсмертіе, и показалъ ему съ превысокой той горы землю, на которую взглянувъ Силославъ ужаснулся; ибо все, что ни было на оной, было ему откровенно. Во первое увидѣлъ онъ своихъ родителей печалящихся о немъ, весь городъ и все свое владѣніе, потомъ окаменѣлое царство, Государя и своего наперсника, и словомъ, все, что только онъ хотѣлъ видѣть, выключая одну только Прелѣпу. Онъ просилъ Свида, чтобъ онъ показалъ ему тотъ для него прекрасной образъ; однако на то не получилъ никакого отвѣта. Потомъ сошли они съ той превысокой горы въ долину на другую сторону. Свида идучи долиною началъ говорить Силославу такимъ образомъ: Великій Чернобогъ, яко мститель всѣмъ за злость, изготовилъ тебѣ конечную въ то время, когда ты убилъ Полкана; онъ хотѣлъ мстить ему самымъ мучительнымъ образомъ въ жизни его, но ты предвратилъ его опредѣленіе, и за то долженъ былъ низвергнуться во

адъ. Онъ растворилъ подъ тобою пропасть, которая пожрала тебя и ты упалъ въ страшную адскую долину; но богиня Лада соизволеніемъ великаго Перуна искупила тебя изъ оныя; я тебя вывелъ и привелъ въ ея обитаніе. Нимфа ея хотѣла обманомъ тебя прельстить, и за то обращена была въ камень. Теперь долженъ я показать тебѣ то мѣсто, которое назначено было тебѣ отъ Чернобога и разсказать тебѣ превращеніе Полканово. Въ скоромъ времени вышли они изъ прекрасной долины и пришли въ такое мѣсто, гдѣ обитали страхъ и ужасъ.

Это была престрашная долина; земля ея покрыта была вѣчнымъ льдомъ, а деревья инеемъ, и которую солнце никогда не озаряло плодотворными своими лучами, и на которую небо всегда смотрѣло свирѣпыми глазами. Положеніе свое имѣла она между двумя превысокими горами; земля сея долины производила только одни ядовитыя зелія, и зима бываетъ тамъ чрезъ всѣ времена года, такъ что холодной воздухъ часто захватывалъ у Силослава дыханіе, и морозъ проходилъ сквозь его одѣяніе.

Вдали видны были мрачныя поля, на которыхъ земля вся изрыта была возвышенными поверхностями могилъ на подобіе ужаснаго кладьбища, между коими шатались усопшія тѣни; иныя казались всшающими изъ гробовъ, а другія укрывающимися. Густой и замерзлой воздухъ дѣлалъ мертвецовъ еще блѣднѣе, нежели они въ самой вещи суть. Изъ могилъ выходили ключи, и соединясь вмѣстѣ, дѣлали изъ себя кровавую и великую рѣку, по которой плыли усопшія тѣла, сшарыя человѣческія кости и раздробленныя головы. Рѣка сія упадала въ пространную пещеру, которая весьма далеко вдалась въ гору; отверстіе ея обросло сухимъ тростникомъ и голыми вѣшьвями; вмѣсто тихаго журчанія слышны были шамъ печальныя воздыханія и стонъ. Свидъ повелъ Силослава въ ужасную пещеру, которая при подошвѣ другой горы находилась. Какъ только они въ нее вошли, то превеличайшій ужасъ объялъ Силослава, и онъ не хошѣлъ далѣе слѣдовашь. Пещера сія была весьма пространна наподобіе какого-нибудь сшарашнаго храма; сшѣны ея увѣшены бы-

черными и разодранными сукнами, на которыхъ висѣли пробитые стрѣлами щиты, изломанныя оружія, поврежденные шлемы и кольчуги, которыя всѣ покрыты были запекшеюся кровію; освѣщена она была смоляными факелами, отъ которыхъ копоти и дыма умножался пуще въ оной мракъ; по серединѣ и во всѣхъ мѣстахъ стояли разкрытые гробы, подлѣ которыхъ лежали и крышки; въ нихъ находились тѣла тѣхъ Государей и полководцевъ, которые проливали въ жизни своей всякой день неповинную кровь. Чудовище стерегло двери сего мрачнаго жилища, у котораго испекала изо рта запекшаяся кусками кровь, изъ раздавленныхъ глазъ безпрестанно капали слезы, зубами повсеминутно скрежетало, съ языка мешекалъ у него смертоносной ядъ, платье на немъ все было въ крови, и около головы шипѣли премножество змѣй.

Сдѣлавъ такое страшное описаніе пересталъ я разсказывать.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЪ 22.

Продолженіе Силославовыхъ приключеній.

Вотъ путь преддверіе ада, говорилъ Свитъ Силославу, и это еще одно только его начало; по произволенію богини долженъ я тебѣ показать его весь. Чрезъ сію пещеру не возможно тебѣ пройти имѣвъ въ себѣ безмерпіе, и такъ пойдемъ на гору, съ которой ты будешь смотрѣть въ сіе ужасное обиталіе тѣней. Потомъ вывелъ онъ его на поверхность горы, и показалъ съ оной всѣ адскія мученія.

Силославъ какъ скоро взглянулъ въ ту наполненную всякими мученіями бездну, то какъ ни храбръ былъ, однако пришелъ онъ того въ превеликой ужасъ. Какъ скоро обратилъ онъ глаза за гору, то открылось ему сіе ужасное видѣніе. Небо, земля и воздухъ столь были мрачны, какъ самая темная и пасмурная ночь; подъ низкими бесами ходили превеликія тучи, которыя имѣли цвѣтъ не

подобіе зарева; на оныхъ сидѣли огненные дьяволы разнаго и непоображаемаго вида; по землѣ извивалась огненная рѣка, въ которой плавали мучащіеся люди; въ нее впадала другая кровавая рѣка, и отъ соединенія ихъ происходилъ великой шумъ; стенаніе людей и движеніе непорядочныхъ спинхй производили несносной слухъ ушамъ. За сими рѣками находилась весьма обширная пропасть, которая выбрасывала изъ себя премножество огня, и которой достигалъ до самыхъ облаковъ. Въ семъ огнѣ вмѣшали на воздухъ люди, кои падали въ огненную рѣку, которая влекла ихъ опять въ ту пещеру. Всякую минуту превеличайшій и сѣдой бѣсъ привозилъ въ устію по кровавой рѣкѣ по полной лодкѣ беззаконниковъ, и выпрокидывалъ ихъ въ огненную рѣку; со всѣхъ сторонъ сгоняли бѣсы людей въ огненную пу пропасть, и кипѣли люди, огонь и рѣки на подобіе обуреваемаго Океана. Впрочемъ ни огонь не могъ натрѣпть воздухами моровъ преодолѣть огня, а всякое находилось въ великой силѣ. На открытыхъ тамъ поляхъ, гдѣ стояли подъ вѣчнымъ инеемъ деревья, и гдѣ были спрашныя

кладьбища, обитала ужасная стужа, и люди нѣкоторые бѣгали изъ огня въ оную, но сносить ее ни одной минуты не могли, и такъ возвращались опять въ неугасимое пламя.

Свида говорилъ Силославу: вотъ какъ жестоко наказуются злые люди; пойдемъ, я тебѣ покажу долгчаніе сего ужаснаго видѣнія. Потомъ повелъ онъ его на другую гору, пришедъ въ средину, ввелъ онъ его въ самое великое и огромное зданіе, которое отъ давнишнихъ вѣковъ сдѣлалось все наподобіе земляной и черной пещеры. Тутъ находились всѣ выдуманныя на земли мученія, и висѣли по стѣнамъ анатомическія орудія. Далѣе въ послѣдующей комнатѣ, когда они вошли, то увидѣли человѣка сидящаго на камнѣ, и прикованнаго къ двумъ столбамъ стоящимъ подлѣ онаго, на котораго сверху упадала распопленная и огненная смола. Онъ стенялъ и ревлся столько отчаянно, что Силославъ смотря на него прослезился. Свида увидя сожалѣніе Силославово, говорилъ ему: это тотъ, котораго ты поразилъ передъ городомъ Русомъ. Это Полканъ, вскричалъ Сило-

великой ярости хотѣлъ растерзать ее на части. Аскалонъ и Горгонъ вооружась пресѣкли его стремленіе, и положили тутъ мертваго. Аскалонъ когда разпоролъ ему саблею чрево, то кабанъ испустилъ преужасной ревъ, и разбудилъ спящую подлѣ ручья дѣвицу. Она открывъ глаза благодарила Аскалона за его избавленіе, и обѣщала ему служить всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только она можетъ. Конечно бы ты сударыня умерла, говорилъ ей Аскалонъ вкладывая свой мечь, ежелибы мы не ускорили нашей помощію. Я за это обязана вамъ служить, отвѣтствовала дѣвушка, хотя въ этотъ день и не предписано мнѣ умереть, такъ какъ и Азату твоему отцу; не все по неистовому нашему желанію исполняется; и хотя я избавлена руками убійцы, однако должно, чтобы ты получилъ отъ меня награжденіе; прими его, вотъ что я тебѣ даю: Потомъ подняла она руку, и опустила ее на правое плечо къ Аскалону, и сама исчезла. Правая его рука отнялась, и не могъ уже онъ ею больше дѣйствовать; мысли его затмились, и превеликое забвеніе лишило его употребленія разума. Сколько злость ни владѣ-

умить его живота, и тѣмъ получить его царство и желаемую невѣсту: чего ради открылъ онъ сіе Горгону первому Министру, злому и ненасытному человѣку, которой давно уже предпріялъ похитить Руской престолъ. Горгонъ видя къ тому удобной случай, не упустилъ, чтобъ не подать Аскалону совѣта; ибо онъ вѣдалъ, когда Аскалонъ умертвить своего отца, то народъ не оставить его безъ отмщенія, и лишить наслѣднаго престола; а ближе къ оному не было, какъ Горгонъ. Онъ предложилъ ему, чтобъ вызвать Азата на охоту, и быть съ нимъ только имъ двоимъ, и тамъ безъ свидѣтелей лишить его жизни. По предложеніи Азатъ на сіе согласился; однако взялъ съ собою одного изъ вѣрнѣйшихъ придворныхъ, которой никогда и нигдѣ онъ него не отставалъ. Ѣхавши до мѣста охоты, заѣхали они въ священную рощу, которая посвящена была великому Чернобогу, и шутъ на нѣсколько времени остановились. Прекрасныя мѣста сей божественной рощи понудили Азата съ своимъ наперсникомъ пойти для разсмотрѣнія оныхъ, а Аскалонъ съ Горгономъ

великой ярости хотѣлъ растерзать ее на части. Аскалонъ и Горгонъ вооружась пресѣкли его стремленїе, и положили тутъ мертваго. Аскалонъ когда разпоролъ ему саблею чрево, то кабанъ испустилъ преужасной ревъ, и разбудилъ спящую подлѣ ручья дѣвицу. Она открывъ глаза благодарила Аскалона за его избавленїе, и обѣщала ему служить всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только она можетъ. Конечно бы ты сударыня умерла, говорилъ ей Аскалонъ вкладывая свой мечь, ежелибы мы не ускорили нашей помощїю. Я за это обязана вамъ служить, отвѣтствовала дѣвушка, хотя въ этотъ день и не предписано мнѣ умереть, такъ какъ и Азату твоему отцу; не все по неистовому нашему желанїю исполняется; и хотя я избавлена руками убїйцы, однако должно, чтобы ты получилъ отъ меня награжденїе; прими его, вотъ что я тебѣ даю: Потомъ подняла она руку, и опустила ее на правое плечо къ Аскалону, и сама исчезла. Правая его рука отнялась, и не могъ уже онъ ею больше дѣйствовать; мысли его затмились, и превеликое забвенїе лишило его употребленїя разума. Сколько злость ни владѣ-

никъ привезъ его безчувственнаго во дворецъ.

Въ этотъ я вечеръ кончилъ такъ, а въ другой началъ инако.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЪ 23.

Продолженїе повѣсти объ Аскалонѣ.

Аскалонъ и Горгонъ идучи располагали свое предпрїятїе. Сердца наполненныя злостью никакой прекрасной предметъ тронуть не можетъ; чего ради не разсматривали они украшенїя природныя. Потомъ увидѣли въ дали прекрасную дѣвушку, которая спала подлѣ весьма тихо журчащаго источника на мягкой и зеленой травѣ; не красота ея, а единственно одно любопытство повело къ ней сихъ двухъ злобныхъ человѣкъ. Они уже были очень близко подлѣ ея, какъ увидѣли съ великимъ стремленїемъ бѣжащаго къ ней престрашнаго вепря, которой въ

великой яростии хотѣлъ растерзать ее на часши. Аскалонъ и Горгонъ вооружась пресѣкли его стремленіе, и положили шутъ мертваго. Аскалонъ когда разпоролъ ему саблею чрево, то кабанъ испустилъ преужасной ревъ, и разбудилъ спящую подлѣ ручья дѣвицу. Она открывъ глаза благодарила Аскалона за его избавленіе, и обѣщала ему служить всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только она можетъ. Конечно бы ты сударыня умерла, говорилъ ей Аскалонъ вкладывая свой мечь, ежелибы мы не ускорили нашей помощію. Я за это обязана вамъ служить, отвѣчствовала дѣвушка, хотя въ этотъ день и не предписано мнѣ умереть, такъ какъ и Азапу твоему отцу; не все по неистовому нашему желанію исполняется; и хотя я избавлена руками убійцы, однако должно, чтобы ты получилъ отъ меня награжденіе; прими его, вотъ что я тебѣ даю: Потомъ подняла она руку, и опустила ее на правое плечо къ Аскалону, и сама исчезла. Правая его рука онѣмѣла, и не могъ уже онъ ею больше дѣйствовать; мысли его запмились, и превеликое забвеніе лишило его употребленія разума. Сколько злость ни влад-

ла его сердцемъ, однако превеличайшій страхъ и раскаяніе о богопротивномъ умышленіи не дали ей больше въ ономъ мѣста; онъ стоялъ долго смотря на Горгона, и не могъ выговорить ни одного слова. Горгонъ смутился и самъ не меньше его, и для того съ часъ не могли они оба выйти изъ сего изумленія. Наконецъ когда Аскалонъ пришелъ самъ въ себя, то и раскаялся въ своемъ намѣреніи; но Горгонъ подкрѣплялъ его какъ возможно. Ты, которой такъ-твердо предпріялъ воцариться на твоемъ престолѣ и низложить недостойнаго теперь нами обладателя, вѣрить предсказанію обойденной разумомъ твари; представь себѣ всѣ тѣ сладости, которыя ты получа престолъ вкусить можешь; ты не долженъ будешь тогда повиноваться никакому закону, но будешь давать людемъ оной самъ. Знаешь, что престолъ есть часть божества, и такъ безразсудно отъ подобныхъ себѣ вѣрить предсказаніямъ. Словомъ, Горгонъ отогналъ совсѣмъ раскаяніе отъ Аскалона, и наполнилъ его еще пущею злобою. Они слѣдовали немедлѣнно въ городъ, не нашедъ тогда Государя, которой уже о-

свободился отъ великаго мученія, и призвавъ къ себѣ своего сына, желалъ узнать его о себѣ мысли; однако Аскалонъ умѣлъ скрыть свое намѣреніе по наученію Горгонову. Хотя Азанъ и не выскалъ въ его словахъ никакого подозрѣнія, однако не вѣрилъ уже ему больше такъ какъ родному своему сыну, и опредѣлилъ къ нему надзирателя человѣка строгаго и набожнаго, живущаго всегда подъ закономъ непремѣнныя добродѣтели.

Сей приставленной надзиратель весьма былъ вѣренъ своему Государю, увидя въ Аскалонѣ испорченной любовію правъ, желалъ непремѣнно исправить его; чего ради не смотря на придворное обыкновеніе, просилъ онъ Государя, чтобы Азанъ запретилъ имѣть обхожденіе Аскалону съ Горгономъ, что было и приказано. Все шло къ тому, чтобы наполнить большею злобою сердца двухъ злыхъ человѣкъ. Горгонъ почитая себя чрезъ это обиженнымъ, захотѣлъ отомстить надзирателю. Злобное его сердце не позволяло ему ни одной минуты быть въ покоѣ, и онъ вездѣ искалъ случая умертвить его. Нѣкогда Государь

поѣхалъ въ Зничевъ (*) храмъ для принесенія жертвы, которой стоялъ по другую сторону Ильменя на горѣ; и какъ только онъ изъ города выѣхалъ, то Горгонъ послалъ къ надзирателю именемъ Азаша, чтобы и онъ ѣхалъ въ тотъ же храмъ. Тотчасъ сѣвши на лошадь, съ малою свитою поѣхалъ онъ за Государемъ; и какъ только выѣхалъ изъ города, то напалъ на него Горгонъ, которой уже на этомъ мѣстѣ его дожидался, разсѣкъ на четверо саблею, и всѣхъ, кто съ нимъ ни былъ, умертвивъ разбросалъ тѣла ихъ по дорогѣ.

Государь возвращаясь изъ храма наѣхалъ на сіе ужасное и плачевное позорище, убитыхъ могли тотчасъ узнать, но убійца ихъ былъ не вѣдомъ; однако какъ бы ни старался утаить Горгонъ сіе дѣ-

---

(*) *Зничь*, священный неугасимый огонь. Во многихъ Славенскихъ городахъ построены были ему храмы. Жертвовали ему частію изъ полученныхъ отъ непріятеля добычи и плѣнными Христіанами. Въ тяжкихъ болѣзняхъ имѣли къ нему прибѣжище. Корыстолюбивые жрецы обманывали народъ, сказывая отвѣты болваномъ, о которыхъ уверяли, что получили ихъ чрезъ вдохновеніе сего бога.

ло, но правильное подозрѣніе пало на него. Азанъ съ сихъ поръ началъ стараться обличить Горгона. Горгонъ предузнавъ свою погибель, предпріялъ убѣжать изъ своего отечества, и пріѣхалъ въ городъ Росъ, которой стоялъ на берегу Двины рѣки. Росской Государь тогда имѣлъ великое несогласіе съ Русскимъ, и для того принялъ Горгона съ великою радостію, и узнавъ его ненависть къ своему Государю, далъ ему у себя первое мѣсто. Горгонъ предложилъ тотчасъ Великосану (такъ назывался Роской государь), чтобъ собрать войско, и итти противъ Азана войною. Аскалонъ имѣлъ съ Горгономъ тайныя переписки, и обѣщалъ отдать престолъ Великосану, только чтобы ему получить Зиланду себѣ въ жену. Но Горгонъ думалъ не такъ; онъ предпріялъ побѣдить Азана, и послалъ умертвить тайнымъ образомъ Великосана и Аскалона, и овладѣть самому двумя престолами. Намѣреніе его шло сперва весьма скрытно, и никто не могъ проникнуть его предпріятія. Въ одинъ мѣсяцъ все было изготовлено, и войско выступило въ походъ. Находясь не малое время въ

пути, пришли наконецъ подъ городъ Русъ, обставили его со всѣхъ сторонъ воинствомъ, заняли проходъ, и по озеру для потребныхъ предосторожностей. Азатъ какъ скоро услышалъ сїю нечаянную вѣсть, то пришелъ въ превеликое замѣшательство, приказалъ какъ возможно готовиться своему воинству, и хотѣлъ сдѣлать сраженїе вышедши изъ города. Онъ очень долго колебался въ своемъ разсудкѣ, и не хотѣлъ поручить воинства своему сыну. Собиралъ частые совѣты, въ которыхъ всѣ были его мнѣнїя, и подтверждали ему, чтобы онъ не поручалъ своей жизни сыну, отъ котораго уже и такъ много опытовъ невѣрности его видѣли, и лучше бы самъ воевалъ съ Великосаномъ; однако такой опасной случай не могъ установить Азатовой мысли.

А меня сонъ очень легко могъ склонить, чтобы я согласился итти на постелю.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЪ 24.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Между тѣмъ, какъ происходило установленіе въ обоихъ ополченіяхъ, въ Великосановомъ воинствѣ пойманъ былъ переносчикъ тайностей, у котораго нашли подъ шлемомъ письмо; оно было слѣдующаго содержанія:

ГОРГОНЪ АСКАЛОНУ ЗДРАВІЯ ЖЕЛАЕТЪ.

„Теперь пришло время къ совершенію „намѣренія; Азанъ въ твоихъ рукахъ, „а Великосанъ у меня, старайся какъ „возможно, чтобы войска наши сразились, а я уже изготовилъ какъ Азану „твоему отцу, такъ и Великосану по„гибель, которой они во время сраже„нія не минуютъ; притомъ поздравляю „тебя Государемъ Русскимъ и съ при„совокупленіемъ престола Россскаго „.

Великосанъ какъ скоро прочиталъ сіе письмо, такъ и приказалъ привести

предъ себя Горгона, которой пришедъ во всемъ признался, и весьма жалѣлъ, что не исполнилось его предпріятіе, и вмѣсто устращенія говорилъ онъ Великосану такъ: Ты счастливъ, и долженъ благодарить несчастливой моей судьбинѣ; она тебя спасла отъ моихъ рукъ; я хотѣлъ насытишься твоею кровію, но жестокой рокъ превращаетъ мое желаніе и приноситъ меня недостойному тебѣ на жертву. Терзай меня, и выпь скорѣе мою душу; я не могу видѣть тебя безъ непрестаннаго движенія сердца. Такая наполненная злобою Горгонова рѣчь привела Великосана въ превеликую ярость, и онъ желалъ скорѣе предать смерти столь гнусное чудовище людямъ. Онъ спрашивалъего о единомышленникахъ; на что Горгонъ говорилъ такъ: Я скажу тебѣ объ оныхъ не прежде, пока послѣднее дыханіе останется во мнѣ; я дамъ тебѣ ящичекъ, въ которомъ лежатъ собственныя ихъ подписанія; только ты открой его самъ, и не вѣрь никому, потому что есть тутъ нѣкто изъ твоихъ любимцовъ, и такъ весьма будетъ не трудно скрасть свои подписанія. Потомъ вывели Горгона на одинъ

пригорокъ, и привязали къ столбу. Тутъ Горгонъ объявилъ, гдѣ находился ихъ ящикъ, и Государь приказалъ его принесши къ себѣ подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобъ никто не осмѣлился прежде его открыть.

Послѣ, когда разстрѣляли Горгона, Государь приказалъ собраться въ свой шатеръ знатнымъ и первенствующимъ Боярамъ, чтобъ обличить преступниковъ при семъ собраніи. Когда они всѣ собрались, то Великосанъ говорилъ слѣдующее: Я еще не открывая ввѣреннаго мнѣ Горгономъ обличенія, не вижу изъ васъ никого измѣнника, и для того люблю еще и теперь всѣхъ васъ такъ, какъ любилъ я и прежде. Желаю, чтобъ боги были для меня милостивы, и возвратили бы мнѣ всѣхъ васъ вѣрными рабами, какъ были вы до сего времени. Я ужасаюсь, когда вздумаю, что долженъ буду кого-нибудь почесть изъ васъ законопреступникомъ. При семъ словѣ открылъ онъ Горгоновъ ящикъ; и какъ съ великимъ поспѣшеніемъ дернулъ съ него крышку, то въ самое это время выскочила изъ ящика превеликая сдѣлавшая змѣя и острымъ жаломъ поразя-

ла въ самую грудь Великосана, и онъ едва столько успѣлъ выговорить: прощайте друзья мои! и скончался. Все собраніе пришло въ превеликой ужасъ; всякой возгласивъ отчаянно стоялъ окаменѣвшимъ; послѣ бросились помогать Государю, но уже помощь ихъ была напрасна. Члены его оледенѣли, и испухла ихъ живность; поднялся великой въ воинствѣ его вопль. Хотя начальники и старались скрыть смерть своего Государя, однако все воинство въ одну минуту узнало. Наслѣдной Государь, сынъ Великосановъ Ардалонъ, принявъ скоропостижно престолъ и область, вышелъ усмирить народъ; онъ, какъ возможно великодушному Государю, старался ободрять ихъ; но будучи чувствителенъ о смерти отцовой, уговаривая ихъ самъ прослезился, отъ чего все воинство пришло въ пущее отчаяніе, и сіе сѣтованіе во всемъ Ардалоновомъ ополченіи не прежде начало уменьшаться, какъ дней чрезъ пять или еще больше. На той змѣѣ, которая поразила храбраго Великосана, онъ головы и до конца написаны были сіи слова: „Горгонъ и мертвой столько же стра-

„ шенъ своимъ непрїятелямъ, сколько „ и живой„. Ардалїонъ приказалъ Горгоново шѣло волочить по всему стану со всякимъ позоромъ и ругательствомъ, и всякой воинъ укрощалъ свою надъ онымъ ярость и неудовольствїе; однако уныние и болѣзнь еще во всякомъ оставались; сколько-то глубоко впечатлѣно было въ оныхъ снизхожденїе Великосаново и его къ подданнымъ своимъ милость.

Великое сокрушенїе, отчаяннїе и смятенїе воинства были причиною тому, что Ардалїонъ вознамѣрился было отступить отъ города и возвратиться въ свое отечество; но начальники и старшины совѣтовали ему вступить въ сраженїе, чтобы при первомъ случаѣ какъ воинство, такъ и народъ въ области не подумали, что Ардалїонъ малодушенъ. Это правда, говорили они, что обстоятельства наши принуждаютъ насъ окончить воинскїя дѣла, но храбрость и слава нашего имени требуетъ того, чтобъ и въ несчастїи быть столькоже великодушнымъ и отважнымъ, какъ и самомъ благополучїи. Ардалїонъ вознамѣрился по совѣту ихъ вступить

въ войну и не отходить отъ города; чего ради предпрiялъ онъ ободрять свое войско, и наполнять его сколько возможно великодушiемъ. Хотя сердце его и терзалось отцовою смертiю, однако всегда показывался воинамъ, какъ будто бы онъ хотелъ возобновить умершаго Великосана славу. Охота его къ тому умножалась, но сердечное чувствованiе приводило его въ претенiе; онъ боялся вступить въ сраженiе, чтобъ болѣзнь о его родителѣ не привела къ тому время его въ отчаяние, и чтобы не потерялъ онъ отъ того всего своего воинства. Разсуждая о семъ очень долго, наконецъ приказалъ готовиться къ сраженiю. Войско его въ одну минуту все пришло въ готовность и стояло въ порядкѣ. Тотчасъ жрецы начали приносить жертву, и просить Боговъ съ теплымъ и усернымъ молешемъ о милостивомъ ихъ снизхожденiи. Знаменованiе сей жертвы весьма было счастливое, и все воинство отъ того наполнилось великою надеждою и храбростiю. Произхожденiе ея было такое:

Однако оно услышите завтра.

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЪ 25.

Продолженїе повѣсти объ Аскалонѣ.

Дымъ восходилъ отъ жертвы весьма выше обыкновеннаго, и казалось, что конецъ его уже былъ за атмосферою, какъ вдругъ великой огонь покрылъ все надъ ними небо, и явился среди пламени престолъ, которой поддерживали четыре крылатые льва; по сторонамъ престола на облакахъ стояли весьма великаго роста два стража съ пламенными оружїями; и когда исчезъ въ воздухѣ огонь, то явилась радуга, которая окружила весь престолъ, и была перевита рѣдкими и прелестными цвѣтами; на престолѣ лежала подушка, а на оной шлемъ и перевитый лавромъ мечь. Увидѣвъ сїе воинство Ардалїоново, воззопило веселымъ голосомъ, и тотчасъ приступило къ городу. Азанїй съ своей стороны давно уже былъ готовъ; стѣны наполнились воинами, и начало*сь сраженїе*. Изъ Ардалїонова воинства

поднялась на воздухъ изъ стрѣлъ туча, такжe и изъ города. Сраженіе было весьма кровопролитное, и сила Ардаліонова начала ослабѣвать; вскорѣ разтворили ворота, и въ проломанныя стѣны вышло великое множество Русовъ. Тутъ еще началась брань кровопролитнѣе первой. Азанъ какъ разъяренной левъ въ великомъ стадѣ безсильныхъ агнцевъ убивалъ всѣхъ тѣхъ, конхъ ни встрѣчалъ; покрылось поле Росами, а оставальные искали только своего спасенія. Ардаліонъ видя свою погибель, старался ободрить своихъ воиновъ; но они наполнившись страхомъ, не могли дѣйствовать своимъ оружіемъ. Сѣча сія продолжалась почти до захожденія солнца, и Росы прогнаны были весьма далеко. Вдругъ невѣдомо какой ободряющій духъ искоренилъ въ сердцахъ ихъ страхъ, наполнилъ великимъ геройствомъ и жадностію къ бою; стекаются со всѣхъ сторонъ, принимаютъ порядокъ, кричатъ въ восхищеніи, побѣда! наступаютъ грудью, удерживаютъ стремленіе Русовъ; начинается бой несказанно жестокъ прежнихъ. Русы видятъ издалека поспѣшающаго къ ополченію героя, видъ

его и храбрость производятъ въ нихъ ужасъ. Онъ уже среди ополченія; мечтается среди Азашова воинства, и такъ какъ жадная смерть поядаетъ людей и дѣлаетъ за собою широкія улицы; рубитъ безъ милосердія, и такъ какъ молнія въ одно мгновеніе ока поражаетъ тысячи, приходитъ на всѣхъ страхъ, бѣгутъ отъ меча его разсѣявшись народы, тонутъ въ рѣкахъ и болотахъ предускоряя другъ друга, сами себя давятъ, кричатъ отчаянно, и ждутъ единой только смерти.

Азанъ повелѣваетъ призвать на помочь своего сына. Сей поспѣшаетъ уже къ воинству, ободряетъ оное, и примѣромъ своей храбрости приводитъ его въ прежнее мужество. Тутъ сдѣлалась сомнительная побѣда и счастіе начало прошивиться обоимъ воинствамъ. Смерть равно присутствуетъ какъ у Азана, такъ и у Ардаліона. Воины чѣмъ больше поражаютъ, тѣмъ больше желаютъ проливать крови. Правое крыло уступило Азановой силѣ, гдѣ присутствовалъ отъ самъ и сынъ его Аскалонъ, у котораго съ перваго розмаху лѣвое

рукою освободилась отъ недѣйствія и правая. Тутъ увидѣли въ немъ Росы храбраго героя; какъ бурной вѣтеръ частой лѣсъ, такъ онъ ломилъ Ардалїоново воинство, погналъ и не давалъ имъ времени возвращаться. Конь его тонулъ въ крови прешивной, и казалось, какъ будто бы плавалъ по самое чрево. Бѣгутъ отъ руки его Росы, но смерть ихъ догоняетъ; сїе чудовище алчно ихъ похищаетъ.

Солнце уже потонуло въ безднѣ водъ; мрачная ночь и превеликой туманъ покрыли небо. Азанъ не переставалъ гнать бѣгущихъ съ сыномъ своимъ Аскалономъ; и когда отдѣлились они совсѣмъ отъ своего воинства, тогда нещастной Аскалонъ обратилъ ярость свою на своего отца, и стремился жадно отнять живота его саблею. Азанъ видя свою погибель, и не имѣя времени выговорить слова, отдался бѣгу, и тѣмъ хотѣлъ спасти свой животъ. Первой какъ незлобивой агнецъ поручаетъ жизнь своему коню, и въ великомъ будучи страхѣ, уже его не поощряетъ къ бѣгу; а другой какъ алчный и разъ-

яренный левъ отворяетъ свою пасть, и хочетъ его поглотить. Уже заноситъ руку, уже опускаетъ саблю; но конь его споткнулся, и онъ стремительно упалъ на землю. Онъ вскакиваетъ поспѣшно, и не обрѣтаетъ ни отца, ни коня своего, ни меча. Все въ одну минуту пропало, и онъ видитъ себя на берегу небольшаго острова, вмѣсто своихъ воиновъ и прошивныхъ черные и свирѣпые валы, вмѣсто прекраснаго поля страшную и волнующуюся пучину; онъ бѣжитъ къ берегу но бѣгъ его оканчивается глубокимъ моремъ. Страхъ его объемлетъ, и онъ въ робости не знаетъ, чему приписать нежданной сей случай; въ отчаяніи ударяется объ одинъ стоящій при берегѣ дубъ, которой истомленной произноситъ голосъ, о охъ!

Довольно для нынѣшняго вечера; а прочее услышите послѣ.

На другой день товарищъ мой просилъ меня и Аленону, чтобъ мы позволили ему нѣсколько вечеровъ оказать свое краснорѣчіе. Аленона не хотѣла отстать отъ Аскалоновой повѣсти, отка-

ко для неотступной его прозьбы принуждена была согласишься; и такъ перемѣнилъ онъ меня на время, чтобъ мнѣ на нѣсколько отдохнуть и собрать свѣжія мысли, и началъ разсказывать въ вечеру слѣдующее.

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЪ 26.

Угадчики.

Турки также умираютъ, какъ и всѣ люди, только хоронятъ ихъ съ нѣкоторыми отмѣнными по закону ихъ обрядами; да дѣло теперь о смерти, а не о законѣ. И такъ скажемъ, что скончался близко Константинополя не послѣдняго званія Турокъ; осталось послѣ его довольно имѣнія, и также три сына, которые послѣ смерти его получили шишулъ наслѣдниковъ. Въ то время, когда хоронили они своего отца, какой то довольно проворной воръ похитилъ все оставшееся имъ имѣніе; и

когда наслѣдники усмотрѣли, что дѣлить имъ было нѣчего, то предприняли разбирать дѣло это судомъ. Большой братъ имѣлъ подозрѣніе на середняго, середней на меньшаго, меньшой на большаго; и такъ должно было всѣмъ просить другъ на друга. Всѣ равно желали имѣть наслѣдство, и для того всѣ равно объ ономъ и старались; и такъ отправились они въ Константинополь къ Кади.

Встрѣтился имъ на дорогѣ человѣкъ запыхавшись, которой спрашивалъ, не видали ли братцы? Не верблюда ли, спрашивалъ большой братъ? Онъ лѣвымъ глазомъ косъ, сказалъ середней; а на немъ былъ уксусъ, говорилъ меньшой. Такъ точно, государи мои, это мой верблюдъ; да гдѣ же онъ, продолжалъ встрѣтившійся? Мы его не видали, отвѣчали ему всѣ три брата вмѣстѣ. Возможно ли, говорилъ прохожій, отгадавъ, что я спрашиваю верблюда, описавъ его съ ногъ и до головы, и говорите, что вы его не видали. Такъ конечно вы, господа мои, воры; однако у Кади я думаю, что заговорите вы другимъ голосомъ. Я желаю переговорить съ вами

у этого судьи. Очень изрядно, отвѣчали они ему; а мы и сами великое имѣемъ до него дѣло. Мужикъ идучи радовался, что нашелъ своего верблюда, и думалъ что уже онъ въ его рукахъ.

Пришедши къ судьѣ, мужикъ началъ плача просить о своей покражѣ, и увѣдомилъ Кадія, какъ отвѣчали они ему, когда онъ спрашивалъ объ оной. Кади услышавъ все, ни мало не сомнѣвался, чтобъ верблюдъ не былъ въ рукахъ у этихъ трехъ братьевъ; и такъ сказалъ имъ, чтобы они немедленно отдали его мужику. Большой братъ сказалъ судьѣ, что они верблюда никакого не видали и у себя его не имѣютъ. Кади разсердясь закричалъ, почему же вы узнали, что мужикъ спрашивалъ верблюда? По тому, отвѣчалъ большій братъ, что было это еще утро, и роса покрыла поле, и слѣдовъ не видно было никакихъ, выключая верблюжьихъ; я узналъ, что пробѣжалъ тутъ верблюдъ, и такъ спрашивалъ, не верблюда ли онъ ищетъ. Изрядно, отвѣчалъ судья: а вы по чему узнали, что верблюдъ былъ лѣвымъ глазомъ косъ? По

шому, говорилъ средній братъ, что на правой сторонѣ дороги трава самая сухая но онъ всю ее смялъ и ѣлъ, а на лѣвой самая препрядная, которой онъ ни мало не повредилъ; такъ надобно чтобы онъ лѣвымъ глазомъ былъ косъ. Хорошо: а ты какъ это могъ узнать, спрашивалъ Кади у меньшаго брата, что онъ навьюченъ былъ уксусомъ? Очень не трудно, отвѣчалъ онъ; въ слѣдахъ его оставалось нѣсколько жидкой матеріи, въ которую я омокнувъ персть положилъ на языкъ, и узналъ, что это уксусъ; и такъ надобно, чтобъ былъ на верблюдѣ въ мѣхахъ уксусъ. Теперь я вижу, что это правда, отвѣчалъ онъ; и такъ ты мужикъ напрасно имѣлъ на насъ подозрѣніе; поди и ищи твоего верблюда, куда онъ побѣжалъ. Безнадежной мужикъ промѣнялъ великую радость на печаль, и пошелъ догонять свою скотину.

Большой братъ попомъ началъ просить на средняго въ покражѣ ихъ имѣнія; средней просилъ на меньшаго, а меньшой на большаго, и никто изъ нихъ не имѣетъ никакого подозрѣнія другъ на друга. Судья хотя и гораздо былъ ра-

зуменъ, однако такая задача нѣсколько его потревожила; а у нихъ такое обыкновеніе, ежели Кади не разберетъ какого дѣла, то долженъ лишиться мѣста. Онъ не зналъ, какъ начать ихъ судить, и для того приказалъ притти на другой день къ себѣ отобѣдать, а самъ тѣмъ временемъ хотѣлъ подумать, какъ бы приступить ему къ дѣлу. Онъ предпріялъ такъ, чтобъ оставить ихъ однихъ за столомъ, а самому слушать изъ другаго покоя, не найдетъ ли онъ какого подозрѣнія въ ихъ разговорахъ, и притомъ положилъ въ маленькой ящичекъ Айва (*), запечаталъ его Султановою печатью, и заперъ очень крѣпко, чтобъ они угадали. И такъ когда настало утро, и они пришли къ Кади, то просилъ онъ ихъ сѣсть съ собою обѣдать. Какъ только что начали было они ѣсть, то вошелъ судейской рабъ по его наученію, и сказалъ, что спрашиваютъ его къ Султану. Кади вскочилъ поспѣшно, просилъ ихъ, чтобы они обѣдали безъ него, и извинясь вышелъ.

(*) Айва плодъ, которой растетъ въ Турціи, величиною онъ съ лимонъ, и также желтъ и нѣсколько мохнатъ.

Когда онъ былъ въ другомъ покоѣ и слушалъ сквозь замочную щелку, большой братъ отломилъ хлѣба, и его отвѣдавъ сказалъ, что онъ мертвечиною пахнетъ; потомъ середней отрѣзавъ баранины и понюхавъ говорилъ, что баранина эта собачиною пахнетъ. Наконецъ меньшой налилъ стаканъ домашняго пивца и понюхавъ молвилъ, что хозяинъ дома не законной сынъ. Кади услышавъ все это, желалъ поспѣшая увѣдомиться обо всемъ, призвалъ хлѣбника и спрашивалъ его, съ котораго поля та мука, изъ коей пекли хлѣбы, и не было ль на немъ какого приключенія. Хлѣбникъ его увѣдомилъ, что нѣкогда на томъ полѣ подняли мертваго Жида, также и пастухъ увѣдомилъ его объ овцѣ; онъ пошелъ къ матери, и просилъ ее неотступно, чтобъ объявила она ему точное его происхожденіе. Старуха хотя и долго колебалась въ своемъ разсудкѣ, однако призналась ему, что въ молодыхъ своихъ лѣтахъ торговала своими прелестями какъ и прочія женщины. Ежелибы это былъ не Турецкой судья, то бы конечно началъ жалѣть о своей чести, а этотъ и не

подумалъ; и такъ взявъ съ собою тотъ ящичекъ, вошелъ къ гадателямъ въ комнату, и поставилъ его на столъ, потомъ говорилъ имъ, что далъ ему его Султанъ, не сказавъ, что въ немъ положено, и приказалъ сберечь. Большой братъ взялъ его въ руку и потряся нѣсколько сказалъ, что то ни есть въ немъ да мохнато; по томъ средній такимъ же образомъ потряся и говорилъ, да нѣсколько и желтовато. Меньшой взявъ его въ руку, сказалъ: такъ! это Айва. Судья думая, что онъ обѣдаетъ съ дьяволами или по крайней мѣрѣ съ подобными имъ, гораздо испужался свѣденія ихъ, и не зналъ какъ начать ихъ судить; однако думая очень долго, нашелъ онъ нѣкоторой способъ къ своему благополучію. Онъ предпріялъ разсказать имъ нѣкоторое приключеніе, чтобъ тѣмъ выведать ихъ присирастія, и такъ съ позволенія ихъ началъ онъ по такимъ образомъ:

Полюбился одинъ прекрасной юноша дочери нѣкотораго знатнаго Визиря; она сыскала способъ видѣться съ нимъ и умножить любовь свою къ нему, также и онъ почувствовалъ къ ней неменьшую

горячность. Года съ два ничто не препятствовало ихъ пламени, и они располагали свои удовольствія по своимъ желаніямъ. Наконецъ судьба ихъ перемѣнилась; отецъ предпріялъ выдать дочь свою за мужъ также за знатнаго человѣка, каковъ онъ былъ и самъ. Любовникъ былъ низкаго рода, и такъ долженствовалъ уступить ее тому, кому она отцомъ будетъ назначена. Женихъ былъ сысканъ и свадьба сыграна. Когда долженствовала невѣста итти послѣ вѣнца на постелю, тогда ставъ она передъ новобрачнымъ на колѣни, которой уже лежалъ, просила его, чтобы онъ сдѣлалъ съ нею снизхожденіе, и отпустилъ бы ее къ любовнику отнести ему въ даръ дѣвство, что она ему обѣщала, и притомъ говорила ему, что ежели не склонится онъ на ея прозьбу, то она лучше прекратитъ свою жизнь, нежели пожертвуетъ другому. Женихъ хотя и долго колебался, однако сжалившись сдѣлалъ съ нею такое снизхожденіе, и отпустилъ ее къ любовнику, разсуждая, что она навсегда послѣ сего его оставится. Съ превеликою радостію бросилась она къ любовнику; но лишь только вышла на улицу въ ночное время, что и

попалась разбойникамъ. Атаманъ немедленно приказалъ собрать съ нее жемчугъ и дорогіе каменья. Она бросилась на колѣни, и просила его со слезами, чтобы онъ отпустилъ ее къ любовнику въ такомъ нарядѣ, а послѣ обѣщалась притти къ нимъ сама и все отдать своими руками; она сказала ему и то, что мужъ ее отпустилъ. Атаманъ удивляясь великодушію ея мужа, отпустилъ также ее ничѣмъ не оскорбляя. Пришла она къ любовнику и говорила ему, что она сохранила свое слово, и принесла въ даръ ему обѣщанное, разсказала, какъ склонился на это мужъ ея и ее отпустилъ. Обрадованной любовникъ, услыша столь необыкновенное великодушіе, почти задавленъ былъ къ нему благодарностію, и сказалъ ей такъ: Теперь я имѣю полную власть надъ тобою, и могу подарить его тѣмъ, что уже въ моихъ рукахъ. И такъ въ знакъ моей къ нему благодарности отнеси ты ему, что мнѣ обѣщала. Хотя она его и просила, чтобъ онъ согласился принять его себѣ, однако благодарности его прозьбою не убѣдила, и идучи къ своему мужу зашла по обѣщанію къ разбойникамъ, и хотѣла отдать

имъ свое имѣнїе. Отаманъ спросилъ ее, что сдѣлалъ съ нею ея любовникъ, и какъ увѣдомился о его великодушїи, то отпустилъ ее со всѣмъ ея имѣнїемъ къ мужу, говоря: Когда есть такїе люди, которые не принимаютъ неоцѣненнаго изъ благодарности, то я хочу послѣдовать имъ и также быть великодушенъ. И такъ новобрачная невѣста пришла вся въ цѣлости къ своему мужу. Какого вы объ этомъ мнѣнїя, спрашивалъ у нихъ судья? Большой братъ поморщившись нѣсколько говорилъ: торовать ея мужъ; середнїй также: великодушенъ любовникъ; меньшой сказалъ: а разбойникъ глупъ, имѣя множество богатства въ рукахъ, потерялъ все ни для чего. Вотъ, государи мои, тотъ человѣкъ, указывая на меньшаго брата, говорилъ Кади, которой укралъ у васъ наслѣдство. По чемужъ ты узнаешь, спрашивалъ онъ у судьи. По тому, отвѣчалъ Кади, что ты превеликой охотникъ до денегъ. Это правда братцы, сказалъ меньшой братъ, и я желаю раздѣлить его теперь вмѣстѣ; пойдемъте домой.

Такимъ образомъ кончилъ товарищъ мой первой вечеръ.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЪ 27.

Ставленикъ.

У нѣкотораго дворянина въ селѣ отошелъ священникъ къ братіи здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ, а простѣе умеръ. Остался господинъ, крестьяне и словомъ, всѣ словесныя овцы безъ пастыря. Въ будни могли они обойтись безъ попа, а въ Воскресные дни никоимъ образомъ было не возможно, по тому что они не знали, въ которые дни долженствовали быть праздники. Господинъ имѣлъ у себя дьячка, которой очень скуденъ былъ разумомъ; однакожъ онъ умѣлъ читать и писать по деревенски; такъ думали, что для сельскаго попа толанина ешого и довольно. Помѣщикъ написалъ письмо къ близкоживущему отъ нихъ Архіерею, чтобъ онъ проэкзаменовавъ его дьячка, посвятилъ бы въ попы; и такъ отправилъ съ письмомъ дьячка къ оному.

Архіерей прочитавъ письмо, хотѣлъ исполнить прозьбу господина, и такъ

желалъ узнать разумъ дьячка къ нему присланнаго. Должно, говорилъ онъ ему, увѣриться мнѣ въ томъ, довольно ли ты читалъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ, и сколько ты объ оныхъ имѣешь понятія; выпиши мнѣ вкратцѣ, что говорятъ въ своихъ сочиненіяхъ Лукіанъ, Федръ и Плутархъ, и такъ отпустилъ его онъ себя. Спустя цѣлые три дни пришелъ дьячокъ къ Архіерею, которой спросилъ его о задачѣ, приказалъ читать при всѣхъ, кто тутъ ни былъ. Дьячокъ перекрестился и началъ: Лукіанъ говорилъ, чтобъ чужіе мужики монастырскаго лѣсу не рубили, а коли не такъ, то, высѣкутъ ихъ плетьми; Федръ говоритъ, что онъ мясомъ больше торговать не хочетъ; а плутъ кричитъ громче всѣхъ, не шуми наши зеленая дуброва. Архіерей услышавъ это ужаснулся, и не зналъ что и говорить такому великому проповѣднику; однако собравшись съ силами, спросилъ его, откуда онъ это выписалъ? Кто я онъ ихъ о нихъ самихъ слышалъ, Ваше Преосвященство, отвѣчалъ дьячокъ. Третьяго дня, какъ я отъ васъ пошелъ, увидѣлъ мужика сидящаго на деревѣ, которой кричалъ, чтобъ

не рубили монастырскаго лѣсу. Я спросилъ его имя, и онъ мнѣ сказалъ, что зовутъ его Лукьяномъ. Прошедъ еще нѣсколько, встрѣтились со мною два прохожихъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что онъ мясомъ больше торговать не хочетъ; также спросилъ я и этаго объ имени, и онъ мнѣ сказалъ, что называютъ его Федоромъ. Подходя къ нашей деревни, увидѣлъ я нашего охотника, которой сидя подъ деревомъ пѣлъ пѣсню: не шуми маши зеленая дуброва. Этаго я объ имени не спрашивалъ, для того что я знаю, онъ изо всей нашей деревни первой плутъ; и такъ пришедши домой записалъ я всѣхъ ихъ слова, которыя и читалъ теперь передъ Вашимъ Преподобіемъ. Архіерей тотчасъ отгадалъ весь его разумъ и свѣденіе, и желая еще увѣдомиться о его премудрости, говорилъ ему: Слушай! у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Афетъ, кто имъ отецъ? Пожалуйте на три дни сроку, отвѣчалъ священникъ, для того что эта задача весьма трудная. Архіерей позволилъ ему три дни о томъ подумать.

Дьячокъ пришедши домой, выгналъ жену свою и дѣтей всѣхъ вонъ изъ избы,

и запершись кругомъ, началъ ходить взадъ и впередъ и твердить: у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Аѳетъ, кто имъ отецъ? у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Аѳетъ, кто имъ отецъ? Препроводилъ въ семъ упражненіи день, и на другой твердитъ все то же. Жена пришедши къ дверямъ послушала, и узнала еще въ первой разъ, что мужъ ея глупъ черезъ край, и такъ начала сшучаться. Дьячокъ, занятой важными мнѣніями, разсердился на свою жену больше нежели Юпитеръ на Гигантовъ; тотъ побилъ ихъ всѣхъ ихъ громомъ, а этотъ хотѣлъ пришибить жену свою обухомъ. Куда ты идешь, говорилъ онъ, безмозглая тварь, и мѣшаешь мнѣ думать о такомъ важномъ дѣлѣ. Не то ли велико, спрашивала жена, что ты твердишь цѣлые уже два дни? Да, двуножная скотина, отвѣчалъ мужъ: на что ты мѣшаешься въ такую премудрость, къ которой природа произвела меня и мнѣ подобныхъ мужей. Да, я вижу, отвѣчала жена, что ты со всею своею премудростію не можешь расколоть бездѣлицы. Чтожъ ты называешь бездѣлицею, говори, закричалъ дьячокъ разсердившись? Ты твердишь,

что у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Афетъ, и не знаешь кто имъ отецъ? Да, отвѣчалъ дьячокъ. Глупой! глупой! говорила жена, да у нашего кузнеца Василья три сына, Николай, Иванъ, Алексѣй; ну, такъ Василей кузнецъ имъ и отецъ. Разумной мужъ усмѣхнулся, и благодарилъ ее онъ всего дьячковскаго сердца, что она располковала ему столь трудную задачу. И такъ по утру не успѣло еще разсвѣтать, что онъ и отправился къ Архїерею въ превеликой радости.

Архїерей какъ скоро его увидѣлъ, то и спросилъ: ну, рѣшилъ ли ты свою задачу? Съ превеликимъ успѣхомъ, Ваше Преосвященство, отвѣчалъ онъ Архїерею. Вы изволили спрашивать, у Ноя было три сына, Симъ, Хамъ и Афетъ, кто имъ отецъ. Да, отвѣчалъ ему Архїерей. Дьячокъ ему говорилъ: ну такъ я вамъ сказываю, нашего села Василей кузнецъ. Преострая эта голова сдѣлала то, что Архїерей захохоталъ изо всей силы, и всѣ, кто тутъ ни былъ не могли удержаться отъ смѣху. Пересмѣявшись спросилъ у него, въ какомъ онъ лѣтописцѣ сыскалъ такую правильную родословную.

Жена моя мнѣ сказывала, отвѣчалъ онъ; а она дѣйствительно знаетъ этого кузнеца и всѣхъ его домашнихъ. Потомъ спрашивалъ Архїерей у стоящаго тутъ священника, какъ должно поступить въ такомъ случаѣ, ежели упадетъ въ дары муха? Священникъ говорилъ: сложивъ два перста, извяти ее, вложить во уста, обсосать и выплюнуть въ укромное мѣсто; а ежели совѣсть не зазритъ, то и проглотить. Ну, а у тебя ежели случится, что упадетъ быкъ въ святую воду, спрашивалъ Архїерей у священника, какъ ты съ нимъ поступишь? Сложивъ два перста, отвѣчалъ дьячокъ, извяти его, вложить во уста, обсосать и выплюнуть въ укромное мѣсто, а ежели совѣсть не зазритъ, то и проглотить. Архїерей сказалъ ему на это, что онъ опасенъ будетъ для общества, ежели станетъ глотать по цѣлому быку въ одинъ разъ. Нѣтъ, другъ мой, примолвилъ онъ, ты имѣешь весьма высокое понятїе, и такъ совѣтую тебѣ лучше быть астрономомъ, нежели попомъ; паши ты лучше землю днемъ, а ночью примѣчай движенїе планетъ, а *восьлибо* какой-нибудь басенной богъ

вмѣстить тебя въ небо, и сдѣлаетъ новое созвѣздіе подъ именемъ дурака; и такъ не велѣлъ ему быть и дьячкомъ не только попомъ.

Конецъ втораго вечера сказокъ моего товарища.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЪ 28.

Скупой и воръ.

Въ старину гораздо было больше скупыхъ нежели мотовъ, а нынѣ ихъ умалилось, по тому что другихъ умножилось. Не далеко отъ Москвы въ богатомъ селѣ жилъ одинъ помѣщикъ, которой слишкомъ не щоровать былъ выдавать свои деньги, и больше былъ охотникъ собирать, нежели расходъ дѣлать. Онъ имѣлъ сына не весьма стараго лѣтами, которому въ отцовскомъ имѣніи превеликая была нужда; однако находилось оно въ такомъ мѣстѣ, изъ котораго невозможность не позволяла вы-

нять ни одной копейки, а именно:, спрятано оно было въ каменной и крѣпкой кладовой палатѣ, хотя правда, что палата эта стояла наружѣ, но деньги были внутри, которыя производили великую охоту въ сынѣ къ расхищенїю; а онъ уже и имѣлъ къ тому хорошїй способъ, ибо былъ онъ влюбленъ въ такую особу, которая бы не замѣшкалась полюбить его и сама, ежели бы досталъ онъ отцовскїе пожитки.

Человѣкъ заботливой никогда не имѣетъ покоя, и всегда думаетъ о произведенїи намѣренїя своего въ дѣйство. Молодой господинъ твердо предпрїялъ убавить у родителя своего пожитку, и такъ сказалъ онъ это своему слугѣ и далъ ему полную власть надъ своимъ отцомъ, а отвѣчать за него вознамѣрился самъ. Слуга этотъ былъ весьма способенъ исполнять такїя приказанїя, и хотя назывался человѣкъ господской, однако въ самой вещи былъ преестественной плутъ. Онъ очень скоро разсудилъ, что надобно ему дѣлать; предпрїялъ убить стараго боярина, чтобъ тѣмъ скорѣе получилъ сынъ его наслѣд-

ство, однако спина растолковала ему, что она на это не согласна; и такъ предпріятіе это брошено, однако не много замѣшкавшись выдумано другое: разумная его голова опредѣлила такъ, чтобъ сдѣлать подъ денежную крѣпость подкопъ, и такимъ образомъ приступить къ осадѣ. Инструменты и начало дѣйства послѣдовали немедленно; онъ началъ рыть землю въ близко стоящей банѣ, и тѣмъ доходить до своего предпріятія.

Въ третій день, когда онъ трудился по обыкновенію, таская ночью землю въ рѣку, и когда отнесъ онъ ношу, и пришелъ въ свою яму, которая была въ передбанникѣ, услышалъ въ банѣ маленькой шумъ, такъ какъ бы шепталъ Купидонъ съ Венерою; руки его опустились, и голова наполнилась страхомъ; онъ не подумалъ, что запли въ баню любовники, а представлялось ему, что присущствуютъ тутъ домовые, которые ворамъ хотя и великіе пріятели, однако прежде, нежели они съ ними познакомятся, то трусятъ ихъ такъ, какъ и честные люди. Чтобъ избѣжать такой бесѣды, полѣзъ онъ изъ ямы, и

и хотѣлъ уйти домой; однако трусость обрушила его сверьху внизъ, онъ полетѣлъ обратно и закричалъ столь громко, что сидѣвшие двое въ банѣ испужались, и предпріяли спастися бѣгомъ. Какъ только выскочили они изъ бани, то врюшились оба въ открытую яму. Всѣ равно ушиблись, всѣ равно испужались, и для того всѣ равно и кричали. Слуга полегче былъ шѣхъ двухъ на ногу, и для того выскочилъ изъ ямы поперовориѣе, и прибѣжалъ безъ памяти домой, гдѣ однако боялся сказать о приключеніи; и такъ побезпокоившись маленько уснулъ. По утру когда не нашли стараго господина во всемъ домѣ, то онъ отгадалъ прежде всѣхъ, что его благородіе изволилъ вчера упасть въ яму и отдавить усердному слугѣ голову. Онъ нашелъ его прежде, и такъ съ помощію другихъ вытащилъ безчувственнаго изъ ада въ Зевесово владѣніе. Домашніе всѣ радовались, что обрѣли своего господина, только сынъ его въ это время находился задумчивъ, и пенялъ иногда своему слугѣ, для чего онъ не придавилъ его въ той ямѣ, въ которую старикъ вкатился весьма

безъ законно; они знали, что этотъ сѣдой и беззубой Купидонъ входилъ въ баню для амура, но только того не вѣдали, какого сорта была его Лукреція, и кто она такова.

Онъ любви, онъ страха и онъ паденія въ яму пожилой старичокъ къ слезамъ домашнихъ и къ радости сыновей опчаянно занемогъ. Сынъ къ услугамъ больнаго опредѣлилъ сего слугу, которой усердно наблюдалъ должность лекаря; и ежелибъ изготовлена была духовная, то ужъ бы давно началась по больномъ вѣчная память: однако онъ самъ ускорилъ своею кончиною. Сколь онъ ни боленъ былъ, однако не поручалъ никому ключей, ни печати отъ кладовой; и для того, когда хотѣлъ спать, то ключи привязывалъ къ шеѣ, а печать клалъ въ роть. Уснулъ онъ къ несчастію своему очень сладко, лежавши навзничь и разинувъ роть. Слуга прибравши къ тому удобной инструментъ, хотѣлъ потихоньку вынуть изъ-за щеки печать, задѣлъ ее и потащилъ, но она сорвалась, и упала старику въ самое горло. Все въ одинъ

мигъ сдѣлалось; больной захлебнулся, подавился и умеръ. Усердной слуга бросился тотчасъ къ своему господину, и объявилъ ему о родительской кончинѣ. Сынъ бросился тотчасъ къ шкапу своего отца, а другіе сказываютъ, къ привязанымъ къ шеѣ его ключамъ, которые тотчасъ отвязавъ, пошелъ туда, гдѣ находились деньги, взялъ ихъ столько, сколько ему было надобно, чтобъ увѣдомить любовницу о кончинѣ своего родителя. Въ одну минуту отправился онъ къ ней, а слугѣ приказалъ имѣть попеченіе о приготовленіи къ похоронамъ.

Въ одинъ день все было изготовлено; покойникъ лежалъ въ гробѣ, и подлѣ его сидѣли попы на стульяхъ, и конечно бы начался выносъ, ежелибы былъ тутъ сынъ, къ которому хотя и много разъ посылали, однако онъ съ мѣста не трогался, по тому что распоряжалъ тамо свою свадьбу, и любовь его долго боролась съ благопристойностію; однако наконецъ больше послушавшись своей любовницы, нежели желая проститься съ отцомъ, пріѣхалъ и похоронилъ покойника весьма великолѣпно, которое ве-

лколѣнїе сдѣлано было больше для славы сыновней, нежели для достоинства отцовскаго. Мертвые какъ бы знатны ни были, однако не требуютъ уже излишняго почтенїя.

Печальной сынъ не думалъ ни о чемъ больше, какъ о свадьбѣ. Въ тотъ же день началось въ домѣ приготовленїе прямо по деревенски, для того что живучи въ городѣ конечно бы онъ усовѣстился и не такъ бы скоро приступилъ къ свадьбѣ, но въ деревнѣ никто не примѣчаетъ господскихъ поступокъ; и такъ разума онъ не послушался, котораго было у него весьма безъ излишку. Къ вечеру невѣста съ женихомъ условились, а на другой день къ обѣду и обвѣнчались. Свадьба была веселѣе, чѣмъ похороны; ибо тутъ истрачено больше денегъ, нежели тамъ. Новобрачной не жалѣлъ отцовскихъ денегъ, и тратилъ ихъ сколь прилѣжно, сколь прилѣжно отецъ его ихъ сохранялъ. Пиное празднество на конецъ успокоило гостей и домашнихъ; всѣ легли спать въ разныхъ мѣстахъ и разными манерами; иные подражали молодымъ, а другїе спали и безъ того спокойно. Словомъ, весь домъ находил-

ся въ великой тишинѣ, и больше никто не присутствовалъ тутъ, какъ Сонъ и Морфей.

Въ серединѣ ночи проснулся одинъ слуга, или можетъ онъ и не спалъ; предпріявъ такое благое намѣреніе, конечно сонъ не пойдетъ уже на умъ. Онъ опредѣлилъ еще съ вечера потревожить нѣсколько покойника, и обобрать съ него платье; ибо онъ думалъ, что на томъ свѣтѣ и безъ кафтана появиться можно; и такъ отправился къ могилѣ. Пришедъ туда, хотя и не безъ труда, однако разрылъ ее, и вытащилъ покойника, хотя не на бѣлой, однако на этотъ свѣтъ; обобралъ его, и хотѣлъ бросить опять въ могилу, однако воровское человѣколюбіе не допустило его до сего намѣренія. Онъ поставивъ тѣло подлѣ могилы, толкнулъ его въ затылокъ столь исправно, что отшибъ печать, которою покойникъ подавился. Мертвецъ изъ всей силы закричалъ, охъ! У вора подкосились ноги, и упали они обѣ въ могилу, гдѣ лежали очень долго безъ памяти. Наконецъ покойникъ образумился прежде живаго, и потомъ вздумалъ о своей кладовой; вылѣзъ весьма поспѣшно изъ ямы,

и побѣжалъ домой. Прибѣжавши къ дверямъ своей поклажи, нашелъ ихъ запертыми и безъ печати; бросился искать своего сына, чтобъ взять у него ключи; и когда вбѣжалъ онъ въ спальню, то молодая въ то время не спала. Увидѣвъ мертвеца испужалась она столько довольно, что сошла съ ума и отправилась на тотъ свѣтъ. Старикъ подбѣжавши къ сыну, началъ дергать. весьма не политично. Молодой князь растворивъ глаза, и увидя мертваго передъ собою отца, вскочилъ и наполнилъ весь домъ отчаяннымъ крикомъ, бѣгалъ вездѣ, и призывалъ всѣхъ себѣ на помощь; старикъ за нимъ гонялся; пьяные гости пробужались со страхомъ, и бѣжали всѣ изъ деревни такимъ образомъ, какъ и кретьяне. Въ то время тутъ находился армейской Офицеръ, которой не совсѣмъ еще проспался, и для того не испужался столько, какъ другіе; бросился онъ въ ту горницу, гдѣ находились ружья, подхватя одно, зарядилъ его пулею, и когда бѣжали живой сынъ съ мертвымъ отцемъ по двору мимо окна, то онъ выстрѣлилъ, и для прекращенія всего страха застрѣлилъ ихъ обоихъ.

Правда, что похоронить ихъ сыскалось довольно людей, но только сожалѣть было нѣкому.

Въ семъ домѣ страху больше было, нежели при разоренїи города Трои. Троянцы побѣждены въ городѣ, а тутъ всѣ крестьяне бѣгали дни съ четыре по лѣсамъ, и нѣкоторые изъ нихъ хотѣли сдѣлаться отъ страху пустынниками. Сыновнїй слуга сожалѣя очень много о своемъ господинѣ, предпрїялъ было умереть по утру, однако къ вечеру раздумалъ, сказываютъ для того, что послѣ покойниковъ наслѣдилъ имѣнїе человѣкъ весьма тороватой, которой имѣлъ модной разумъ и щегольское разсужденїе.

Такимъ образомъ окончилъ товарищъ мой третїй вечеръ.

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЪ 29.

Великодушной Рогоносецъ.

Хотя многїе сомнѣваются, что будто подьячїе не тѣмъ богомъ произведены на свѣтъ, которымъ и всѣ люди;

и побѣжалъ домой. Прибѣжавши къ дверямъ своей поклажи, нашелъ ихъ запертыми и безъ печати; бросился искать своего сына, чтобъ взять у него ключи; и когда вбѣжалъ онъ въ спальню, то молодая въ то время не спала. Увидѣвъ мертвеца испужалась она столько довольно, что сошла съ ума и оправилась на тотъ свѣтъ. Старикъ подбѣжавши къ сыну, началъ дергать весьма не политично. Молодой князь растворивъ глаза, и увидя мертваго передъ собою отца, вскочилъ и наполнилъ весь домъ отчаяннымъ крикомъ, бѣгалъ вездѣ, и призывалъ всѣхъ себѣ на помощь; старикъ за нимъ гонялся; пьяные гости пробужались со страхомъ, и бѣжали всѣ изъ деревни такимъ образомъ, какъ и крестьяне. Въ то время шутъ находился армейской Офицеръ, которой не совсѣмъ еще проспался, и для того не испужался столько, какъ другіе; бросился онъ въ ту горницу, гдѣ находились ружья, подхватя одно, зарядилъ его пулею, и когда бѣжали живой сынъ съ мертвымъ отцемъ по двору мимо окна, то онъ выстрѣлилъ, и для прекращенія всего страха застрѣлилъ ихъ обоихъ.

Правда, что похоронить ихъ сыскалось довольно людей, но жалѣть было некому.

Въ семъ домѣ страху больше было, нежели при разореніи города Трои. Троянцы побѣждены въ городѣ, а шушъ всѣ крестьяне бѣгали дни съ четыре по лѣсамъ, и нѣкоторые изъ нихъ хотѣли сдѣлаться отъ страху пустынниками. Сыновній слуга сожалѣя очень много о своемъ господинѣ, предпріялъ было умереть по утру, однако къ вечеру раздумалъ, сказываютъ для того, что послѣ покойниковъ наслѣдилъ имѣніе человѣкъ весьма шороховатой, которой имѣлъ модной разумъ и щегольское разсужденіе.

Такимъ образомъ окончилъ шоваришъ мой мрешій вечеръ.

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЪ 29.

Великодушной Рогоносецъ.

Хотя многіе сомнѣваются, что будто подьячіе не тѣмъ богомъ произведены на свѣтъ, которымъ и всѣ люди

однако сомнѣнїе ихъ почитаю я весьма язвительною насмѣшкою, и утверждаю, какъ это и всѣ знаютъ, что они происходятъ также, какъ и мы, отъ первороднаго Адама, по тому что нынѣ видимъ мы изъ нихъ очень много честныхъ людей; а что исполняется надъ ними пословица: *В³ семьѣ не безъ урода*, по этому всѣ не виноваты. И такъ вздумалось мнѣ теперь, оставивъ честныхъ людей въ покоѣ, поговорить объ одномъ приказномъ служителѣ, которой съ тѣхъ поръ, какъ запрещили брать взятки, началъ раздавать деньги свои въ проценты, что есть торговать тѣмъ, на что никогда цѣны не прибавляется.

Во всякомъ городѣ бываетъ по нѣскольку монетъ, а въ столичныхъ бываетъ ихъ иногда и слишкомъ. Изъ этаго числа шорованныхъ граждан занялъ нѣкто у приказнаго служителя триста червонныхъ; куда онъ ихъ употребилъ, объ этомъ я не знаю. Сказываютъ нѣкоторые, что поставлены они на вѣрную карту; однако мнѣ до этаго дѣла нѣтъ, а нужда въ томъ, что долженъ онъ заплатить, ежели не хочетъ познакомиться съ тюрьмою. Дѣло обошлось безъ суда, и

заимодавецъ промыслилъ деньги, и послалъ ихъ съ слугою въ тотъ приказъ, въ которомъ засѣдалъ его заимодавецъ. Слуга выступя на вольной свѣтъ, началъ разжизатися духомъ, смотря на свѣтлую монету. А какъ Дьяволъ никогда не дремлетъ, и мѣшается во всякія дѣла; то чтобы погубить человѣка, присусѣдился къ нему, и началъ склонять его не къ хорошему, а къ дурному. Слуга зналъ твердо сію пословицу: *Деньги долбятъ и каменъ*, и такъ предпріялъ за нихъ полюбить на время какую-нибудь госпожу: а какъ это произвести въ дѣйство, то Дьяволъ предлагалъ ему многіе способы, и не отставалъ отъ него до окончанія дѣла.

Денежной любовникъ наименовалъ себя Селадономъ, предпріялъ нѣсколько возгордиться противъ нѣжнаго женскаго пола по примѣру Петиметровъ. Чтобъ тѣмъ удобнѣе исполнить свое намѣреніе, пошелъ искать хорошей улицы и также изряднаго двора, въ которомъ вознамѣрился опорожнить карманы. Очень не трудно было ему найти хорошій домъ и также прекрасную хозяйку. Пришедши къ воротамъ съ позволенія Дьявола началъ онъ стучаться. Вышла дѣвушка,

которыя иногда занимаютъ должность Меркурія, и спрашивала у него, кого ему надобно. Естьли у васъ госпожа, спрашивалъ новомодной волокита съ гордымъ видомъ, будто бы онъ презиралъ служанку. Дѣвушкѣ показался вопросъ этотъ весма не хорошимъ; хотя она изъявляла наружнымъ видомъ, а внутренно можетъ быть и радовалась. Я хочу ее полюбить, продолжалъ бодрящійся щеголь, и послѣ за любовь ея подарить ей три ста червонныхъ; я всегда такъ дѣлаю, да и ты также должна будешь ожидать моей благосклонности. Дѣвушка нѣсколько застыдилась, и не отвѣчая ему ничего хлопнула воротами, и побѣжала въ горницу. Хозяйка спросила ее, кто тамъ спучался, на что безъ великой трусости не могла она отвѣтствовать, и произвела въ госпожѣ шѣмъ великое любопытство, которая принудила дѣвушку, чтобы она сказала, кто тамъ спучался, и чего онъ спрашивалъ. Увѣдомившись обо всемъ молодая госпожа усмѣхнулась, и приказала привести его къ себѣ, чтобъ надъ нимъ посмѣяться. Не удобно было его догонять, для того что онъ не пошелъ безъ отвѣта отъ воротъ. Ввели

въ горницу, и госпожа спрашивала его о намѣреніи, которое онъ выговорилъ весьма ясными словами и безъ всякой застѣнчивости; и когда начался у госпожи со слугою пріятельской и знакомой разговоръ, що дѣвки тотчасъ примѣтили свою ошибку въ томъ, что имъ не должно было тутъ присутствовать, и такъ одна за одною и всѣ выбрались вонъ. Три сна червонныхъ лежали уже на столѣ, и госпожа съ слугою познакомилась. Все было сдѣлано въ одну минуту, и хозяйка приказала сказать своему мужу, когда онъ пріѣдетъ, что она больна, и чтобы онъ ее не безпокоилъ. Это и правда: мужъ разумѣлъ политику, и былъ весьма учтивой человѣкъ въ разсужденіи жены, то есть, боялся ее потревожить цѣлые два дни. На третій день выпросилъ у нее позволеніе поговорить съ нею; она приказала стоять ему въ другой комнатѣ, и проиграть что-нибудь плачевное на скрыпицѣ. Безчастной мужъ настроивъ несчастной инструментъ, заигралъ самое лучшее соло, думая, что увеселяетъ тѣмъ свою супругу; однако онъ обманулся. Она во время игры ощущала лучшее увеселеніе; и когда сказала

ему супруга, что довольно она увеселилась, тогда мызыкантъ поѣхалъ куда ему было надобно.

Етотъ день былъ разставанїя нашихъ любовниковъ; и ежелибы въ то время былъ я съ ними, то бы конечно не преминулъ сдѣлать элегїю; однако они разстались прозою безъ всякаго стихотворства. Наставшее утро называлося Воскресеньемъ; слуга по очищенїи пошелъ въ соборную церковь къ обѣдни умолять о своемъ грѣхѣ, и просить не такъ жестокаго наказанїя, которое изготовлялъ ему гнѣвъ господской. Пришедши въ церкву, сталъ онъ промежду крылосовъ, и началъ прежде всѣхъ молиться съ теплымъ и усерднымъ прилѣжанїемъ даже до лица земнаго. Страхъ и спина предк. шница плетей и великаго истязанїя проливали изъ глазъ его горячїя слезы, такъ что всѣ люди пришли о немъ въ сожалѣнїе. Послѣ сихъ слезъ начиналъ онъ закрыватись шляпою смѣяться, и послѣ опять плакать, такъ что всю обѣдню пребывалъ въ семъ упражненїи, и сколько отчаянно плакалъ, столько или больше еще временемъ смѣялся. Такое чудо привело мно-

гихъ въ любопытство, изъ которыхъ одинъ по окончаніи обѣдни приказалъ своему слугѣ, чтобы онъ подвелъ молельщика къ нему; и когда онъ подошелъ, то спрашивалъ у него господинъ причину такой чрезвычайности. Отчаянной слуга увѣдомилъ его обо всемъ, и прибавилъ еще къ тому: я не могу удержаться отъ слезъ, когда вспомню о моей винѣ, и также онъ смѣху въ то время, когда приходитъ мнѣ на память музыкантъ, которой игралъ во время моего пированія. Спрашивавшей изумился, какъ будто бы къ нему это принадлежало, и не могъ ему сначала ничего больше какъ только, чтобы онъ ехалъ назади его кареты, и поѣхалъ къ нему домой. Очень скоро пріѣхали они къ воротамъ; у любовника нѣсколько позатряслися ноги, задрожало сердце, и показался холодной потъ на лицѣ. Онъ ни мало не мѣшкая узналъ, что это тотъ домъ, въ которомъ онъ упражнялся въ любовныхъ церемоніяхъ. Въѣхавши на дворъ и ко крыльцу, господинъ вышедши изъ кареты взялъ приведеннаго гостя за руку и повелъ въ покой, гдѣ сказалъ ему, чтобы онъ ничего не опасался; приказалъ женѣ своей по-

цѣловать его, и принять какъ надобно гостя. Покамѣсть собирали на столъ, хозяинъ повелъ его по покоямъ, желая показать ему оные. Теперь ты легко можешь, говорилъ хозяинъ, узнать того музыканта, которой по нещастію своему забавлялъ васъ веселыхъ. Потомъ пошли они къ столу, за которымъ обѣдали трое, обиженной господинъ, трепещущая любовница и довольной своимъ состояніемъ слуга. Послѣ продолжительнаго стола хозяинъ велѣлъ, чтобъ принесли червонцы, которые были ни мало не попорчены. Хозяинъ просилъ у гостя, чтобы онъ пожаловалъ двадцать пять копѣекъ музыканту, также и наемной крестьянкѣ обыкновенную цѣну, а остальные девяносто девять червонцовъ съ мѣлкими приказалъ положить любовнику въ карманъ, и послѣ подалъ вексель, чтобы онъ отнесъ господину своему. Скажи ему, говорилъ онъ, что деньги я получилъ, и посылаю къ нему вексель, а деньги ты возьми себѣ, и вотъ тебѣ еще письмо, которое онъ написалъ весьма поспѣшно; я въ немъ просилъ его, что удержалъ тебя за моею нуждою. Въ прочемъ же долженъ ты помнить мое благодѣяніе ко-

порое я тебѣ теперь сдѣлалъ, и въ благодарность отъ тебя ничего больше не желаю, какъ только чтобы ты никому не сказывалъ объ этомъ приключеніи, или лучше о моемъ несчастіи; я знаю, что ты въ томъ не виноватъ, а виновенъ случай и вѣрная моя супруга. Поди теперь домой, и ничего не опасайся.

Обрадованной слуга вышедъ на улицу, не зналъ, какъ освободиться отъ удивленія. Онъ не зналъ приказнаго служителя, къ которому былъ посланъ, и также не вѣдалъ, гдѣ онъ и живетъ; и такъ нечаянный этотъ случай великое произвелъ въ немъ размышленіе, и наконецъ неописанную радость. Онъ прыгалъ идучи по улицѣ, воображалъ, что избавился онъ бѣды, въ которую ввалился самопроизвольно, досталъ черезъ любовь счастіе, кушалъ съ господами, полны карманы денегъ; словомъ, радовался столько, что еще ни одинъ человѣкъ не ощущалъ такой радости. Пришедши къ господину, не былъ не только битъ, но ниже браненъ; встрѣтилось съ нимъ счастіе и не отставало до конца его жизни.

Въ этотъ вечеръ другой онъ не начиналъ, но въ слѣдующій.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЪ 30.

Дьяволь и отчаянной любовникъ.

Въ древнія времена Дьяволы гораздо были посмѣлѣе, нежели нынѣ; они въ ту пору не только въ домахъ, но и на улицахъ дѣлали великія проказы: а нынѣ гораздо они присмирѣли, можетъ быть для того, что умножилось у насъ слишкомъ забіякъ, которые кажутся иногда страшнѣе самаго чорта. Нѣкогда въ вечернее время послѣ самаго прекраснаго дня прохаживался по улицѣ одинъ весьма забавной Дьяволъ, и вдругъ услышалъ, что хлопнуло очень громко, такъ что раздалось по всей улицѣ; онъ поспѣшалъ къ тому мѣсту, гдѣ родился тотъ ударъ безъ молніи и безъ грома; нагналъ онъ человѣка, которой шелъ весьма тихими шагами, и придерживалъ правою рукою лѣвую щеку, и казался весьма въ великой досадѣ. Дьяволъ принявъ на себя видъ человѣка, спрашивалъ его учтивымъ образомъ о причинѣ его размышленія. Я очень несчастливъ, говорилъ онъ со слезами Дьяволу; ежели ты

шелъ за нами, продолжалъ онъ, то конеч слышалъ, какъ въ пространномъ воздухѣ разлилось громкое эхо; это любовница моя въ знакъ своево снизхожденія со всего размаху пожаловала мнѣ пощочину, отъ которой у меня посыпались изъ глазъ искры; щека моя и лайковая ея перчатка весьма стукнули громко. Это правда, говорилъ ему Дьяволъ, что пощечина не такъ вкусна, какъ мироболанская слива; да что тому причиною? и для чего это сдѣлано? Ежели ты хочешь, отвѣчалъ онъ ему, то я тебѣ раскажу всѣ мои приключенія.

Я родился въ Астраханѣ; отецъ мой былъ винной компанейщикъ, которому весьма задалось такимъ ремесломъ накопить денегъ, только съ нѣкоторою обидою другимъ, чего однако никто не примѣчалъ, или боялись ему выговаривать. Онъ имѣлъ въ двухъ городахъ по тритцати домовъ, также по стольку или слишкомъ лавокъ. Когда я началъ приходить въ возрастъ, то онъ любя меня много давалъ мнѣ волю во всемъ, даже и въ самомъ себѣ; что я ни дѣлалъ, меня за то не наказывали. И такъ такое воспитаніе сдѣлало во мнѣ

антипатію какъ къ моему отцу, такъ къ винной компаніи, и на конецъ ко всему купечеству, а произвело великую охоту гонять голубей. Тотчасъ посторожили мнѣ бушку, и начали закупать голубей сотнями, а не десятками. Нѣкогда упражнялся я на бушкѣ въ семъ благородномъ поведеніи, что вошелъ ко мнѣ и мой родитель; онъ взогналъ больше голубей, нежели я хотѣлъ, и тѣмъ меня разсердилъ нѣсколько, и къ пущему еще моему гнѣву многихъ разшерялъ. Я его столкнулъ съ бушки, и тѣмъ отправилъ на тотъ свѣтъ. Свидѣтелей не было, а самъ сдѣлаться виноватымъ я не хотѣлъ; и такъ дѣло прошло безъ всякой съ судомъ размолвки, и еще больше, безъ моего сожалѣнія. По кончинѣ моего родителя не прилѣпился я къ купечеству, хотя многіе меня къ тому и принуждали, а прилѣпился къ хорошимъ винамъ, и началъ уже гонять съ двора деньги вмѣсто голубей. Веселое время произвело мнѣ многихъ знакомцовъ, между которыми былъ одинъ дворянинъ. Онъ мнѣ сдѣлался другомъ, и предпріялъ быть участникомъ моего счастія; предложилъ, что надобно мнѣ ѣхать въ Москву, и

искать тамъ благородной должности. Я послѣдовалъ столько мудрому совѣту; и такъ забравши съ собою довольно денегъ, пріѣхали мы съ нимъ тудъ. Нанялъ я хорошій домъ, и накупилъ карегъ, и словомъ, сдѣлался какимъ-нибудь господиномъ.

Живучи здѣсь съ мѣсяцъ не болѣе, попалась глазамъ моимъ эта прекрасная особа, которая наградила меня теперь оплеушиною. Яначалъ приносить ей денежную жертву и возжигать золотой вениамъ передъ ея глазами; она принимая все сіе благосклонно, позволяла мнѣ передъ собою воздыхать, а болѣше ничего. Пріятель мой былъ въ этомъ дѣлѣ переносчикомъ любовныхъ сказокъ и амурныхъ произхожденій; онъ всякой день меня обнадеживалъ, а я старался усердіе перевозить къ ней мое имѣніе. Два года находился я въ семъ упражненіи, и наконецъ теперь уже нѣчего и несши, а не только везши. Искренній мой другъ теперь меня оставилъ, и приказалъ, чтобъ не пускали меня къ нему и въ домъ. Онъ сдѣлался теперь богатъ, и ѣздитъ въ моихъ каретахъ, а я хожу пѣшкомъ. Сего дня въ вечеру, чтобъ разогнать

мою печаль пошелъ я нѣсколько прогуляться. Идучи по этой улицѣ увидѣлъ, что любовница моя съ моимъ пріятелемъ также прогуливаются. Я по обыкновенію, какъ и всегда дѣлалъ, подбѣжалъ къ ней поцѣловаться; но только что протянулъ губы, то она вмѣсто поцѣлуя наградила меня пощечиною, отъ которой еще и теперь рдѣется несчастная щека моя, а пріятель мой послѣ того примолвилъ своимъ слугамъ, чтобъ они меня нѣсколько поотвели, которые проводили меня сажени съ двѣ одинъ ладонью, а другой кулакомъ, или можетъ быть и двумя, этого я не понялъ, только чувствовалъ, что они уговаривали меня очень плотно въ затылокъ. Вотъ о чемъ я теперь грущу, примолвилъ онъ Дьяволу. Справедливо, говорилъ ему другой, что ты долженъ теперь печалиться, и достоинъ еще сожалѣнія; я хотя не человѣкъ и не имѣю плоти, также и сожалѣнія, однако соглашусь тебѣ помочь. Какъ, ты Дьяволъ, спрашивалъ у него любовникъ? Да, Дьяволъ, да еще и самой забавной; меня всѣ адскіе жители любятъ, а люди ненавидятъ; я хочу тебѣ помочь въ твоей печали, ступай за мною.

Отчаянной человѣкъ не только отъ людей, но и отъ самаго Сатаны готовъ принимать вспоможенїе, а особливо въ любовныхъ дѣлахъ, въ которыхъ, говоритъ простой народъ, всегда должно призывать въ помощники дьявола, а никово другаго; и такъ послѣдовалъ онъ дьяволу. Пришедши къ дому любовницы, бѣсъ отнялъ у него образъ человѣка, и обратилъ его мухою, и такъ влетѣли они въ ея спальню. Она сидѣла на кровати, а любовникъ ея новой и другъ стараго подлѣ ее на стулѣ. Они разговаривали очень ласково, и наконецъ какъ дошло дѣло до ослзанїя, то вскочилъ онъ, и сѣлъ подлѣ ее на постелѣ, началъ обнимать ее и цѣловать въ груди, чему она нимало не противилась. Женщина когда одна гдѣ-нибудь съ мущиною, то всегда забываетъ сопротивленїе, и дѣлается безсильнѣе Сильфы. Распаленной кровїю любовникъ съ превеликою любовною жадностїю хотѣлъ поцѣловать ее въ горячїя уста; но лишь только что прошянулъ онъ свои губы, то стоящїй между ими дьяволъ нашянувъ большой свой палецъ щелкнулъ его по носу столь исправно, что красавица

закричала, а онъ вскочилъ съ постели, и воззопилъ совсѣмъ не любовничьимъ голосомъ; вынулъ платокъ и началъ отирать катящіяся неволею изъ глазъ слезы; а какъ не знали они оба, какъ растолковать это приключеніе, то вскорѣ оба и замолчали. Правая ноздря у любовника гораздо разгоралась, и такъ, чтобъ не простудить ее, приказали подать чаю. Въ одну минуту принесли жаровню и въ мѣдномъ сосудѣ кипяшокъ. Красавица стараясь, чтобъ чѣмъ-нибудь исцѣлить своего прелестника, подала ему чашку очень горячаго чаю; и какъ только хотѣлъ онъ изъ нее прихлебнуть, то Дьяволъ шкнулъ его въ затылокъ, и онъ окунулъ свой носъ, бросилъ на полъ чашку и побѣжалъ къ зеркалу. Любовница захохотала, и тѣмъ разсердила своего Адонида; однако въ такомъ сердцѣ, которое любовью заражено, досада бываетъ не долго; они скоро помирились, и прежде всего начали стараться о обожженномъ носѣ. Любовница обернула его маленькимъ полотномъ, и завязала ленточкою; взявши ножницы хотѣла поближе отрѣзать ленту, но вмѣсто того выколола ему глазъ,

ибо Дьяволъ подтолкнулъ ее подъ локоть. Тутъ-то овладѣла досада нашимъ Селадономъ, и онъ не принимая отъ нее никакого оправданія, уѣхалъ домой. Красавица осталась въ отчаяніи, и не знала, что о томъ подумать. Домашніе всѣ не меньше ее сомнѣвались; однако сколько ни думали, только наконецъ уснули; ибо была уже это глубокая ночь. Дьяволъ и отчаянной любовникъ выбрались на улицу, и сдѣлались оба человѣками; прямой человѣкъ захохоталъ во всю мочь, и благодарилъ почти со слезами отъ смѣха Дьявола. Пойдемъ же теперь къ нему домой, говорилъ ему бѣсъ; я тамъ покажу тебѣ больше надъ нимъ шутки. Хотя любовникъ и уговаривалъ его, что этого для него довольно, однако Дьяволъ не соглашался оставить свое предпріятіе и такъ отправились они въ домъ къ кривому Селадону.

Когда они пришли туда, и обратившись опять въ малыя пивари, спали невидимы, то Дьяволъ вмѣшавшись между больнымъ и лекаремъ, которой тутъ уже находился, и не давалъ ему ни мало пользовать больнаго, смѣшивалъ пластыри съ мазьми, спиралъ ненадобное съ

надобнымъ, и словомъ, дѣлалъ ему всякïя пакости, чего лекарь услужавшись ушелъ и оставилъ больнаго. Послѣ того принялся его лечить Дьяволъ и не столько пользовалъ, сколько безпокоилъ. Больной поднялъ великой шумъ, и кричалъ какъ бѣшеной. Дьяволъ его больше безпокоилъ, а онъ больше сердился. Слуги видя, что господинъ ихъ рехнулся умомъ, предпрïяли помочь ему; и такъ принесли веревку и ею его опушали, онъ чего пришелъ онъ въ несказанную запальчивость. Слуги побѣжали за роднею; и когда они собрались, то знающïе свѣтъ женщины приказали сбѣгать за попомъ. Священникъ пришедши началъ читать надъ нимъ обыкновенныя молитвы. Дьяволъ сдѣлалъ его въ подлинну сумасшедшимъ, и дни не болѣе какъ въ три, отправилъ на тотъ свѣтъ. Живность его погасла, и любовь съ нею потухла. Прïятель въ Дьяволѣ возъимѣлъ въ семъ случаѣ надежду, и просилъ бѣса, чтобы онъ пособилъ ему получить любовницу. Бѣсъ къ его услугамъ, и началось предпрïятïе, Дьяволъ говорилъ ему, надобно мнѣ сыграть и съ нею комедïю, безъ которой обойтись способовъ я не вижу. Попомъ

Дьяволъ понесъ его въ волшебной островъ; тамъ силою волшебницы далъ ему образъ прекраснѣе Адонидова, и наполнилъ сво всякими нѣжностями.

Потомъ когда настала ночь, то велѣлъ ему лечь на волшебницыну постелю, и принесъ сонную его любовницу, которая проснувшись увидѣла себя совсѣмъ въ незнакомомъ и великолѣпномъ мѣстѣ, чему весьма удивилась; но удивленїе ея умножилось, когда увидѣла она спящаго подлѣ себя мущину. Прелести его лица отогнали весь ея страхъ, съ которымъ было она нѣсколько познакомилась; вставши въ постели начала его разсматривать, и не долго надобно было времени, чтобы влюбилась въ него смертельно. Сонной кавалеръ всталъ, только не въ трезвомъ умѣ; ибо Дьяволъ сдѣлалъ его лунатикомъ, взялъ въ руку висящую на стѣнѣ шпагу, зачалъ говорить нѣкоторыя сумазбродныя слова, и гоняться за своею любовницею, которая отъ страху не знала, куда спрятаться; кричать ей было не возможно, по тому что не знала она, гдѣ находится; и такъ всю ночь была въ такомъ пребе-

никомъ страхъ. Наконецъ рыцарь легъ, и ее склонилъ сонъ; проснувшись увидѣла она себя опять въ своей горницѣ. Сердце ея билось еще отъ страха; однако и любовь не меньше господствовала въ ономъ; и такъ положила молчать и не сказывать никому, чего она сама не понимала.

Въ наступившую ночь боялась лечь одна, и велѣла окружить себя своимъ служанкамъ. Дьяволъ тѣмъ не былъ еще доволенъ, и перенесъ всѣхъ ихъ къ спящему Селадону, которой тотчасъ всталъ спать, и взявши плеть, началъ весьма усердно охлестывать спящихъ на полу дѣвокъ, которыя хотя и не хотѣли, однако вскочили. Крикъ и вопль поднялся тотчасъ; и ежелибы не было тутъ шемно, то бы довольно было идеи лучшему живописцу для картины. Дѣвушки бѣгали, прыгали, и словомъ, танцовали такъ, какъ искусной мастеръ, страхъ научаетъ? Къ свѣту всѣ угомонились, и заснули. Проснувшись осмотрѣлись, и увидѣли себя въ своей горницѣ; они бы конечно подумали, что все то видѣлось имъ во снѣ, но спины увѣряли ихъ, что то случилось на яву.

Въ семъ домѣ не меньше было дурныхъ переговоровъ, какъ въ такомъ, гдѣ водятся домовые. Народъ приходилъ отвсюду, и подавалъ свои совѣты во время дня хозяйкѣ, а къ ночи всякой уходилъ домой, для того что сказываютъ, будто чортъ красноречія не любитъ, и прежде всѣхъ нападаетъ на тѣхъ, которые стараются его искоренить. Дьяволъ намѣренъ былъ еще много понадѣлать, однако упомяненной любовникъ просилъ его окончить свое предпріятіе. Они сочетались бракомъ, жили хорошо, и сказываютъ, что уже скончались.

Всѣ примолвили къ этому слову, благополучна имъ дорога на тотъ свѣтъ, и пошли опочивать, такжe и я отправился на свою постелю, да думаю и сочинитель въ этой части писать больше ничего не будетъ.

ВСЕ ТУТЪ.

[redacted]
3 6105 001 341 382

PQ
3311
.C5.P4
1789
v.1/2

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 21 2002
SEP 21 2002